ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2017 № 1

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 1 (40)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

Тема номера: Мягкая сила и культурная дипломатия в АТР

От редактора рубрики **5**

Песцов С.К. Гигант выходит из тени: к дискуссии о мягкой силе Индии **8**

Бобыло А.М. Политика интернационализации высшего образования в странах АТР как инструмент «мягкой силы» (на примере США, КНР, Сингапура и РФ) **18**

Кулинич А.А. «Мягкая сила» и национализм современной Японии: китайский вектор **30**

Инь Жуюй. Определение повестки дня газеты «Чайна Дейли» (China Daily) как составная часть «мягкой силы» Китая **42**

Ставров И.В. Образ России на страницах газеты «Хэйлунцзян жибао» **54**

Козлов Л.Е. Культурная дипломатия как ресурс регионального развития **61**

Историческое регионоведение

Авилов Р.С. Формирование и обучение запаса армии в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны **76**

Стасюкевич С.М. Земельная политика советской власти и землеустройство на Дальнем Востоке в 1920-х гг. **90**

Экономика и природопользование

Мозговая А.В. Эколого-экономическое противоречие: социальная сущность, субъекты, динамика **103**

Ступникова А.В. Интеграция рынка овощей юга Дальнего Востока РФ с российским и китайским рынками **116**

Социальные и демографические структуры

Берестова Е.М., Васина Т.А., Субботина А.М. Социокультурные аспекты развития здравоохранения в Камско-Вятском регионе в XIX – начале XX в. **126**

Горян Э.В. Ликвидация калечащих женщин практик (FGM) в Дагестане в контексте борьбы с насилием в отношении женщин в России: приверженность международным стандартам или апелляция к культурным традициям? **136**

Владивосток
2017

Мировая система и международные регионы

Шлапеко Е.А. Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве **152**

Голобоков А.С. Роль России и Китая в создании модели региональной энергетической безопасности в Северо-Восточной Азии **163**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), Я.А. Барбенко, В.А. Бурлаков, А.В. Винокурова, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев, Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, Г. Кристофферсен, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, Н.П. Рыжова, С.В. Севастьянов, А.Г. Филипова, О.И. Шестак, Шин Беом-Шик, Широ Сасаки, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: http://www.ojkum.ru
E-mail: ojkum@rambler. ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман
Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.
Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 1 (40)

scientific-theoretical journal

Issued 4 times a year

Founded in 2006

Vladivostok **2017**

Tema homepa: Soft power and culture diplomacy in the Asia-Pacific

From the editor of the heading **5**

Pestsov. S.K. Giant comes out of the shadows: discussion on India's soft power **8**

Bobylo A.M. Policy of higher education internationalization in APR countries as "soft power" instrument (on the example of the USA, China, Singapore and Russia) **18**

Kulinich A.A. «Soft power» and nationalism of modern Japan: Chinese vector **30**

In' ZHuyuj. Agenda setting power of "China daily" newspaper as a part of Chinese "soft power" **42**

Stavrov I.V. The image of Russia in the newspaper "Heilongjiang Daily" **54**

Kozlov L.E. Cultural diplomacy as a resource for regional development **61**

Historical regional studies

Avilov R.S. The organization and the training of the army reserve manpower pool in Priamurskiy Military District before the World War I **76**

Stasyukevich S.M. Land policy of Soviet power and planning in the Far East in the 1920-s **90**

Economy and Nature

Mozgovaya A.V. Ecology-economical contradiction: social essence, actors, dynamics **103**

Stupnikova A.V. Integration of the vegetable market of the south Russian Far East with the Russian and Chinese markets **116**

Social and demographic structures

Berestova E.M., Vasina T.A., Subbotina A.M. Social partnership and processes of social and cultural transformation in the Kama and Vyatka Region (second half of XIX – early XX century) **126**

Goryan Eh.V. The elimination of female genital women practices (FGM) in Dagestan in the context of combating violence against women in Russia: a commitment to international standards or an appeal to the cultural traditions? **136**

World system and international regions

Shlapeko E.A. Institute of public diplomacy and its place in cross-border social and cultural space **152**

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), Ya.A. Barbenko, V.A. Burlakov, A.V. Vinokurova, M.G. Ganopolskij, A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina, V.N. Karaman, A.A. Kireev, L.I. Kirsanova, V.V. Kozhevnikov, G. Christoffersen, A.M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, N.P. Ryzhova, S.V. Sevastyanov, A.G. Filipova, O.I. Shestak, Shin Beom-Shik, Shiro Sasaki, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher education "Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: http://www.ojkum.ru
E-mail: ojkum@rambler. ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman
Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.
Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Далеко не многие из концептуальных построений в современной теории международных отношений за короткий срок сумели приобрести столь же широкую известность, как «мягкая сила» Дж. Ная. Введенное в научный оборот в начале 1990-х гг., сегодня это понятие занимает заметное место в академических дискуссиях, присутствует в политической риторике, появляется в официальных документах, определяющих внешнеполитические стратегии самых разных государств мира. Весьма широкую популярность концепция мягкой силы приобрела в Азиатско-Тихоокеанском регионе, несмотря на то, что ее автор отталкивался в первую очередь от возможностей и потребностей крупных мировых держав. Ученые и аналитики большинства государств региона давно и активно обсуждают достоинства и недостатки, возможности и ограничения этой концепции, стремясь адаптировать ее к специфическим контекстам своих стран. Политики и правительства пытаются интегрировать мягкую силу в стратегии внешнеполитических действий, исходя из конкретных вызовов, встающих перед их странами на международной арене.

Причины, объясняющие небывалый взлет интереса к мягкой силе в АТР, называются самые разные. Здесь можно говорить о двух крайних полюсах. В одном случае причину связывают с конкретными культурно-историческими особенностями самой крупной растущей региональной державы – Китая, для которого идея нематериальной силы как составной части общей национальной мощи оказалась соответствующей как положениям традиционной конфуцианской культуры, так и опыту коммунистической политической практики. И, соответственно, растущее внимание к мягкой силе Китая в условиях традиционного беспокойства соседей возможными последствиями его подъема, в форме цепной реакции привело к актуализации проблематики мягкой силы в политических дискурсах большинства других стран АТР. С другой стороны, причина повышенного интереса к мягкой силе в регионе усматривается в специфике общей региональной ситуации, которая складывается здесь в настоящее время. Главной отличительной чертой этой ситуации является двойственность – одновременная готовность региона как к соперничеству, так и к сотрудничеству. Если стремительный экономический рост государств региона, сопровождающийся увеличением их военных расходов (жесткой силы), с неизбежностью усиливает соперничество, то растущее осознание важности региональной кооперации переводит это соперничество в конкуренцию за влияние и поддержку. Мягкая сила в этой ситуации превращается в оптимальный инструмент региональной и международной политики, позволяющий добиваться конкурентных преимуществ без угрозы фатальных потерь.

Так или иначе, состязание в мягкой силе государств Азиатско-Тихоокеанского региона к настоящему времени набирает все большие обороты. Правительства обновляют региональные внешнеполитические стратегии и инвестируют все больше средств в проекты культурных и образовательных обменов, международные коммуникации и имиджевые акции, мероприятия публичной дипломатии, программы экономической помощи и содействия развитию. Освоение этой концепции в АТР не сводится к простому копированию или механическому заимствованию положений исходной модели. Речь в данном случае, скорее, может идти о многочисленных импровизациях на общую тему, приводящих к появлению вместо универсальной концепции стратегий с явно выраженными «национальными» специфическими чертами, дополняющими и зачастую существенным образом модернизирующими исходную идею.

Поэтому интерес к этой проблематике, растущий в отечественном и зарубежных академических и политических сообществах вряд ли может вызвать удивление. Представленные здесь работы, рассматривая и углубляя на примерах стран Азиатско-Тихоокеанского региона различные аспекты этой проблематики, вносят свой вклад в расширение и создания тем самым более полной и многогранной картины научного поиска в этой области.

Открывает рубрику работа С.К. Песцова «Гигант выходит из тени: к дискуссии о мягкой силе Индии», которая посвящена все активнее разворачивающимся в последние годы теоретическим дискуссиям и практике использования ресурсов мягкой силы Индией, повышающей ее роль в региональных и международных делах. Сегодня, как отмечает автор, оба растущих азиатских гиганта – Индия и Китай – пытаются использовать свою мягкую силу глобально, хотя и по-разному. Если главной визитной карточкой Китая выступают его экономические успехи, то Индия пытается опереться на смесь конституционных, политических, экономических и культурных ценностей. И хотя Индия окончательно все еще не определилась со своей мягкой силой концептуально, все более активные дискуссии о мягкой силе вместе с постепенно набирающими силу переменами свидетельствуют о том, что страна явно стремится к укреплению своего международного статуса и влияния.

В работе А.М. Бобыло «Образовательная политика стран АТР как инструмент «мягкой силы» (на примере США, КНР, Сингапура и РФ)» предпринимается попытка сравнительного анализа образовательных стратегий как одного из важнейших инструментов в арсенале мягкой силы четырех разных по своим масштабам и возможностям стран АТР – США, КНР, РФ и Сингапура. Наиболее успешным актором по осуществлению «мягкой силы», приходит к выводу автор, остаются сегодня США. Вместе с тем, Китай, который в последние годы активизирует свою «мягкую силу», постепенно превращается в нового потенциального лидера. КПК осуществляет централизованную политику, ориентированную на традиционализм и культуроцентричность. Опыт еще одного государства АТР – Сингапура – показывает, что малые государства также весьма успешно способны продуцировать и использовать «мягкую силу» в целях содействия развитию национального социально-экономического потенциала. Россия, на фоне этих акторов, пока что весьма слабо и часто неэффективно реализует свои возможности, хотя и имеет потенциал развития «мягких» инструментов влияния на международной арене. Работа по продвижению российских образовательных услуг как важного элемента стратегии мягкой силой, как отмечается в статье, требует более масштабного, системного и скоординированного подхода.

В статье А.А. Кулинича ««Мягкая сила» и национализм современной Японии: китайский вектор» анализируются основные направления «мягкой силы» Японии в контексте формирования позитивного образа страны в КНР. Анализ внешнеполитической деятельности Японии в отношении КНР показал, что Япония и Китай выходят на рубеж качественно новых, более сложных, взаимоотношений. Области взаимодействия Токио и Пекина непрерывно расширяются, однако согласование позиций двух сторон достигается с немалым трудом. В региональной борьбе за лидерство во внешнеполитических целях Япония по-прежнему рассчитывает на «мягкую силу», магнетизм и очарование японской культуры, действенность усилий по ее продвижению. Применение мягкой силы, утверждает автор, нацелено на формирование культурных симпатий китайцев к Японии независимо от японского политического курса. И развитие медиапространства дает Японии дополнительные возможности для реализации своей национальной стратегии.

Еще в двух работах, представленных в рубрике, рассматривается роль медиа и коммуникаций в процессе формирования и реализации мягкой силы. Инь Жуюй в статье «Определение повестки дня газеты «Чайна Дейли» (China Daily) как составная часть «мягкой силы» Китая» исследует характер представления китайской государственной газетой «Чайна Дейли» саммита G20 2016 г. в Китае, как способ формирования повестки в качестве одного из подходов к реализации «мягкой силы» Китая. Автор утверждает, что новости при поддержке государства становятся одним из весьма влиятельных факторов «мягкой силы». Режим в Китае успешно реализует стратегию установления повестки. Это обусловливается, как считает автор, во-первых, тем, что руководство имеет значение; во-вторых, простотой формирования повестки в качестве силы в условиях, когда режим обладает финансовым и административным ресурсом; в-третьих, тем, что китайские власти способны конвертировать эти мощные ресурсы в силу установления повестки. Таким образом, приходит она к выводу, установление повестки представляет собой серию процессов, которые играют альтернативную роль в развитии «мягкой силы» Китая в международных отношениях.

Работа И.В. Ставрова «Образ России в региональных СМИ КНР (на примере газеты «Хэйлунцзян жибао»)» посвящена изучению образа России в региональных средствах массовой информации КНР. В статье показано, что образ России в региональных масс-медиа Китая в целом имеет нейтральный характер. Материалы о нашей стране, отмечается автором, в основном появляются эпизодически, что в значительной мере обусловлено обращенностью масс-медиа КНР к внутренним проблемам своей страны. Тем не менее, несмотря на преимущественно нейтральный характер сообщений о России, встречаются материалы, явно или неявно формирующие ее положительный образ как страны с высокоразвитой культурой.

Еще один автор обращается к другому, не менее важному инструменту мягкой силы – культурной дипломатии – и ее роли в общем региональном развитии. В работе Л.Е. Козлова «Культурная дипломатия как ресурс регионального развития» на эмпирическом материале Дальнего Востока России рассматриваются взаимосвязи культурной дипломатии и государственного регулирования территориального развития. Опираясь на результаты проведенного исследования, автор доказывает возможность стимулирующего воздействия культурной дипломатии на социально-экономическое развитие регионов. Однако, отмечает он, следует обращать внимание на то, что иностранная культурная дипломатия работает на интересы проводящих её держав. Поэтому с точки зрения интересов принимающего государства стимулирование социально-экономического развития регионов за счёт иностранной помощи необходимо рассматривать как временное явление, стремиться замещать её внутренними источниками территориального развития, а в международном культурном сотрудничестве поддерживать паритет с иностранными партнёрами.

В целом представленные в этом номере тексты и исследования, не исчерпывая всей проблематики освоения мягкой силы разными странами Азиатско-Тихоокеанского региона, позволяют расширить общую картину сложного и многогранного процесса теоретической и практической адаптации этого концепта к их быстро меняющимся национальным потребностям и интересам.

С.К. Песцов

УДК 327. 8

Песцов С.К.
Pestsov S.K.

Гигант выходит из тени: к дискуссии о мягкой силе Индии

Giant comes out of the shadows: discussion on India's soft power

Одним из наиболее заметных событий рубежа веков стал почти одновременный стремительный подъём двух азиатских гигантов – Китая и Индии. Опираясь на растущие экономические успехи, Индия за короткое время существенно укрепила и свою «твёрдую» силу. С начала 2000-х гг. большее внимание она начинает удалять и своей «мягкой» силе, играя всё более заметную роль в региональных и международных делах. Данная работа рассматривает ряд тем, занимающих важное место в продолжающейся дискуссии о содержании и стратегии мягкой силе Индии.

Ключевые слова: *Индия, мягкая сила, привлекательность, культура, помощь развитию, демократические ценности, модель экономического роста*

◆

One of the most significant events at the turn of the century was the rapid rise of the two Asian giants – China and India. Based on the growing economic success of India in a short time and significantly strengthened its «hard» power. Since the 2000s, India begins to pay more attention to its «soft» power, playing an increasingly important role in regional and international affairs. This paper examines a number of issues that occupy an important place in the ongoing debate on the content and strategy of soft power in India.

Key words: *India, soft power, attraction, culture, development assistance, democratic values, model of economic growth*

Одним из наиболее заметных событий рубежа веков стал почти одновременный стремительный подъём двух азиатских гигантов – Китая и Индии. Две страны с самой большой численностью населения, представляющие великие мировые цивилизации с тысячелетней историей, в последние десятилетия демонстрируют впечатляющие темпы экономического роста и очевидную динамику внутренних социальных перемен. Основное внимание исследователей, экспертов, политиков и общественности, до сих пор привлекает к себе Китай, первым вступивший на этот путь. Задержавшаяся на старте Индия постепенно сокращает отрыв. Занимая в 2014 г. 10-ю позицию по номинальному размеру ВВП, в 2015 г. она стала 7-й по этому показателю (Китай – 3-й). К 2020 г. Индия по прогнозам поднимется до 5-й позиции, а Китай станет 2-м **[15]**. По показателю размера ВВП по паритету покупательной способности с 8-го места в 2012 г. Индия поднялась до 3-его места (Китай – 1-й) **[17]**. Соотношение по темпам роста ВВП, составлявшее в 2000 г. 4,0% у Индии по сравнению с 8,4% у Китая, к 2016 г. претерпело заметное изменение. Индия вышла вперёд с 7,6% по сравнению с 6,6% у Китая **[16]**.

ПЕСЦОВ Сергей Константинович, д.полит.н., профессор департамента массовых коммуникаций Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*. **E-mail:** skpfox@mail.ru

Опираясь на растущие экономические успехи, Индия за короткое время существенно укрепила и свою «твёрдую» силу. После ядерной сделки США – Индия в июле 2005 г. страна окончательно закрепилась в статусе легитимной ядерной державы **[31]**. В рейтинге военной мощи Global Firepower 2015 г. она поднялась на 4-ю позицию, непосредственно за Китаем, значительно опередив своих более развитых соседей – Южную Корею (7-я позиция) и Японию (9-я позиция) **[6]**. А в соответствии с рейтингом Глобального Индекса Милитаризации (Global Militarisation Index), который измеряет относительный вес и значимость военных структур государства в общественной системе в целом, Индия в 2015 г. оказалась на 83-м месте, оставив Китай (87-е место) позади **[10, p. 14]**.

Однако, несмотря на все эти успехи, Индия по-прежнему остаётся в тени, играя менее заметную роль в международных и даже региональных делах, оказывая на них существенно меньшее, по сравнению с его соседом, влияние. Иллюстрацией этого является позиция Индии в Индексе Глобального Присутствия (Global Presence Index). Показатель «глобального присутствия» сконструирован для измерения того, как и в какой степени страны представлены за пределами своих границ, независимо от того, пытаются ли они реально реализовать своё влияние или силу. «Глобальное присутствие может быть основой силы – платформой или активом, которые могут трансформироваться во влияние или силу – если страна, расширяющая своё присутствие, в состоянии и готова добиваться этого» **[29, p. 10–11]**. Индия по этому показателю, занимая в 2015 г. 17-ю позицию, заметно отставала от находящегося на 4-й позиции Китая. Отставание это фиксировалось и в экономическом, и в военном, и наиболее радикально – в «мягком» присутствии **[29, pp. 14–15, 18–20]**.

Анализируя малоприятные для Индии результаты другого исследования, специально посвящённого измерению мягкой силы, один из комментаторов вообще делает вывод, что в настоящее время она не обладает ни «твёрдой» силой, как США, Россия и Китай, ни «мягкой силой», как Великобритания, Германия или те же США. «Она не является ни тем, ни другим и потому её силы нет нигде в мире» **[8]**. Не соглашаясь полностью с такого рода утверждениями, многие эксперты, там не менее, признают, что «пока имеется мало доказательств того, что индийская «мягкая сила» формирует внешние политики других стран в отношении Индии, или политику Индии по отношению к ним» **[1]**. Даже то, что «широкой общественности во многих странах нравится Индия (или она не опасается её роста), – считают они, – не обязательно переводится в широкую основу индийской «мягкой силы» **[18, p. 11]**.

Активная внешняя политика пришедшего к власти в мае 2014 г. правительства Н. Моди, как полагают многие эксперты, свидетельствует о возрастающих претензиях Индии на роль более активной мировой державы и её включение в разворачивающуюся в Азии конкуренцию в мягкой силе **[36]**. Заметно меньшее до недавнего времени внимание в Индии – теоретическое и практическое – к проблематике мягкой силы во многом обусловливалось общим контекстом развития страны. Во-первых, её первоначальная экономическая динамика в гораздо большей степени опиралась на внутренние факторы. Соответственно, потребность в благоприятном внешнем окружении, критически важная для стран, опирающихся на внешне-ориентированные стратегии роста, не являлась жизненно важной или приоритетной. Во-вторых, в силу целого ряда исторических и репутационных обстоятельств сама Индия и её экономический рост не воспринимались соседями и более широким окружением в качестве угрозы. Индия поэтому, в отличие от того же Китая, в гораздо меньшей степени сталкивалась с потребностью «исправ-

ления» своего внешнего имиджа. Наконец, в-третьих, это вытекало из распространённого и сохраняющегося до сих пор среди индийской элиты и общественности убеждения, что сама по себе мягкая сила бесполезна, либо её не существует вовсе без предварительного накопления нацией определённого потенциала «твёрдой» силы.

Ситуация стала постепенно меняться с начала 1990-х гг. в процессе трансформации индийской внешней политики. Эти перемены подталкивал меняющийся контекст и, в частности, растущая в ходе экономических реформ связь Индии с глобальными рынками, необходимость дальнейшей хозяйственной либерализации и открытости, увеличивающиеся потребности в энергетической и минеральном сырье для поддержания высоких темпов роста. Не менее важным фактором выступала и расширяющаяся внешнеполитическая активность, в том числе в непосредственном окружении Индии, её соседа и давнего оппонента, Китая. Важным элементом новой внешней политики Индии в отношении её ближайших региональных соседей стала доктрина Гурджала с её принципом невзаимности, который подчёркивал не только большую ответственность Индии, но и необходимость предоставления с её стороны малым соседям большего, чем она может получить от них **[38, p. 7]**. Одновременно с этим, новый подход акцентировал внимание на «культурном единстве Южной Азии», фундаментом которого выступало общее наследие. Это общее наследие, по словам Р. Сири, не просто отражается в религии, крикете, одежде, кухне и социальных обычаях, но создаёт основу «общей политической культуры» Южной Азии **[35, p. 17]**.

Ещё более очевидный поворот Индии в отношении к мягкой силе и оценках её возможностей наметился в начале 2000-х гг. Одним из важных стимулов в этом случае стал все более очевидный интерес к мягкой силе как важному компоненту всеобъемлющей национальной мощи в интерпретации Китая, и все более настойчивые его усилия по интеграции имеющихся (предполагаемых) национальных активов мягкой силы в общую стратегию взаимодействий с внешним миром. Эта стратегия объединяла, как минимум, пять основных направлений: расширение медийных каналов коммуникации с зарубежными аудиториями, укрепление связей с диаспорами, продвижение национальной культуры (Институты Конфуция), создание и продвижение контрнарративов («мирный подъём», «мирный рост») и совершенствование механизма управления активами мягкой силы. Примером последнего стало создание в 2004 г. Департамента публичной дипломатии в рамках Департамента информации МИД КНР.

Соседи Китая, включая Индию, не могли не обратить на это внимания. Китайское «наступление очарованием», как отмечает ряд исследователей, вызывало значительное беспокойство Индии и усилило призывы к осуществлению аналогичных шагов со стороны Нью-Дели. Эти шаги рассматривались как часть общей политики стратегического «хеджирования» роста Китая с помощью подражания, уравновешивания и повышения активности **[7; 13]**. Важнейшие из них включали (1) усилия Индии по охвату зарубежных индийцев, (2) налаживание коммуникаций с иностранными бизнес-интересами, (3) реализацию программ иностранной помощи и помощи развитию, (4) организацию мероприятий для демонстрации и продвижения «национального бренда» Индии и (5) использование новых социальных медиа, чтобы выйти на более молодые, технически подкованные аудитории» **[12, p. 1102]**. Так, все большее внимание Индия стала уделять деятельности созданного ещё в 1950 г., но со временем утратившего энергию Индийского совета по культурным связям (ICCR). К 2013 г. его инфраструктура за рубежом постепенно расширилась до 20 региональных отделений, 35 культурных

центров и 93 кафедр по изучению языка и культуры в университетах по всему миру. В 2007 г. правительство Индии приступает к реализации программы студенческих обменов Индия – АСЕАН, а чуть позже к организации сети, связывающей индийские университеты с системой высшего образования АСЕАН **[2]**.

Как и Китай, Индия начала более настойчиво укреплять связи со своими зарубежными диаспорами. В 2000 г.правительством был создан Комитет высокого уровня по делам индийской диаспоры и индийцев-нерезидентов, призванный содействовать вовлечению диаспор в экономическое, социальное и технологическое развитие Индии и использованию возможностей индийских сообществ за рубежом для улучшения внешнего имиджа страны **[3]**. Все более заметными становились и усилия Индии по предоставлению внешней помощи и помощи развитию. Начиная с 2000 г., она преобразует и дополняет рядом целевых инициатив свою прежнюю, довольно ограниченную программу иностранной помощи, ориентированную на Бутан, Непал и Мьянму. В 2008 г. Индия пожертвовала 26,7 миллиардов рупий ($ 627 млн.) в рамках усилий по оказанию помощи, включавших гранты, кредиты и взносы в международные институты **[4]**. Для координации этой деятельности индийское правительство учреждает Администрацию партнёрства по развитию в рамках Министерства внешних связей и уже к 2011 г. Индия становится одной из основных стран-доноров, занимая второе после КНР место среди развивающихся стран по объёму предоставляемой помощи **[26]**. Значительная часть внешней помощи Индии приходится на африканские страны, где активно действовал и Китай. На саммите Индия – Африка в 2011 г. Индия обязалась выделить африканским странам 5 млрд. долл. в виде льготных кредитов и ещё 700 млн. долл. на разработку совместно с Африканским союзом (АС) новых институтов и программ подготовки кадров **[26]**. Наконец, в 2006 г. в Министерстве внешних связей Индии было создано специальное подразделение, призванное координировать усилия в сфере публичной дипломатии, объединяя и согласовывая активность официальных структур и неправительственных акторов **[27]**.

Несмотря на все более активное включение в арсенал внешней политики Индии различных ресурсов и инструментов мягкой силы, очевидным недостатком, как отмечают многие наблюдатели, оставалось отсутствие общей согласованной стратегии и неадекватность её компенсации реактивными и ad hoc действиями. Все это вызывало растущую критику, указывающую на недостаточное внимание мягкой силе как важному инструменту государственной политики со стороны индийской дипломатии в качестве одной из основных причин общей слабости мягкой силы Индии **[3]**. Одновременно с этим критический анализ начал обнаруживать и более фундаментальные причины этого, способствуя более глубокому, детальному и трезвому взгляду на имеющиеся у страны активы мягкой силы, возможности и стратегии их эффективного использования. Не менее важным было и то, что в самой Индии стало расти общее осознание важности мягкой силы как ресурса, который может способствовать национальному развитию и укреплению положения страны в мире. Это происходило, в том числе, благодаря усилиям авторитетных сторонников и пропагандистов мягкой силы, таких как Ш. Тхарур, настойчиво доказывающих, что в современных условиях значение имеет не размер армии или экономики, а способность страны рассказать «лучшую историю» **[37]**. Заметные подвижки в этом отношении происходили и на уровне официальной политики. В 2007 г. Пранаб Мукерджи, нынешний президент Индии, а тогда занимавший пост и министра иностранных дел, констатировал: «хотя житейская мудрость подсказывает, что экономическая и военная мощь являются детерминантами прояв-

ления международной силы… недавняя история показывает, что такая сила способна работать эффективно только тогда, когда дополняется мягкой силой» **[24]**.

Как и в большинстве случаев национальной адаптации идеи мягкой силы азиатскими странами, усилия Индии в этом направлении начинались с общей инвентаризации имеющихся или предполагаемых активов и ресурсов. Основой здесь также выступала формула мягкой силы Дж. Ная и его определение культуры, политических ценностей и внешней политики как основных конституирующих её элементов. Первоначальные оценки имеющихся у Индии ресурсов мягкой силы, как правило, были весьма оптимистичными. Бесспорным, по мнению большинства аналитиков, являлось то, что они весьма изобильны и многогранны. В их перечень включалось все – от музыки, литературы, искусства, кинофильмов, спортивных состязаний и природы до антиколониальной истории Индии, её демократических институтов, свободной прессы, независимой судебной власти, гражданского общества, мультиэтнического государства, атеизма, плюрализма, квалифицированной англоязычной рабочей силы, еды, кустарных промыслов, йоги, статуса Индии как ответственной ядерной державы, быстрого роста информационного и технологического секторов в таких местах, как Бангалор, и большой индийской диаспоры по всему миру **[см., например: 14; 23; 33]**. «Индийская демократия, наши процветающие свободные СМИ, наши форумы гражданского общества, наши энергичные правозащитные группы и повторяющиеся зрелища наших замечательных всеобщих выборов, все это, – считает Ш. Тхарур, – сделало Индию редким примером успешного управления разнообразием в развивающемся мире» **[37]**.

Однако постепенно все более внимательный и трезвый анализ обнаруживал, что очевидная слабость мягкой силы Индии обусловливается не только неумелым и неэффективным управлением имеющимся богатством, но и иными, менее очевидными, но весьма важными обстоятельствами. К числу последних все чаще относят явное преувеличение в оценках имеющихся ресурсов, объективную невозможность эффективного их использования в складывающемся конкурентном окружении, ограниченность потенциальной способности некоторых из них генерировать ожидаемые эффекты, как вследствие более сложной природы механизма привлекательности, так и в результате противоречивой природы взаимодействий различных активов мягкой силы, способные не только усиливать, но и ослаблять друг друга.

Культуру – первый и чаще всего рассматриваемый в качестве важнейшего компонент и актив мягкой силы – в случае Индии в первую очередь олицетворяет, по мнению одних, её традиционная культура и духовные практики или, как считают другие, современная культура, которую представляет главным образом Болливуд. В отличие от Китая, однозначно акцентирующего внимание на ценностях традиционной культуры, Индия не только не обходит вниманием современную культуру, но и отдаёт ей предпочтение в качестве важного актива своей мягкой силы. Это сближает подход Индии со стратегиями ряда других азиатских стран, ещё более однозначно отдающих ей приоритет (Япония, Южная Корея). Данное различие вызывает необходимость выяснения того, каким образом культура переводится в национальную мягкую силу, и в какой из своих ипостасей – традиционной или современной – она в этом качестве обеспечивает желаемый эффект.

В исходной модели Дж. Ная под культурой подразумевалась современная американская массовая культура. И поскольку сама его концепция первоначально во многом была связана с интересами и потребностями США, можно было предположить, что присутствующий в ней

акцент на современной культуре отчасти обусловливался молодостью и довольно непродолжительной историей этой страны. Соответственно, бесспорное доминирование в мире американской популярной культуры, с одной стороны, и предполагаемое преимущество с точки зрения исторического культурного багажа, с другой, не могли не подтолкнуть странами с большим историческим опытом к восприятию и использованию традиционной культуры как важного конкурентного актива своей мягкой силы. Однако вопрос о том, одинаково ли работают традиционная и современная культуры в качестве источников мягкой силы, остаётся. Чтобы ответить на него, необходимо обратиться к понятию привлекательности, базовому для концепции мягкой силы. Это понятие уже становилось предметом обсуждения и критического анализа в работах разных авторов **[см., например: 11; 20; 21]**. В продолжение этой дискуссии могут быть высказаны ещё несколько замечаний.

Концепт привлекательности содержит, как минимум, два, не вполне совпадающих, смысла. Во-первых, привлекательность может пониматься как интерес к чему-то незнакомому, необычному, непривычному и оригинальному. В этом случае она выступает в качестве стимула испытать и попробовать, часто в форме получения единичного разового опыта. Привлекательность в данном смысле обусловливается уникальностью и помогает различению и выделению чего-то (индивида, вещи или страны) из общего ряда. Она может выступать в качестве основы странового (национального) брендинга, обеспечивая важные экономические эффекты (туризм), но, после приобретения непосредственного опыта, её исходом может стать удовлетворение интереса (разовое знакомство), разочарование (утрата привлекательности) или же расширение интереса. Последнее может стать основой для трансформации в привлекательность иного рода.

Во втором смысле привлекательность является следствием признания чего-то важным и желательным, что можно и хотелось бы перенять, адаптировать и использовать в практике своей повседневной жизни. Именно в этом смысле привлекательность, как желательность определённых ценностей и принципов организации общественных отношений (политика) или индивидуального самовыражения и реализации творческих способностей (культура), трансформируется в мягкую силу. Можно предположить в этой связи, что традиционная культура в большей степени стимулирует привлекательность в первом её смысле, тогда как современная культура, напротив, обусловливает привлекательность во втором понимании. Очевидно, что и китайская, и индийская традиционные культуры, как и оригинальные традиционные национальные культуры многих других стран в одинаковой мере способны вызывать интерес, однако, во-первых, они не только непосредственно не производят мягкой силы, но и могут привести к её подрыву в результате более близкого знакомства с реалиями организации повседневной жизни тех или иных государств. Но пока что, как отмечает С. Коэн, «к большому огорчению [индийских элит], Индия всколыхнула западное воображение больше благодаря своим экзотическим и эзотерическим качествам, чем благодаря силе и влиянию как государства» **[5, p. 26]**.

Ещё одним важным компонентом, весьма популярным в китайской интерпретации мягкой силы, но не получившим однозначного признания в индийской её версии, является экономика. В этом случае последняя в большей степени сохраняет сходство с оригинальной трактовкой мягкой силы Дж. Наём. Несмотря на настойчивое следование Индией за Китаем в плане расширения внешней помощи, многие исследователи специально подчёркивают, что «в индийском контексте важно разъяснить, что мягкая сила не может быть найдена в торговле, инвестициях

или политике иностранной помощи Индии» **[26]**. В целом соглашаясь с тем, что экономическое процветание порождает привлекательность, полагают они, экономическая дипломатия с гораздо большим основанием может быть определена как инструмент жёсткой силы» **[25, p. 49]**. Отчасти такого рода выводы проистекают из прагматичного признания наличия у страны сравнительно меньших экономических и финансовых возможностей. Вместе с тем, динамичная экономика Индии в сочетании с демократическими принципами её общественного устройства, полагает ряд исследователей, создаёт привлекательную и конкурентоспособную экономическую модель, альтернативную централизованной и авторитарной модели Китая **[3]**. Данное предположение подчёркивает важность ещё одного компонента мягкой силы Индии, – демократии и демократических ценностей, – который активно осуждается и все активнее используется в официальной внешнеполитической лексике нынешнего руководства страны.

Значительное число специалистов в самой Индии и за её пределами полагают, что продолжительная традиция достаточно прочной, хотя и несколько хаотичной, демократии позволяет Индии использовать в качестве своего бесспорного актива «демократический эземпляризм» – парадигму, основывающуюся на успешных примерах не только США, но и развивающейся либеральной демократией в странах Восточной и Юго-Восточной Азии **[3]**. Демократические традиции Индии, считают они, в большей степени соответствуют региональным и международным стандартам современных и легитимных социально-политических систем, изначально обеспечив ей положительную репутацию и доверие к её внешней политике **[19]**. И потому игнорирование или забвение демократии во внешней политике будет являться отказом от одного из самых действенных инструментов её мягкой силы **[25, p. 53]**. Акцентирование этого актива с начала 2000-х гг. все очевиднее проявляется в практической политике Индии, расширяющей активность по поддержке, в координации с международным сообществом, демократии за рубежом. В 2005 г. Индия присоединилась к Фонду демократии ООН, вложив в него 25 млн. долл. и став вторым после США крупнейшим его донором **[3]**. На региональном уровне Индия расширяет своё участие в программах электорального содействия, укрепления правления закона и противодействия коррупции. Так, в Афганистане Индия решила связать свою помощь развитию с проектами продвижения демократии.

Вместе с тем, ряд специалистов указывают на ограниченные возможности использования Индией этого актива. Два важных обстоятельства чаще всего упоминаются в этой связи. Во-первых, это недостатки самой индийской демократии и внутренней политики, порождающие напряжённость, противоречия и критику **[34, p. 3310]**. В частности, некоторые сомнительные правительственные инициативы, связанные с противодействием внутреннему сепаратизму и оборачивающиеся нарушениями прав человека армией и полицией, весьма негативно отражаются на имидже страны, подрывая тем самым её мягкую силу **[33]**. Во-вторых, не менее серьёзные ограничения создаёт и объективный региональный контекст, вынуждающий Индию действовать с высокой степенью осторожности **[9]**.

Более того, некоторые индийские специалисты вообще скептически оценивают демократию в качестве действенного актива индийской мягкой силы. Претендовать на роль такого актива может не демократия, которая не отличается в Индии оригинальностью, а, скорее, плюрализм, который является основным принципом индийской культуры и цивилизации. «Сила Индии, – убеждён А. Бхаттачарья, – заключается в том, что Рабиндранат Тагор определил как «единство разнообразия»,

а не в том, что обыкновенно воспроизводится в индийских политических и академических кругах как «единство в многообразии» **[2]**. И все же, постепенно расширяющиеся связи Индии с США и азиатскими демократиями (Япония, Южная Корея, Австралия), настойчивое акцентирование ценностей демократии в ходе многочисленных зарубежных визитов Н. Моди, вместе с возрастающей тревогой Китая по поводу угрозы появления «демократической оси» в Азии, указывают на то, что Индия все больше опирается на этот актив для укрепления своего международного влияния и мягкой силы.

«С начала 2000-х гг., вместе с возвышением Индии на мировой арене, – как отмечает Р. Мукерджи, – академические и стратегические сообщества в Индии и за границей продемонстрировали устойчивое увеличение числа работ по мягкой силе Индии» **[25, p. 46]**. Сегодня оба растущих азиатских гиганта – Индия и Китай – пытаются использовать свою мягкую силу глобально, хотя и по-разному. Если главной визитной карточкой Китая выступают его экономические успехи, то Индия пытается опереться на смесь конституционных, политических, экономических и культурных ценностей **[32]**. Тем не менее, Индия всё ещё окончательно не определилась со своей мягкой силой концептуально, и не сформировала её целостного видения. Ей по-прежнему не хватает здоровых амбиций и заинтересованности в выработке большой стратегии **[2]**. Она находится в замешательстве относительно собственной идентичности и, соответственно, не уверена в возможностях реализации своей силы **[25, p. 55]**. Сам Н. Моди вынужден был признать в одном из своих публичных выступлений, что среди множества вопросов, из-за которых страна не в состоянии представить бренд Индии миру во всей его красе, основным является «индийское отсутствие уверенности в Индии». А продавцы, заметил он, должны быть уверены в продукте, который они хотят передать миру **[22]**. Однако постепенно набирающие силу перемены свидетельствуют о том, что гигант начинает выходить из тени.

◆

Литература

1. Baru Sanjaya. The Influence of Business and Media on Indian Foreign Policy // India Review. 2009. Vol. 8. No 3. Pp. 266–285.

2. Bhattacharya Abanti. India's Growing Soft Power in Southeast Asia: Will it Clash with China? // IPCS Special Commentary August 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ipcs.org/article/southeast-asia/ipcs-special-commentary-indias-growing-soft-power-in-southeast-asia-4070.html. (дата обращения 16.12.2016 г.).

3. Blarel Nicolas. India's Soft Power: From Potential to Reality? [Электронный ресурс]. URL: http://www.lse.ac.uk/ideas/publications/ re-ports/pdf/sr010/blarel.pdf. (дата обращения 10.04.2016 г.).

4. Chanana Dweep. India as an Emerging Donor // Economic and Political Weekly. 2009. Vol. 44. No 12. March 21 – March 27. P. 11–14.

5. Cohen Stephen. India: Emerging Power. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2002. 377 p.

6. Countries Ranked by Military Strength (2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp. (дата обращения 10.01.2017 г.).

7. Dutta Sujit. Managing and Engaging Rising China: India's Evolving Posture // Washington Quarterly. Spring 2011. Vol. 34. No 2. P. 127–144.

8. Ganapati Reddy. Digital India: India no Way Near as a «Soft Power» [Электронный ресурс]. URL: http://www.ibnlive.com/news/tech/digital-india-india-no-way-near-as-a-soft-power-1067429.html. (дата обращения 21.12.2016 г.).

9. Grävingholt Jörn, Bader Julia, Faust Jörg and Kästner Antje. The Influence of China, Russia and India on the Future of Democracy in the Euro-Asian Region // German Development Institute (DIE). Briefing Paper 2/2011. [Электронный ресурс]. https://www.die-gdi.de/uploads/media/BP_2.2011.pdf (дата обращения 16.12.2016 г.).

10. Grebe Jan, Mutschier Max M. Global Militarisation Index 2015. Bonn: Bonn International Center for Conversion GmbH, 2015. 15 p.

11. Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics. Summer 2010. Vol. 3. Issue 2. Pp. 189–211.

12. Hall Ian. India's New Public Diplomacy. Soft Power and the Limits of Government Action // Asian Survey. 2012. Vol. 52. Number 6. Pp. 1089–1110.

13. Hall Ian. China Crisis? Indian Strategy, Political Realism, and the Chinese Challenge // Asian Security. 2012. Vol. 8. Issue 1. Pp. 84–92.

14. Hymans, Jacques E. C. India's Soft Power and Vulnerability // India Review. 2009. Vol. 8. No 3. Pp. 234–265.

15. IMF World Economic Outlook. October 2016 [Электронный ресурс]. URL: sta-tisticstimes.com/economy/countryes-by-projected-gdp.php. (дата обращения 12.01.2017 г.).

16. IMF World Economic Outlook (WEO). October 2016 [Электронный ресурс]. URL: knoema.com/atlas/ranks/GDP-grouth. (дата обращения 12.01.2017 г.).

17. India's Relative Ranking in the World [Электронный ресурс]. URL: www.nriol.com/india-ststistics/world-ranking.asp. (дата обращения 12.01.2017 г.).

18. Lee John. Unrealised Potential: India's «Soft Power» Ambition in Asia // Foreign Policy Analysis. 2010. 4, June 30. 18 p.

19. Lee John. India's Edge Over China: Soft Power [Электронный ресурс]. URL: http://www.businessweek.com/globalbiz/content/jun2010/gb20100617_150774.htm

20. Lukes S. Power and the Battle for Hearts and Minds: on the Bluntness of Soft Power // Millennium: Journal of International Studies. June 2005. Vol. 33. Issue 3. Pp. 477–493.

21. Mattern J. B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. 2005. Vol. 33. Issue 3. P. 583–612.

22. Narendra Modi's Formula for «Brand India»: Leverage Legacy, «Soft» Power; Marry Global Demand with India's Strengths [Электронный ресурс]. URL: http://www.campaignindia.in/article/narendra-modis-formula-for-brand-india-leverage-legacy-soft-power-marry-g/419564. (дата обращения 7.01.2017 г.).

23. Mohan C. Raja. Indian Diaspora and «Soft Power» [Электронный ресурс]. URL: http://www.mea.gov.in/articles-in-indian-media.htm?dtl/15256/Indian+diaspora+and+soft+power. (дата обращения 03.10.2016 г.).

24. Mukherjee Pranab. Inaugurates International Seminar on Aerospace Power: Calls for Strengthening of International Legal Regime for the Peaceful Use of Outer Space. New Delhi: Ministry of External Affairs, Press Information Bureau, Gov-ernment of India, February 4, 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://pib.nic.in/. (дата обращения 16.12.2016 г.).

25. Mukherjee Rohan. The False Promise of India's Soft Power // Geopolitics, History, and International Relations. Volume 6(1). 2014. Pp. 46–62.

26. Mullen Rani D., Gangly Sumit. The Rise of India's Soft Power. May 8, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/05/08/the_rise_of_indian_soft_power. (дата обращения 14.12.2016 г.).

27. Navdeep Suri. Public Diplomacy in Indian Foreign Policy // Strategic Analysis. March 2011. Vol. 35. Issue 2. Pp. 297–303.

28. Narendra Modi's Formula for «Brand India»: Leverage Legacy, «Soft» Power; Marry Global Demand with India's Strengths [Электронный ресурс]. URL: http://www.campaignindia.in/article/narendra-modis-formula-for-brand-india-leverage-legacy-soft-power-marry-g/419564 Дата обращения 14.01.2017 г.).

29. Olivia Iliana, Grasia Manuel, Garsia-Calvo Carola. Elcano Global Presence Re-port 2014. Madrid: Real Instituto Elcano, 2014. P. 10–11. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/data/Global_Presence_2015.pdf. (дата обращения 10.01.2017 г.).

30. Pant Harsh V. New Delhi's Soft Power Push [Электронный ресурс]. URL: http://yaleglobal.yale.edu/content/new-delhi's-soft-power-push. (дата обращения 11.10.2016 г.).

31. Pethiyagoda Kadira. India's Soft Power Advantage [Электронный ресурс]. URL: http://thediplomat.com/2014/09/indias-soft-power-advantage/ (дата обращения 11.11.2016 г.).

32. Pocha, Jehangir The Rising «Soft Power» of India and China // New Perspectives Quarterly. 2003. Vol. 20. Issue 1. Pp. 4–13.

33. Purushothaman, Uma. Shifting Perceptions of Power: Soft Power and India's Foreign Policy// Journal of Peace Studies. 2010. Vol.17. Issue 2/3 [Электронный ресурс]. URL: http://www.icpsnet.org/adm/pdf/1291714915.pdf (дата обращения 16.12.2016 г.).

34. Sahu Asima. Soft Power and India: A Critical Analysi // Scholarly Research Journal for Humanity Science & English Language. December – January 2016. Vol. 3/13. Pp. 3301–3314.

35. Siri Rajiv. Challenge and Strategy: Rethinking India's Foreign Policy. New Delhi: Sage, 2009. 319 p.

36. Tandon Aakriti. The Modi Government and India's Projection of Its Soft Power [Электронный ресурс]. URL: http://www.commonwealthroundtable.co.uk/commonwealth/the-modi-government-and-indias-projection-of-its-soft-power/ (дата обращения 10.01.2017 г.).

37. Tharoor Shashi. Soft Power Can Make Us a Global Leader [Электронный ресурс]. URL: http://www.ndtv.com/india-news/shashi-tharoor-soft-power-can-make-us-a-global-leader-498517 (дата обращения 11.10.2016 г.).

38. Wijayabahu Kilani. Strengthens and Challenges for Utilizing Indian Soft Power: A Comparative Study with the United States of America // International Journal of Scientific and Research Publications. Vol. 4. Issue 12. December 2014. Pp. 1–11.

УДК 327

Бобыло А.М.
Bobylo A.M.

Политика интернационализации высшего образования в странах АТР как инструмент «мягкой силы» (на примере США, КНР, Сингапура и РФ)

Policy of higher education internationalization in APR countries as “soft power” instrument (on the example of the USA, China, Singapore and Russia)

Цель статьи состоит в исследовании стратегий использования национальных систем образования в качестве инструмента «мягкой силы» рядом стран АТР (США, КНР, Сингапур, РФ). Задача заключается в анализе по ряду критериев (правительственные программы и инициативы, объёмы финансирования, количество иностранных студентов, популяризация национального языка за рубежом) уровня конкурентоспособности стран на мировом рынке образования, а также в оценке эффективности проводимой образовательной политики. В работе применяются методы сравнительного и дескриптивного анализа.

Ключевые слова*: образовательная политика, интернационализация, АТР, «мягкая сила», иностранные студенты, США, КНР, Сингапур, РФ*

◆

The purpose of this paper is to investigate the strategies of national education system in some APR countries (USA, China, Singapore and Russia) as "soft power" instrument. The main task is to analyze in certain criteria (governmental programs and initiatives, funding, number of international students, popularizing the national language abroad) the level of the countries competitiveness on the global market of education and to evaluate the effectiveness of educational policy. The methods of comparative and descriptive analysis are used in the paper.

Key words*: educational policy, internationalization, soft power APR, international students, USA, China, Singapore, Russia*

Концепция «мягкой силы», предложенная американским политологом Джозефом Наём в середине 80-х гг. XX в., ставшая одной из наиболее популярных в теории и практике международных отношений, сегодня широко используется многими государствами во внешней политике. К числу инструментов «мягкой силы» традиционно относятся институты культуры, важнейшим из которых, на наш взгляд, является образование.

Действительно, в современном информационном обществе образовательный и научный потенциал государств определяют их конкурентоспособность и могущество, безопасность и престиж на международной

БОБЫЛО Андрей Михайлович, к.полит.н., докторант кафедры международных отношений Восточного института Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*. **E-mail:** sibiryak_84@mail.ru

арене. Поэтому доступ к современным знаниям, владение новейшими научно-техническими достижениями, наличие прорывных технологий, связанных с использованием образования как сферы стратегического строительства являются важнейшими задачами, входят в число национальных интересов любого государства.

За последние десятилетия практически все развитые страны предпринимали различные по глубине и масштабам реформы национальных систем образования, включая в свои программы такой важнейший компонент, как интернационализация, и вкладывая в неё огромные финансовые средства. В этой связи, определённый интерес для исследования, на наш взгляд, представляет образовательная политика ряда стран АТР, проводимая с целью повышения их привлекательности в мире.

В рамках данной статьи будут рассмотрены и проанализированы по ряду критериев (правительственные программы и инициативы, объёмы финансирования, количество иностранных студентов, популяризация национального языка за рубежом) меры государственной политики США, КНР, Сингапура и РФ в сфере интернационализации образования. Данные страны представляют интерес по ряду причин. США является традиционным лидером в мировых рейтингах «мягкой силы» и образования. В последние годы наблюдается все более активная образовательная и культурная политика за рубежом со стороны КНР. Опыт Сингапура интересен с точки зрения его принадлежности к группе малых государств, как страны, сумевшей добиться выдающихся результатов как в реформе национальной системы образования, так и в повышении собственной привлекательности. Россия, желающая возродить былое культурное присутствие в мире и в регионе, сегодня также прилагает усилия по интеграции в международное образовательное пространство, в связи с чем опыт зарубежных стран может быть ей полезен при модернизации образовательной стратегии РФ в АТР.

Применяемые стратегии образовательной политики в контексте «мягкой силы» в этих странах обусловлены национально-историческими особенностями и традициями, однако в целом могут быть сведены к следующим основным направлениям:

– развитие образовательного и научного сотрудничества (совместные проекты, сетевые объединения) с зарубежными вузами;

– подготовка специалистов для зарубежных экономик (экспорт образования);

– реализация академических обменов с зарубежными вузами;

– распространение национального языка за рубежом.

США. Своевременное осознание преимуществ интернационализации образования позволило американским университетам создать все необходимые условия для привлечения иностранных студентов и стать мировыми лидерами на международном рынке образовательных услуг (около 25 % всего рынка). Действительно, в настоящее время высшее образование в США признаётся лучшим в мире. Получив его, можно рассчитывать на перспективную карьеру практически в любой стране. По данным статистики около 80% всех учёных, удостоенных Нобелевской премии, работают ныне в университетах США. Например, в Калифорнийском технологическом университете (Калтеке) преподают 11 нобелевских лауреатов, а в Йельском университете – 7 **[3, с. 152].** Тот факт, что американцы смогли создать университеты мирового уровня, практически с самого возникновения включив их в систему рыночных конкурентных отношений, убедительно подтверждается и данными всех международных рейтингов. Согласно данным ОЭСР, количество иностранных студентов, поступающих в американские университеты, с каждым годом увеличивается, в среднем, на 40 тыс. человек. Так, в

2010 г. это число составляло 684 тыс. человек, в 2011 – 709 тыс. человек, в 2012 – 740 тыс. чел. или около 25% от общего числа иностранных студентов в мире **[12]**.

Такому успеху во многом способствует серьёзная финансовая поддержка образования со стороны государства. Всего государственные и частные расходы на образование в США в конце XX века составили около 800 млрд. долл. США в год, в том числе расходы на высшее образование около 220 млрд. долл. США, из них около 140 млрд. – доля государственного финансирования. В целом в начале 2000-х гг. США тратили на образование 6,7% ВВП, что делало их лидером среди стран ОЭСР **[2, с. 220]**.

Кроме политического влияния, обучение зарубежных студентов приносит США значительную экономическую прибыль. Важную роль в привлекательности американского образования играет английский язык, который является языком международного общения. Помимо этого, в США действует «разрешительная практика», которая позволяет иностранным студентам, получившим образование в США, в течение одного календарного года постоянно проживать на территории США без оформления дополнительных въездных документов и работать в университетах, некоммерческих исследовательских организациях или в частном секторе. Таким образом, любой иностранный гражданин, окончивший американский университет, может получить в США ещё и опыт работы по специальности **[2, с. 220]**.

Важным направлением американской политики являются программы односторонней помощи и поддержки в сфере образования государствам в различных регионах мира (Ближний Восток, Центральная Азия, АТР) Российский исследователь Н. Цветкова выделяет два направления образовательной политики США. Первое направление – вовлечение зарубежных университетов в реализацию односторонних программ помощи и, как следствие, реформирование зарубежных вузов и упрочение позиций Соединённых Штатов в образовательных системах зарубежных стран. Так, например, в 2008 г. правительство США завершило масштабный проект в 13 университетах стран АТР – Камбоджи, Индонезии, Лаоса, Филиппин, Таиланда и Вьетнама. Университеты этих стран временно стали базами для переобучения политиков, экономистов, медиков, преподавателей, работников водного хозяйства и др., участвовавших в американских программах содействия развитию. В результате во всех 13 университетах появились постоянные магистерские программы, были введены новые (американские) методы обучения, прошли переобучение преподаватели **[13, p. 63]**.

Второе направление образовательной политики США за рубежом – обучение преподавателей и администраторов высшего образования через правительственные программы международного обмена. Для каждой страны правительство США определяет приоритетную программу. Например, в Австралии было обучено почти 6000 аспирантов из университетов за счёт Госдепартамента США. В Китае действуют программы Агентства международного развития по реформированию местных университетов. Так, в 2009 г. более 7000 представителей университетов Китая были задействованы в реформировании учебных программ и стандартов обучения в соответствии с предложениями американского правительства **[13, p. 67]**.

Наиболее известными и активно действующими американскими фондами и неправительственными организациями за рубежом, чья деятельность направлена на предоставление образования, являются программа Уильяма Фулбрайта, программа Летнего института им. Бенджамина Франклина и т.д. Программа Фулбрайта является самой крупной

из всех программ обмена. Реализацией Программы Фулбрайта занимается Бюро по делам образования и культуры Государственного Департамента США, а финансируется она за счет средств, выделяемых Конгрессом США. Основная официальная цель программы состоит в том, чтобы содействовать улучшению взаимопонимания между гражданами США и народами других стран. В контексте «мягкой силы» фонд, предоставляя гранты на обучение в США, способствует продвижению американских ценностей и институтов. Как отмечал Дж. Най, иностранные студенты после обучения в США обычно становятся проводниками культуры и традиций США **[18].** Студенты из стран региона активно участвуют в программе, часть из них затем становятся крупными политическими деятелями в своей стране.

Показательным, на наш взгляд, здесь может быть пример, приводимый российским исследователем А. Фоминых. Согласно статистическим данным, из общего числа 600–700 тыс. человек, участвовавших в международных образовательных программах госдепартамента США в период конфронтации, около 200 человек были или являются главами государств (в том числе, ставшие явно «проамериканскими» такие политики, как М. Тэтчер, А. Садат, Г. Шмидт, В. Ющенко, М. Саакашвилли, президент Монголии Цахиагийн Элбэгдорж и др.), еще 600 – представителями правительств, парламента и различных министерств **[8]**. Наиболее широко выпускники американских обменных программ представлены в политической элите Южной Кореи, Аргентины, Чили, Германии, Великобритании, Израиля, Японии и даже Монголии. К 50-летнему юбилею деятельности Программы им. Д. Эйзенхауэра в 2003 г. были опубликованы данные, согласно которым среди ее выпускников насчитывалось 4 главы правительств иностранных государств, 110 министров, 43 посла, 37 руководителей государственных компаний и банков **[8]**.

Таким образом, говоря о природе «мягкой силы» применительно к США, прежде всего, оценивается роль американских образовательных центров, служащих точками притяжения для студентов из разных государств. Партнерства между американскими и зарубежными университетами создают платформу для реализации хозяйственных, экономических и политических проектов в различных странах мира, реализация которых способствует изменению учебных планов, внедрению новых моделей обучения студентов и переквалификации преподавательского состава. Значительное количество выпускников американских университетов, составляющих государственные элиты других стран, формирует крайне важный ресурс благожелательного отношения к Америке за рубежом.

КНР. В последние годы Китай проводит активную политику по интернационализации высшей школы и использование ее в качестве инструмента «мягкой силы». В реализации этой политики Коммунистическая партия Китая (КПК) делает упор на важность сохранения китайской культуры и распространение ее идеалов, в том числе, путем развития сети образовательных центров не только в Китае, но и за рубежом, основная цель которых – продвижение «национального духа». Развитие высшего образования в КНР служит сразу нескольким целям – культивирование этических и моральных ценностей молодежи, поддержание человеческого капитала китайской нации, развитие экономики и инноваций, интеграция в международное образовательное пространство. Фокус китайского правительства на образование преследует многие глобальные цели, поэтому этому уделяется много внимания и ресурсов.

Международное сотрудничество КНР в сфере высшего образования в настоящее время осуществляется по следующим направлениям: 1) привлечение иностранных граждан на обучение в китайские вузы;

2) направление китайских граждан в зарубежные университеты, в том числе, по программам студенческого обмена; 3) создание совместных программ, сетевого взаимодействия с зарубежными вузами.

В рамках первого направления следует отметить, что руководство КНР вкладывает значительные средства в расширение доли участия Китая в международной кооперации в сфере высшего образования, причем в настоящее время основной упор делается на активное привлечение иностранных студентов для обучения в китайских университетах, в том числе и за счет бюджета Китая через грантовую поддержку и различные стипендиальные программы. Власти существенно расширили список академических программ, что способствует ежегодному увеличению числа иностранных студентов, получающих высшее образование в КНР. Более того, справедливо приобретенный имидж Поднебесной как нового гиганта мировой экономики привлекает молодежь, рассматривающую КНР в качестве перспективного центра развития собственной карьеры в сфере бизнеса.

Согласно подсчетам Министерства образования Китая, число иностранных студентов в Китае повышается в среднем на 10% ежегодно **[15]**. В 2014 г. Китай принял 377 тыс. иностранных студентов из 188 стран мира, и сегодня он входит в тройку самых популярных стран-реципиентов, вслед за США и Великобританией **[16]**. В рейтинге лучших университетов Times Higher Education 2015 г. Китаю принадлежит 37 позиций из 800, что составляет почти 5%. Лидерами по общему интегральному индикатору являются Университет Цинхуа, Пекинский университет, Фуданьский университет и др. Общее количество иностранных студентов, учащихся в этих вузах, составляет более 51 тыс. чел **[15].** В планах Поднебесной к 2020 г. увеличить ежегодный показатель приема иностранцев в высшие учебные заведения страны до 500 тыс. человек **[19]**. Большое внимание уделяется студентам из стран АСЕАН, которых в настоящее время насчитывается около 30 тыс. чел. Такая не очень значительная с виду цифра не должна вводить нас в заблуждение. Дело в том, что политика «мягкой силы» совсем не рассчитана на то, чтобы охватывать все общество. Она точечно работает на наиболее влиятельные его слои. Практически все из этих 30 тыс. – это дети административно-интеллектуальной и бизнес-элит стран АСЕАН **[4]**.

В рамках второго направления согласно статистическим данным Министерства образования КНР, в 2014 г. почти 460 тыс. граждан КНР получали образование за рубежом, что на 11% выше показателя 2013 г. При этом власти КНР отметили рост количества китайцев, которые по окончании обучения в иностранных вузах возвращаются на родину. В 2014 г. в Китай возвратились почти 365 тыс. человек, что на 3,2% выше, чем годом ранее **[17].** По данным ОСЭР, 53% от общемирового количества международных студентов составляют выходцы из Азии, большинство среди которых представляют китайцы **[11]**.

Третье направление включает создание совместных университетов, ассоциаций китайских университетов с зарубежными вузами. Например, с вузами России Китай создал несколько совместных ассоциаций, таких как Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК), Ассоциация российско-китайских экономических университетов (РКАЭУ) и др., совместный российско-китайский университет в г. Шэнчжэнь и т. д.

Самым заметным успехом китайской политики «мягкой силы» стало распространение за рубежом Институтов Конфуция, задачей которых является преподавание китайского языка и знакомство с культурой. Проект, запущенный правительственной Канцелярией по международному распространению китайского языка (*Ханьбань*) начался в 2004 г., и

по состоянию на март 2010 г. создано свыше 850 институтов Конфуция и 58 классов Конфуция по всему миру. Особое внимание уделено США, где появилось около 400 Институтов Конфуция. Кроме того, в экспериментальном режиме начала работать электронная версия института Конфуция, позволяющая познакомиться с китайской культурой и современной информацией о Китае с помощью сети Интернет **[1, с. 12]**. На базе институтов проводятся мероприятия образовательно-культурного характера, проводятся языковые экзамены, распространяются материалы для обучения.

В 2014 г. охват сети составил 126 стран. Общее количество посетителей мероприятий на базе институтов с 2011 по 2014 гг. составило более 35 млн. чел., а количество желающих сдать экзамен по китайскому языку достигло 1597 тыс. чел. **[15].** По содержанию работа похожа на деятельность Института Гёте, Британского совета или Института Сервантеса. На основании появившейся несколько лет назад в китайских СМИ информации эксперты предположили, что Ханьбань ежегодно тратит на содержание одного Института Конфуция около 100 тыс. долл. США **[1, с. 12]**.

Сингапур. Для экспертов в области образования Сингапур интересен, по крайней мере, тем, что система образования в этой стране оценивается как одна из лучших в мире и согласно результатам исследований *IMD* (*International Institute for Management Development*), проведенных в 2007 г., является наилучшим образом приспособленной к требованиям глобальной экономики **[20]**.

Принятие английского языка в качестве основного языка преподавания в школах и языка межнационального общения позволило использовать лучшие англосаксонские практики преподавания, а главное – мировой интеллектуальный капитал и экспертизу. Стали возможными академические обмены и «перекрестное опыление» лучшими идеями с западным миром. При этом сохранение и изучение в школах языков разных этнических групп позволяет развивать культурные и экономические связи с азиатским миром, а, следовательно, пользоваться возможностями его бурного роста.

Правительству Сингапура удалось создать имидж образовательной системы как одной из наиболее инновационных и престижных сфер, в которой интересно работать и комфортно учиться. Развитие образования стало своеобразным национальным проектом, в который были вовлечены все граждане, а правительство оказывало ему максимальную поддержку, тем самым повышая его ценность в глазах населения.

Среди наиболее эффективных инструментов политики «мягкой силы» можно назвать реализацию программы «Сингапурская Модель Развития» (*Singapore Model of Development – SMD*), рассматриваемую как способ расширения бренда Сингапура в качестве модели управления. В настоящее время в рамках *SMD* Сингапур сотрудничает с более чем 40 ключевыми странами и международными организациями, объединяя опыт в оказании технической помощи другим странам, подготовке управленческих кадров **[20]**. Так, на сегодняшний день подготовлено свыше 100 тыс. государственных служащих из 170 стран АТР, Африки, Ближнего Востока, Восточной Европы, Латинской Америки и Карибского бассейна. Каждый год проводится около 300 курсов, на которых обучается около 7000 правительственных чиновников. Особое внимание уделяется реализации Инициативы по интеграции АСЕАН (*Initiative for ASEAN Integration – IAI*), которая была инициирована бывшим премьер-министром Сингапура Го Чок Тонг на 4-м неформальном саммите АСЕАН в ноябре 2000 г. в целях укрепления и содействия интеграции АСЕАН **[14]**. Сингапур с тех пор выполнил четыре обязательства перед

IAI на общую сумму около 170 млн. долл., а также создал учебные центры *IAI* в Камбодже, Лаосе, Мьянме и Вьетнаме для проведения подготовки в таких областях, как английский язык, торговля, финансы и информационные технологии **[14]**.

Россия. Еще с советских времен Россия имеет богатый опыт в области привлечения зарубежных студентов. Следует отметить, что Советский Союз долгое время успешно использовал высшее образование в качестве инструмента геополитики и «идеологического оружия» в условиях блокового противостояния и «холодной войны», еще задолго до возникновения самого понятия «мягкой силы». По оценкам, приведенным российским исследователем В.В. Петриком, с 1958 по 1991 гг. число обучающихся студентов, аспирантов, научных работников в Советском союзе возросло в 8,2 раза, а именно с 9 до 74,5 тыс. человек **[5, с. 134]**.

СССР создал фундамент для своего присутствия в системах образования многих стран мира: Китая, Индии, КНДР, Монголии, Лаоса, Непала, Бирмы, Индонезии, Шри-Ланки, Вьетнама и др. Советское правительство оказывало этим государствам одностороннюю техническую помощь, осуществляло подготовку преподавателей и администраторов вузов, влияя тем самым на содержание учебных планов и дисциплин, методы обучения и структуру высших учебных заведений**[9]**.

Российский исследователь Н. Цветкова указывает следующие направления советской образовательной политики за рубежом.

Первое – открытие новых вузов. Создаваемые высшие учебные заведения (от одного до пяти в каждом государстве) имели техническую направленность и предназначались для подготовки руководящего и среднего звена специалистов машиностроения, строительства, нефтяной, газовой и других отраслей промышленности. К 1990 г. в развивающихся странах было построено и введено в работу более 50 учебных заведений при содействии Советского Союза **[5, с. 135]**. Например, во Вьетнаме было открыто пять учебных заведений, в том числе Ханойский политехнический институт, в Камбодже – также пять вузов, в том числе Высший технический институт, в Индонезии был открыт и оснащен оборудованием инженерный факультет Паттимурского университета **[9]**. Технические вузы создавались в расчете на подготовку 1000–1500 специалистов в год. В одной только Индии в течение 1970-х гг. обучалось около 35 тыс. специалистов **[9]**. Сегодня этот вид деятельности можно назвать бранчингом (*branching*) российских технических факультетов или вузов в АТР. При этом особую актуальность приобретает участие России в подготовке специалистов для нефтедобывающих стран, например, для Брунея или Индонезии.

Второе направление – содействие реформированию политики министерств образования иностранных государств, изменению учебных планов и программ. В этом политически мотивированном проекте, исходившем из реалий «холодной войны», принимали участие правительство СССР, советские посольства за рубежом и преподаватели советских вузов. Под влиянием Советского Союза наиболее серьезные изменения произошли в системах образования Китая, Монголии и Вьетнама**[9].**

Третье направление – создание партнерств между высшими учебными заведениями СССР и социалистических стран АТР. Стабильность и эффективность международного сотрудничества основывались на постоянном притоке в зарубежные вузы советских преподавателей (до 5000 человек в год) **[10, с. 354]**. Например, в 1987–1988 гг. в Высший технический институт Камбоджи из Советского Союза было направлено около 100 преподавателей **[9]**. В каждом созданном СССР вузе постоянно находились командированные специалисты. Они распределялись по группам в соответствии с профилем учебных заведений – технические,

гуманитарные и специалисты в области культуры. Деятельность советских специалистов нашла свое отражение в просоветском содержании преподаваемых дисциплин, в изменении учебных планов. По экспертным оценкам, каждый советский преподаватель обучил, по крайней мере, двух аспирантов и четырех преподавателей из зарубежной системы высшего образования **[9]**.

Таким образом, политика СССР в области международного образования была направлена на создание условий для интеграции советских и зарубежных университетов. Иностранные университеты использовались как инструмент оказания односторонней советской помощи, что приводило к упрочнению политического взаимодействия Советского Союза с этими странами.

После распада СССР доля России на международном рынке образовательных услуг значительно снизилась. Если в течение ряда лет Советский Союз занимал второе место по числу обучающихся иностранных студентов в мире (после США), то сейчас Россия по этому показателю находится лишь на седьмом месте, привлекая в основном группы студентов из развивающихся стран и стран СНГ. Это не только упущенная экономическая выгода, но также упускаемые политические возможности «мягкого» влияния России на международные процессы.

Вместе с тем, в последние годы Правительство РФ предприняло ряд шагов по повышению привлекательности российского образования за рубежом. Так, например, был утвержден ряд важных документов, таких как Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях (октябрь, 2002 г.); постановление Правительства Российской Федерации № 891 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (октябрь, 2013 г.); Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию (июнь, 2007 г.), Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом (март 2014 г.) и т. д.

Значительно выросли и объемы финансирования на интернационализацию российской высшей школы, например, в 2014 г. увеличилось число квот для обучения в РФ иностранных студентов за счет средств федерального бюджета с 10 до 15 тыс. человек **[6]**, в рамках Программы повышения конкурентоспособности российских университетов (Проект 5-100), 21 вузу-участнику было выделено дополнительное финансирование.

Реализация этих мер привела увеличению доли России на международном рынке образовательных услуг с 2% в 2007 г. до 4% в 2011 г. По состоянию на 2014 г. в вузах РФ насчитывалось более 186 тыс. иностранных студентов, и их число ежегодно продолжает увеличиваться. В соответствии с Концепцией продвижения российского образования РФ должна обеспечить обучение в образовательных организациях не менее 5% иностранных студентов, отправив, в свою очередь, не менее 6% российских студентов на обучение за рубеж**[7].** Значительную долю иностранцев в вузах РФ составляют граждане СНГ. По статистике, первенствуют в этом списке выходцы из Казахстана (53 809 чел., или 28,8%), на втором месте – граждане Белоруссии (17 724 чел., или 9,4%), на третьем – Украины (15 978 чел., или 8,5%), далее следуют представители Туркмении (15 631, или 8,4%) и Узбекистана (15 025, или 8%). Также в десятку стран входят граждане Азербайджана, КНР, Таджикистана, Молдавии и Индии **[7]**.

В настоящее время на государственном уровне активную работу по продвижению российских образовательных услуг и расширению сотруд-

ничества между образовательными учреждениями за рубежом, в том числе в странах АТР, проводит федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), которое является основным государственным институтом, реализующим важнейшие внешнеполитические задачи, направленные на укрепление «мягкой силы» и международного престижа России, в сфере продвижения и закрепления позиций российского образования и русского языка за рубежом.

Важнейшим инструментом поддержки и продвижения российского образования за рубежом является популяризация русского языка и обучение на русском. Во всем цивилизованном мире признано, что русские литература и культура в широком понимании этих слов занимают в таком воспитании одно из ведущих мест. В этой связи защита и продвижение русской культуры и русского языка являются общенациональной задачей, и работа в этом направлении уже ведется как на правительственном, так и на институциональном уровне. Так, разработаны и утверждены Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», Федеральная программа «Русский язык», Концепция «Русская школа за рубежом», Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, реализуется международная волонтерская программа «Послы русского языка в мире», основан и активно работает фонд «Русский мир», Институты Пушкина и др. В результате этого комплекса мер, осуществляемых по инициативе и под контролем субъектов государственной власти, иностранная общественность сможет глубже понимать основы и особенности культуры, языка, образа мышления, жизненной философии российского народа.

Таким образом, можно сделать несколько обобщающих выводов:

1. Наиболее успешным государством в сфере интернационализации образования по-прежнему являются США. Избыточное государственное финансирование сферы образования, академические свободы вузов, прозрачные профессиональные образовательные траектории, гарантирующие успешную карьеру выпускникам американских университетов делают образовательную политику США эффективным инструментом «мягкой силы».

2. Новым потенциальным лидером становится Китай, который в последние годы активизирует «мягкую силу» посредством гуманитарного, в том числе, образовательного сотрудничества. Организованное и систематическое действие постоянно развивающейся сети институтов Конфуция способствует распространению популярности китайского языка и специфических культурных ценностей Китая за рубежом. Однако политика Китая характеризуется низкой степенью прозрачности и открытости и во многом сдерживается решениями КПК, что препятствует развитию академической свободы вузов и общественных объединений. Вся образовательная и культурная деятельность проходит под лозунгами продвижения коммунистической идеологии и поддержания традиционной китайской культуры. Поэтому все усилия мягкой силы могут быть ограничены неспособностью Китая воспринимать альтернативные культурные ценности.

3. Интересным представляется и опыт Сингапура, показывающий, что малые государства способны продуцировать и использовать «мягкую силу» в целях содействия успешному развитию национального социально-экономического потенциала. При этом особое значение приобретает научно-образовательный потенциал как один из наиболее эффективных инструментов «мягкой силы».

4. Россия, на фоне этих государств, пока слабо и неэффективно реализует свои возможности, хотя и имеет потенциал развития «мяг-

ких» инструментов влияния на международной арене. В настоящее время российская «мягкая сила» находится на стадии своего становления. Нельзя говорить ни о конкретной артикуляции современных национальных ценностей, способных привлечь иностранных граждан, ни о четкости целей и задач, разграничении функционала.

Как представляется, в настоящее время работа по продвижению российских образовательных услуг требует более масштабного, системного и скоординированного подхода. В частности, на государственном уровне России следовало бы проводить более масштабную и точечную работу с соотечественниками за рубежом и при существенном увеличении количества иностранных граждан, принимаемых на обучение за счет ассигнований федерального бюджета. Целесообразно создание эффективно действующих ассоциаций иностранных выпускников российских вузов в странах региона, разработка гибких академических, правовых и финансовых траекторий, приведение их в соответствие с международными образовательными стандартами.

Кроме этого, российским университетам необходимо повышать качество и конкурентоспособность разрабатываемых образовательных и научных продуктов с их привязкой к дальнейшей профессиональной траектории обучающихся, в соответствии с требованиями международного рынка труда, реализации перспективных международных проектов с участием России, что повлечет за собой рост интереса к российскому образованию и изучению русского языка.

◆

Литература

1. Абрамов В.А. Императивный потенциал «мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР // Вестн. ЧитГУ. 2010. № 3 (60). С. 8–15.

2. Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / под ред. проф. В.Б. Супяна. М.: Магистр, 2009. 339 с.

3. Кубышкин А.И. Американский фактор в развитии Болонского процесса // Болонский процесс: проблемы и перспективы: сб. статей. М., 2006. С. 148–159.

4. Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Новое вост. обозрение: Интернет-журн. [Электронный ресурс]. URL: http://www.journal-neo.com/ ?q=ru/ node/45 (дата обращения: 25.10.2012 г.).

5. Петрик В. Высшее образование СССР как фактор укрепления международного сотрудничества в области подготовки специалистов (конец 50-х начало 90-х гг. XX в.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 7. С. 132–137.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 октября 2013 г. N 891 г. Москва «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

7. Российские вузы с успехом завлекают иностранных студентов, чтобы подняться в мировом рейтинге. [Электронный ресурс]. URL: http://www.newsru.com/russia/19feb2015/ inostud.html (дата обращения: 18.02.2016 г.).

8. Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm (дата обращения: 15.11.2012 г.).

9. Цветкова Н. Российское образование в АТР: забытые уроки СССР, актуальный опыт США. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id _4=986# top-content (дата обращения: 11.10.2016 г.).

10. Чертков Д. СССР и развивающиеся страны. М., 1972. 130 с.

11. Education at a Glance 2015. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/9615031e.pdf (дата обращения: 10.05.2016 г.).

12. Foreign / international students enrolled // Organization for Economic Co-operation and Development URL: http://stats.oecd.org/viewhtml.aspx? datasetcode=RFOREIGN&lang=en# (дата обращения: 17.04.2016 г.).

13. Higher Education Partnerships for Global Development: Knowledge, Cooperation, Results. Agency for International Development, 2004. P. 61–68.

14. Initiative for ASEAN Integration URL: https://www.scp.gov.sg/content/ scp/iai_programmes/ about.html (дата обращения: 21.06.2016 .г).

15. McCafferty G. China in soft power push with foreign students // CNN. May 29, 2013. URL: http://edition.cnn.com/2013/05/29/world/asia/china-soft-power-foreign-students/ index.html (дата обращения: 18.07.2016 г.).

16. New 2015 Project Atlas Trends and Global Data Fact Sheet // Institute of international education. URL: http://www.iie.org/Research-and-Publications/Project-Atlas (дата обращения: 01.05.2016 г.).

17. Number of Chinese outbound students up by 11% in 2014 // ICEF Monitor. 2015. March, 31. URL: http://monitor.icef.com/2015/03/number-of-chinese-outbound-students-up-by-11-in-2014/ (дата обращения: 17.04.2016 г.).

18. Nye Joseph S. Soft Power and Higher Education. EDUCAUSE non-profit organisation. URL:: http://net.educause.edu/ir/library/ pdf/ FFP0502S.pdf

19. Outline of China‘s national plan for medium and long-term education reform and development (2010–2020). Beijing, 2010. URL: https://www.aei.gov.au/news / newsarchive/2010/documents/china_education_reform_pdf.pdf (дата обращения: 17.04.2016 г.).

20. Singapore Cooperation Programme. Overview. URL: https://www.scp.gov.sg/ content/ scp/about_us/introduction.html(дата обращения: 21.06.2016 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abramov V.A. Imperativnyj potentsial «myagkoj sily» v strategiyakh vnutrennego i vneshnego razvitiya KNR // Vestn. CHitGU. 2010. № 3 (60). S. 8–15.

2. Issledovatel'skie universitety SSHA: mekhanizm integratsii nauki i obrazovaniya / pod red. prof. V.B. Supyana. M.: Magistr, 2009. 339 s.

3. Kubyshkin A.I. Amerikanskij faktor v razvitii Bolonskogo protsessa // Bolonskij protsess: problemy i perspektivy: sb. statej. M., 2006. S. 148–159.

4. Mosyakov D.V. «Myagkaya sila» v politike Kitaya v YUgo-Vostochnoj Azii // Novoe vost. obozrenie: Internet-zhurn. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.journal-neo.com/ ?q=ru/ node/45 (data obrashheniya: 25.10.2012 g.).

5. Petrik V. Vysshee obrazovanie SSSR kak faktor ukrepleniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti podgotovki spetsialistov (konets 50-kh nachalo 90-kh gg. XX v.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2007. № 7. S. 132–137.

6. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 8 oktyabrya 2013 g. N 891 g. Moskva «Ob ustanovlenii kvoty na obrazovanie inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossijskoj Federatsii».

7. Rossijskie vuzy s uspekhom zavlekayut inostrannykh studentov, chtoby podnyat'sya v mirovom rejtinge. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.newsru.com/russia/19feb2015/ inostud.html (data obrashheniya: 18.02.2016 g.).

8. Fominykh A. «Myagkaya moshh'» obmennykh programm. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm (data obrashheniya: 15.11.2012 g.).

9. TSvetkova N. Rossijskoe obrazovanie v ATR: zabytye uroki SSSR, aktual'nyj opyt SSHA. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id _4=986# top-content (data obrashheniya: 11.10.2016 g.).

10. CHertkov D. SSSR i razvivayushhiesya strany. M., 1972. 130 c.

11. Education at a Glance 2015. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/9615031e.pdf (data obrashheniya: 10.05.2016 g.).

12. Foreign / international students enrolled // Organization for Economic Co-operation and Development URL: http://stats.oecd.org/viewhtml.aspx? datasetcode= RFOREIGN&lang=en# (data obrashheniya: 17.04.2016 g.).

13. Higher Education Partnerships for Global Development: Knowledge, Cooperation, Results. Agency for International Development, 2004. P. 61–68.

14. Initiative for ASEAN Integration URL: https://www.scp.gov.sg/content/ scp/iai_programmes/ about.html (data obrashheniya: 21.06.2016 .g).

15. McCafferty G. China in soft power push with foreign students // CNN. May 29, 2013. URL: http://edition.cnn.com/2013/05/29/world/asia/china-soft-power-foreign-students/ index.html (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

16. New 2015 Project Atlas Trends and Global Data Fact Sheet // Institute of international education. URL: http://www.iie.org/Research-and-Publications/Project-Atlas (data obrashheniya: 01.05.2016 g.).

17. Number of Chinese outbound students up by 11% in 2014 // ICEF Monitor. 2015. March, 31. URL: http://monitor.icef.com/2015/03/number-of-chinese-outbound-students-up-by-11-in-2014/ (data obrashheniya: 17.04.2016 g.).

18. Nye Joseph S. Soft Power and Higher Education. EDUCAUSE non-profit organisation. URL:: http://net.educause.edu/ir/library/ pdf/ FFP0502S.pdf

19. Outline of China‘s national plan for medium and long-term education reform and development (2010–2020). Beijing, 2010. URL: https://www.aei.gov.au/news / newsarchive/2010/documents/china_education_reform_pdf.pdf (data obrashheniya: 17.04.2016 g.).

20. Singapore Cooperation Programme. Overview. URL: https://www.scp.gov.sg/ content/ scp/about_us/introduction.html(data obrashheniya: 21.06.2016 g.).

УДК 327 + 323.21

Кулинич А.А.
Kulinich A.A.

«Мягкая сила» и национализм современной Японии: китайский вектор

«Soft power» and nationalism of modern Japan: Chinese vector

В статье анализируются основные направления «мягкой силы» Японии в контексте формирования позитивного образа страны в КНР. Рассматриваются дуализм внутриполитической конъюнктуры Японии с акцентом на политическую идеологию национализма и внешнеполитического курса Японии, представленного инструментами «мягкой силы».

Ключевые слова: *«мягкая сила», национализм, Северо-Восточная Азия, имидж государства, «Cool Japan»*

◆

The article aims to analyze the main directions of the Japanese “soft power” in terms of the shaping of a positive image of the country in the People’s Republic of China. This research covers the dualism of the internal political situation in Japan (focusing on the nationalism as a political ideology) and the tools of “soft power” in the Japanese foreign policy.

Key words: *"soft power", nationalism, Northeast Asia, image of the state, "Cool Japan"*

Сегодня отношения между Японией и Китаем переживают достаточно сложный период. Это связано с целым рядом причин, одной из которых является смена региональной державы-лидера в Северо-Восточной Азии и передаче лидирующих позиций от Японии к КНР. Другой, не менее важной причиной сложившейся ситуации являются территориальные споры и проблемы «исторической памяти», так же время от времени усугубляющие и без того напряжённые отношения между упомянутыми государствами.

Япония и Китай прошли долгий путь параллельного и постоянно перекрещивавшегося развития, продемонстрировав всю возможную гамму нюансов взаимовосприятия **[7, с. 260]**. Проблема ответственности за военные преступления, в увязке с позицией Токио по вопросу о спорных территориях, способствует сохранению в КНР довольно сильных антияпонских настроений, особенно обостряющихся с увеличением экономического могущества Китая **[10]**. Руководство Японии понимает, что трансформирующийся Китай стал оказывать все более весомое воздействие на мировые процессы, поэтому наряду с неоднозначными политическими процессами идёт активное внедрение на китайских рынок японских культурных ценностей. С другой стороны, на внутриполитической арене Японии, в борьбе за электорат, всё чаще используется национализм, как политическая идеология, направленная на консолидацию

КУЛИНИЧ Алексей Алексеевич, старший преподаватель кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** kulinich.aa@dvfu.ru

нации **[1]**. На фоне такой сложной политической конъектуры текущее руководство Японии, в лице Синдзо Абэ, применяет ряд инструментов, направленных на продвижение национальных интересов Японии в регионе и нормализацию японо-китайских отношений **[4, 8]**.

Прежде чем преступить к анализу данных инструментов продвижения японских идей в Северо-Восточной Азии, обратим внимание на такое значимое событие лета 2016 г., как закрытие олимпийских игр в Бразилии. Сенсацией церемонии закрытия Олимпиады в Рио-де-Жанейро стало появление Синдзо Абэ, премьер-министра Японии – хозяйки летних Олимпийских игр 2020 г. Глава государства предстал перед публикой в костюме героя Super Mario, самой продаваемой в мире игры, выпущенной компанией Nintendo в 1985 г. **[11]**. Для консервативного японского политика, которого привыкли видеть в безупречно скроенных темно-синих костюмах, это действительно нетипичный поступок. Сам же премьер-министр Японии так прокомментировал произошедшее: «Я хотел показать миру мягкую силу Японии с помощью героя японской игры» **[11]**.

Именно термином «мягкая сила» можно охарактеризовать базовый набор инструментов, который использует Япония при формировании своего международного имиджа и продвижении своих политических и экономических идей в СВА, и прежде всего в отношениях с Китаем.

Фактически «мягкая сила» – это способность государства достичь желаемых результатов в международных делах с помощью инструментов убеждения, а не диктата или подавления. Далее под «мягкой силой», в отличие от «жёсткой силы» (hard power), понимаются институты и механизмы воздействия на людей с помощью различных методов убеждения в чем-либо, а не с помощью применения насильственных «брутальных» методов, вроде военных и иных силовых операций, с целью «принуждения» к миру, демократии или каким-либо «общечеловеческим ценностям» **[6, с. 90]**.

Во время «холодной войны» роль «мягкой силы» между противоборствующими лагерями выполняла пропаганда, нацеленная на манипулирование в политических целях сознанием отдельных людей, социальных групп и народов. Как отмечает О. И. Казаков, сегодня ситуация в корне изменилась, во-первых, благодаря многогранным процессам глобализации, позволяющим людям достаточно свободно пересекать границы, и, во-вторых, благодаря общедоступному Интернету и другим средствам коммуникации **[6, с. 90]**. Соответственно, в рамках «мягкой силы» рассматривают также «общественную дипломатию» (public diplomacy), развивающую связи между людьми и народами «по горизонтали», а также «цифровую дипломатию» (digital diplomacy), использующую современные информационные технологии, имеющие сетевой, всеобъемлющий характер **[6, с. 90]**.

Происходит смена цивилизационной парадигмы в отношениях между странами, при которой «право силы», опирающееся на оружие и армию, медленно, но верно вытесняется «силой примера», основанного на успехах той или иной страны в организации жизни людей и высоких жизненных стандартах. В новой парадигме армия является фактором сдерживания, а не инструментом «решения» проблем. В конечном счёте, большинство благополучных стран мира не использует грубую силу в отношении других стран, а проводит менее затратную и конфронтационную политику, чем наращивание вооружений и демонстрация военной мощи, успешно реализуя широкий арсенал средств «мягкой силы» и формируя за рубежом «армию» своих добровольных сторонников. Представляется, что именно этот путь является магистральным и действительно «умным» в развитии цивилизации **[6, с. 91]**.

Японская версия «мягкой силы» имеет национальные особенности. Во-первых, идея мягкости заложена в японском национальном сознании (например, в названиях некоторых видов японских единоборств – дзюдо, дзюдзюцу-джиу-джитсу – входит иероглиф дзю, который означает «мягкость»). Во-вторых, Япония воздерживается от прямого применения «жёсткой силы» из-за ограничений, налагаемых Конституцией. При этом дискурс национализма, интенсивно транслирующийся на внутриполитической арене, также имеет определённое влияние и на внешнеполитический курс страны **[9, с. 142]**.

Комплексный подход с учётом целевых ориентиров, реализуемый Японией в формировании своего позитивного имиджа за границей, является ключом к успеху японской «мягкой силы». Среди основных направлений, по которым целенаправленно работает современная «мягкая сила», – распространение национального языка и культуры, пропаганда достижений страны в разных сферах деятельности – от уровня благополучия граждан, их социальной защищённости и безопасности жизни до эффективности государственного управления.

Особая роль в улучшении имиджа Японии во всем мире отводится японскому языку. Японский язык не является одним из шести официальных языков ООН. В 1980-е гг. японцы ставили вопрос о придании японскому языку статуса международного языка ООН. Однако этого статуса японский язык не получил и до сегодняшнего дня. По мнению одного из крупнейших специалистов в области японского языка профессор университе-та Кэйо Т. Судзуки, «утверждение японского языка в качестве международного – один из путей превращения страны в великую державу» **[3, с. 115]**.

По данным О. Н Железняка, по числу изучающих японский язык Китай занимает 2-е место среди стран АТР (незначительно уступая Южной Корее). Японский зык в Китае изучает более 23% населения **[3, с. 117]**.

Важнейшую роль в популяции японского языка в Китае играет Японский фонд (Japan Foundation). Японский фонд был учреждён 2 октября 1972 г. в форме особого юридического лица под эгидой МИД Японии как специальная организация для развития международного культурного обмена Японии, а 1 октября 2003 г. получил статус независимой административной организации **[5, с. 23]**.

Японский фонд активно развивает систему японоязычного образования и постоянно увеличивает и без того достаточно широкий спектр образовательных возможностей. Фонд оказывает поддержку преподавателям японского языка, образовательным учреждениям, студентам, направляет своих специалистов по преподаванию японского языка за рубеж, разрабатывает и распространяет сопутствующие учебные материалы. Он также осуществляет контроль качества изучения языка, является организатором проведения тестов на профессиональное знание японского языка.

Например, веб-сайт «Минна-но Кёдзай» («Учебные материалы для всех») начал работу в мае 2002 г. Он был разработан специалистами Японского фонда для того, чтобы помочь преподавателям, проживающим за рубежом, подготавливать учебные материалы для своих учеников. Веб-сайт размещает обширный объём информации, которая может быть использована в качестве обучающих материалов: фотографии, иллюстрации, разбор японской грамматики и др. Доступ к нему может получить любой пользователь. Для этого необходимо зарегистрироваться на сайте. Он доступен не только на японском языке, но также на английском. Материалы и функции этого веб-сайта ежегодно обновляются **[3, с. 119]**.

В марте 2008 г. усилиями Японского фонда была создана сеть «Нихонго Network» (или «Сакура Network»). Она связывает воедино основные образовательные учреждения всего мира, где преподаётся японский язык. Подобное сотрудничество позволяет обеспечивать своевременную и эффективную помощь в преподавании японского языка в различных странах и регионах. В то же время это даёт возможность познакомиться с японским языком жителям практически всех стран и регионов **[3, с. 119]**.

Для зарубежных преподавателей японского языка издаётся журнал «Нихонго кёику цусин». В нем публикуются учебные материалы, касающиеся преподавания японского языка, интересные идеи для его преподавания в классе, рассказы о Японии, информация о ситуации в образовательной сфере Японии и т. д. **[3, с. 119]**.

Бюллетень Японского фонда «Кокусай корю кикин нихонго кёику киё» также посвящён преподаванию японского языка. Он представляет собой антологию статей, в которых анализируются результаты образовательной и научно-исследовательской деятельности лекторов и сотрудников Японского фонда. PDF-версия доступна на сайте Японского фонда **[3, с. 119]**.

«Сэкай-но нихонго кёику» («Обучение японскому языку по всему миру») – ежегодный профессиональный журнал на японском языке. В нем размещены материалы, выбранные из уже опубликованных статей в различных странах мира, в которых рассказывается о преподавании и изучении японского языка, а также о научных исследованиях. С отдельными материалами из журнала и полными PDF-версиями также можно ознакомиться на веб-сайте Японского фонда. Журнал распространяется через библиотеку Японского фонда **[3, с. 119]**.

Нихон кёику кунибэцу дзёхо – информация, касающаяся основных тенденций в преподавании японского языка, образовательной системы, преподавателей японского языка в разных странах мира, также доступна на сайте Японского фонда **[3, с. 120]**.

Нихонго дэ карэ-нави (Nihongo de Care-navi) – интернет-сайт, который выполняет функцию японо-английского/англо-японского словаря. Он создан специально для тех, кто изучает японский язык, чтобы впоследствии найти работу или стать специалистом-профессионалом. На этом сайте можно найти базовые технические термины, используемые медперсоналом и при уходе за больными, а также большой запас слов, которые могут потребоваться в повседневной жизни **[3, с. 120]**.

Есть возможность изучать японский через DVD. Разработан специальный курс «Erin's Challenge! I can speak Japanese». Телевизионный курс DVD-материалов (записанный на 3 дисках) и разработанный специально для представителей молодого поколения, желающих изучать японский язык после знакомства и увлечения «крутой» культурой Японии, яркими проявлениями которой являются манга и анимэ. Сюжет представляет собой мини-драму с популярными персонажами анимэ или манга. Все объяснения дают герои известных мультфильмов. Кроме того, манга используется в учебнике. Учебный курс нацелен на приобретение иностранными студентами уверенных навыков использования японского языка в самых различных ситуациях, в которых они могут оказаться в Японии. В фильме освещаются традиционная культура Японии, последние веяния моды и японские национальные традиции, показаны ситуации, описывающие ежедневную жизнь японцев. Свою историю рассказывает Erin, иностранная студентка, которая впервые сталкивается с различными аспектами жизни японцев. Её «японская» жизнь расширяет представления зрителя о культурных особенностях японцев.

С целью стимулирования изучения японского языка в мире Япония в 1984 г. ввела единый экзамен по определению уровня владения японским языком среди лиц, для которых японский язык не является родным, – Нихонго нореку сикэн (Japanese Language Proficiency Test). На территории Японии экзамен проводит Японская ассоциация содействия международному образованию (Japan Educational Exchanges and Services), а за её пределами – Японский фонд (Japan Foundation) **[5, с. 22]**.

Особое значение правительство Японии придаёт работе с молодёжью, реализуя, в частности, глобальный проект под названием «Cool Japan» («Занимательная Япония»), ориентированный на пропаганду японской культуры за рубежом (анимэ, манга, косплей и пр.). Выросло уже целое поколение в Китае, воспитанное на японской поп-культуре: «Дети, которые проводили дни за просмотром японских анимэ, превратились в потребителей анимэ и манга для тинейджеров и взрослых, компьютерных игр, японских теледрам для одиноких женщин и мужчин, сасими из лосося, рамэна и шариков из осьминогов такояки, японских модных журналов… Японские певцы и актёры будоражат фантазию, глядят со страниц таблоидов и привлекают студентов в классы японского языка, только потому, что они хотят понять слова японских песен или диалогов в сериалах» **[15, с. 136]**.

Одной из главных сфер популяции японской культуры в Китае являются японские манга и анимация. В Китае популярны известные «коммерческие иконы» – Покэмон, Дораэмон, Тоторо.

Следует обратить внимание на то, что японские манга и анимация тесно связаны с феноменом «каваий», что буквально переводится как «милый», «симпатичный», «миловидный», однако, помимо приведённых значений, оно также обозначает более отвлечённое понятие чего-то драгоценного, т. е. некую абстрактную характеристику, привлекающую к себе внимание и пробуждающую желание защитить такие качества субъекта, ею наделённого, как чистота и невинность **[14, с. 154]**.

Персонажи, призванные художниками и аниматорами быть «милыми», как правило, имеют общие внешние черты, выдающие в них ту самую пресловутую «миловидность». Их внешность обычно имеет самые заурядные черты, лишена ярко выраженной привлекательности; глаза у всех без исключения таких персонажей предсказуемо крупные, выражающие различные эмоции самой разной степени интенсивности; а их части тела обладают нарочитой одутловатостью, припухлостью, им придаются округлые очертания **[14, с. 158]**.

Одним из самых ранних примеров «милых» персонажей в их классическом понимании считается Атом из анимационного сериала «Могучий Атом» знаменитого японского мультипликатора Тэдзука Осаму. Яркими образцами подобной стилистики изображения внешности персонажей также можно назвать героев ранних фильмов Миядзаки Хаяо, в особенности Ситу и Пазу из «Небесного замка Лапута», Мэй и заглавных духов Тоторо из «Моего соседа Тоторо» и главную героиню из «Навсикаи из Долины Ветров». Другой яркий пример персонажа, наделённого внешними атрибутами визуального стиля каваий, – Асахина Микуру из «Меланхолии Харухи Судзумии». Её образ как нельзя лучше соответствует всем аспектам классического представления о милой «героине»: она полновата, черты её лица округлы и нежны, глаза излучают невинность и доброту. Даже в самом сериале время от времени персонажи позволяют себе иронизировать над внешностью Микуру и негласно признают её своим моэ-талисманом **[14, с. 157]**.

Подобно тиби-стилизации персонажей, суть которой заключается в визуальном искажении пропорций персонажа (большая голова и

маленькое тело) и которую часто ошибочно отождествляют с «милым» стилем изображения, визуальные особенности последнего также могут переноситься на зооморфные образы и иметь далеко не самые однозначные и стереотипные толкования.

Выразительные средства стиля каваий не являются прерогативой героев-людей, а, наоборот, в равной степени применимы и к тем действующим лицам, чью внешность нельзя однозначно назвать «милой» по общечеловеческим стандартам. Ещё одним интересным примером проявления внешних черт, характерных для данного изобразительного стиля, у нетипичных образов может служить Альфонс из анимационного сериала «Стальной Алхимик». Представляя собой, по сути, оживший доспех, неспособный выражать человеческие эмоции при помощи привычных средств, он тем не менее умудряется сохранять внешнюю человечность и тем самым вызывает симпатию у зрителей. Более того, благодаря грамотному применению образных систем, эндемичных японской анимации, груда железа превращается в «милое» существо, не уступающее по степени данного качества ни духам Миядзаки, ни прелестным девочкам из целого ряда однотипных анимэ-сериалов **[14, с. 164]**.

Необходимо отметить, что интеграция анимации в массовую культуру и многогранность феномена «каваий» послужили основой для формирования модных тенденций в китайском обществе. Эти тенденции нашли своё наибольшее проявление в таких сферах, как одежда, пища, детские и сопутствующие товары, а также в сфере письма и социальных отношений. Можно предположить, что в будущем феномен «каваий» не только продолжит своё существование, но также получит большее распространение в Китае благодаря расширению сфер его употребления.

Ещё одно явление японской культуры, получившее широкое распространение в Китае – это косплэй. Косплэй (от англ. costume и play) – это своеобразный маскарад, в котором может принять участие любой желающий, переодетый в костюм любимого персонажа комиксов манга, анимэ или видеоигр. Такие костюмы обычно имеют самую затейливую форму и футуристический фасон, а шьют их в большинстве случаев сами поклонники анимэ или же заказывают в специализированных ателье. Помимо маскарада, понятие «косплэй» также подразумевает участие в караокэ, всевозможных выставках и любительских фотосессиях. Участники косплэя должны не только внешне соответствовать тому персонажу, которого они изображают, но также знать наизусть его коронные фразы и уметь принимать характерные позы **[14, с. 160]**.

Термин «косплэй» ввёл в обиход основатель студии по созданию анимационных фильмов «Studio Hard» Такахаси Нобуюки, когда использовал его в статье, посвящённой впечатлениям от собрания любителей научной фантастики World-Con, которое проходило в 1984 г. в Лос-Анджелесе. Такахаси не мог использовать в контексте описания подобного мероприятия слово «маскарад», поскольку в японском языке оно носит официальный характер и означает исключительно «костюмированный вечер среди аристократов». Таким образом, Такахаси пришлось искать более ёмкий аналог слова «маскарад», и в результате долгих раздумий он изобрёл словосочетание «costume play», видоизменённое на японский манер в «косупурэ», или просто «косплэй». Стоит отметить, что практическое воплощение значения слова «косплэй», как это ни парадоксально, произошло ещё до введения самого слова в обиход. В 1980 г., за 4 года до судьбоносной поездки Такахаси в Лос-Анджелес, поклонники японской анимации и комиксов манга пришли на собрание любителей комиксов Comic-Con, которое проходило в Сан-Диего. Они были наряжены в персонажей своих любимых анимационных фильмов. Дальнейшему распространению и популяризации как самого феномена

массовой культуры, так и единицы слова, его определяющего, способствовали фанаты анимэ и манга **[14, с. 161]**.

Так же в Китае пользуется популярносью игра «Pokémon Go». Созданная совместно компаниями Nintendo, Pokémon и Niantic Labs, игра доступна в App Store и Google Play. Товарный знак «Покемóн» является сверхпопулярной медиафраншизой, созданной Сатоси Тадзири в 1996 г. Так после релиза мобильного приложения с дополнительной реальностью в США, Австралии и Новой Зеландии, а позже и в Европе, акции Nintendo подорожали более чем на 50%, капитализация японской корпорации увеличилась с $17 млрд. до 30,95 млрд. По данным исследовательской компании SurveyMonkey, Pokémon Go имеет рекордное количество активных пользователей в день (более 20 млн.). Сегодня приложение доступно во многих странах мира, исключая Китай и Тайвань, Северную и Южную Кореи, Кубу, Иран, Мьянму и Судан **[13]**.

Несмотря на формальное отсутствие китайской версии нашумевшего приложения для смартфона, что обусловлено привязкой Pokémon GO к сервису Google Maps, который, как и другие сервисы Google, в Китае заблокированы, в Китае игра пользуется огромной популярностью. С момента релиза 7 июля 2016 г. страничка игры «Pokémon Go» на одном из китайских форумов успела набрать 290 тыс. фанатов с более 1 млн. упоминаний в качестве тега. В WeChat открываются группы и даже официальные подтверждённые аккаунты игры. Зарегистрированные преимущественно на шэньчжэньские компании аккаунты публикуют рекомендации, как правильно скачать игру, находясь в Китае, и сделать первые шаги в ней. Виртуальный мир предлагает разные возможности для обучения и развития карманного питомца, а также разнообразные товары, которые можно приобрести за виртуальную валюту – PokeCoin **[13]**.

Отметим, что специфика китайского интернета и рынка мобильных приложений не могла не сказаться в ситуации ограниченного доступа к сверхпопулярному медиа-продукту – китайцы его клонировали. Несколько игр со схожими названиями и графическим оформлением (например, City Spirit Go) представлены как на форумах и сомнительных сайтах, так и в официальных магазинах мобильных приложений **[13]**.

Япония активно использует сеть Интернет для продвижения собственного позитивного имиджа. В Интернете действуют официальные сайты посольств и консульств Японии за границей, японские дипломаты работают с традиционными и электронными СМИ, а также ведут собственные блоги на языке страны пребывания.

Ярким примером электронной дипломатии, практикуемой Японией, её системного подхода к своему интернет-представительству в мире является система сайтов МИД Японии. В настоящее время все сайты представительств Японии в мире находятся на одном домене emb-japan.go.jp. Официальная корреспонденция по e-mail также проходит через японские серверы и непосредственно центральные структуры МИД Японии. Таким образом, МИД Японии провёл унификацию имён всех своих сайтов, представив их в виде:

1) имя сайта для посольства или представительства в международной организации: name.emb-japan.go.jp, где name – соответствует обозначению географического домена первого уровня для какой-либо зарубежной страны (двухбуквенный код страны по стандарту ISO 3166-1) или названию международной организации;

2) имя сайта для консульства: city.name.emb-japan.go.jp, где city – название города или региона, где находится консульство или его отдел.

Таблица 1 - Сайты МИД Японии

Группа	Домен	Название
Международные организации	www.unesco.emb-japan.go.jp	Постоянное представительство Японии в ЮНЕСКО
	www.un.emb-japan.go.jp	Постоянное представительство Японии в ООН
	www.eu.emb-japan.go.jp	Представительство Японии в Европейском Союзе
	www.asean.emb-japan.go.jp	Представительство Японии в АСЕАН
Китай	www.cn.emb-japan.go.jp	Посольство Японии в Китае
	www.chongqing.cn.emb- japan.go.jp/index_c.htm	Генеральное консульство Японии в Чунцине
	www.dalian.cn.emb-japan.go.jp/ch/	Консульский отдел в Даляне
	www.guangzhou.cn.emb-japan.go.jp/cgjp_cn/	Генеральное консульство Японии в Гуанчжоу
	www.hk.emb-japan.go.jp/chi/	Генеральное консульство Японии в Гонконге
	www.qingdao.cn.emb-japan.go.jp/cn/	Генеральное консульство Японии в Циндао
	www.shanghai.cn.emb-japan.go.jp/cn/index_cn.htm	Генеральное консульство Японии в Шанхае
	www.shenyang.cn.emb-japan.go.jp/cn/	Генеральное консульство Японии в Шэньяне

Источник: [10].

В *таблице 1* приводятся примеры сайтов, расположенных на домене emb-japan.go.jp.

В итоге была создана информационная сеть японского внешнеполитического ведомства на едином домене с унифицированным дизайном, с единым центром управления и информационными потоками, контролируемыми службами МИД Японии.

Необходимо отметить, что применение мягкой силы позволяет формировать культурные симпатии китайцев к Японии независимо от японского политического курса. По данным С.В. Чугрова, любопытные результаты даёт анализ содержания китайских медиа, позволяющий обнажить корреляцию между акциями Японии и пропагандистскими кампаниями Пекина, сопровождаемыми волнами массовой мобилизации, повышением уровня активности и сдвигами в общественном мнении. Так, в одном из японских исследований контент-анализ 12 китайских газет показал, что с обострением китайско-японских отношений на дипломатическом фронте значительно сокращается употребление в прессе положительных символов Японии (гора Фудзи, цветущая сакура, анимэ) или оценочных оборотов речи («культурный обмен», «дружеские отношения», «китайско-японская дружба»), позитивных политических лозунгов («стратегические, взаимовыгодные отношения», «весенний визит»). На-

оборот, резко возрастает число негативных терминов – в историко-политическом аспекте («храм Ясукуни», «нанкинская резня», «агрессия японской армии», «женщины для комфорта»), для характеристики положения в Японии («национализм», «милитаризм», «шовинизм», «ультраправые») или в вопросах безопасности («ПРО», «изменение Конституции», «американо-японский альянс») и т.п. При этом увлечения молодёжи японской поп-культурой практически не страдают **[15, с. 137]**.

Следует отметить, что инструменты японской «мягкой силы» оказывают наиболее интенсивное влияние на поколение китайских граждан, рождённых в 90-е гг. XX в. и далее. Это обусловлено объективными причинами – интенсификацией глобализации, проникновением сети интернет на территорию КНР, появлением на китайском рынке медиаконтента продуктов из Японии, продвижением японского языка в Китае. Это достоверно подтверждает текущая статистика Японии. Например, 60% иностранных студентов, получающих высшее образование в Японии, это граждане КНР, что подтверждает тезис об их рождении в 90-е годы прошлого века и «попадание» под интенсивную политику «мягкой силы» Японии **[7]**. Другим примером являются данные туристической отрасли Японии. Согласно этим цифрам, первое позицию в туристической отрасли Японии удерживают туристы из КНР, число которых увеличилось с 2010 по 2015 г. в 3 раза **[2]**. При этом туристический поток из Китая в Японию представлен, в основном, гражданами в возрасте от 20 до 35 лет, что так же коррелирует с тезисом об интенсификации политики «мягкой силы» Японии в конце XX в. Важным замечанием является то, что, несмотря на эффективность «мягкой силы» Японии в отношении молодого поколения китайцев, китайские граждане более возрастной категории по-прежнему относятся к Японии недружелюбно, в том числе благодаря проблемам исторического наследия и продвижении «национальной идеи» (национализма) как политической идеологии в КНР. Это особенно проявляется в общих пространствах, в том числе сети интернет, которая все больше становится зоной идеологических столкновений Японии и Китая. При этом такие «выяснения отношений» происходят и в «виртуальном пространстве», и на территории третьих государств.

Так, в России в 2014 г. на площадке ИА «Интерфакс» произошёл резкий обмен мнениями между послом Китая в России и послом Японии в России по вопросам истории. 10 января ИА «Интерфакс» опубликовал мнение посла Китая в РФ Ли Хуэя о ситуации вокруг посещения премьер-министром Японии Синд-зо Абэ синтоистского храма Ясукуни, а 16 января – ответную статью посла Японии в РФ Тикахито Харады. Позднее в Санкт-Петербурге состоялся ещё более жёсткий обмен мнениями между генконсулом Китая в Санкт-Петербурге и генконсулом Японии в Санкт-Петербурге на площадке издания «Фонтанка.Ру». 27 января генконсул Китая Цзи Яньчи дал интервью «Фонтанке.Ру», в котором отчитал Японию за то, что 26 декабря 2013 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ, невзирая на протесты со стороны Китая, Южной Кореи и других стран, посетил храм Ясукуни. А 5 февраля прозвучал ответ генконсула Японии Есихиро Ямамуры. Генконсул Японии в Санкт-Петербурге заявил, что существует инициированная Китаем «глобальная антияпонская кампания», в рамках которой и прозвучали обвинения в адрес Японии **[5]**. Очевидно, что и Китай, и Япония заинтересованы в том, чтобы Россия тем или иным образом поддержала их сторону в территориальном споре. Однако, если Россия поддержит одну из сторон, это без сомнения приведёт к резкому ухудшению отношений с другой стороной.

В заключении можно отметить следующее: анализ внешнеполитической деятельности Японии в отношении КНР показал, что Япония и Китай вышли на рубеж качественно новых, более сложных, взаимоот-

ношений, перемены в которых во многом определяются экономическим и военным потенциалом КНР, её активизирующимся участием в региональной и мировой политике. Области взаимодействия Токио и Пекина непрерывно расширяются, однако согласование позиций двух сторон достигается с немалым трудом. Проблема ответственности за военные преступления в увязке с позицией Токио по вопросу о спорных территориях способствует сохранению в КНР довольно сильных антияпонских настроений, особенно обостряющихся с увеличением экономического могущества Китая.

В КНР востребованы японский язык, анимэ, манга, косплей, компьютерные игры и другие элементы молодёжной культуры. Следует сделать вывод, что в региональной борьбе за лидерство во внешнеполитических целях Япония по-прежнему рассчитывает на «мягкую силу», магнетизм и очарование японской культуры и действенность усилий по её продвижению. Применение мягкой силы позволяет формировать культурные симпатии китайцев к Японии независимо от японского политического курса. Развитие медиапространства даёт Японии дополнительные возможности для реализации своей национальной стратегии.

◆

Литература

1. В Японии правящая коалиция выиграла парламентские выборы [Электронный ресурс]. // Ведомости. 2016. 11 июля. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/07/11/648710-yaponii-parlamentskie. (дата обращения: 23.12.2016 г.).

2. В Японии продолжается бум въездного туризма [Электронный ресурс]. – URL: : http://www.ratanews.ru/news/news_10082015_8.stm (дата обращения: 28.01.2017 г.).

3. Железняк О.Н. Распространение японского языка в мире – одна из задач японской политики / О.Н. Железняк // Актуальные проблемы современной Японии: сборник статей. Вып. XXV. М.: ИДВ РАН, 2011. 115–130 с.

4. Казаков О.И. О возвращении к власти Либерально-демократической партии Японии / О.И. Казаков // Япония наших дней. № 4(14), 2012. М.: ВДВ РАН, 2013. С. 6–20.

5. Казаков О.И. «Мягкая сила» Японии и информационные войны / О.И. Казаков // Япония наших дней. 2014. № 2(20). С. 20–35.

6. Казаков О.И. О роли «мягкой силы» в российско-японских отношениях / О. И. Казаков // Актуальные проблемы современной Японии: сборник статей. Выпуск XXVII. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 89–111.

7. Киреева А.А. Японо-китайские отношения в 2010-х годах: от «моря братства» к «морю проблем» / А.А. Киреева // Япония в поисках новой глобальной роли = Japan in search of a new global role / под ред. Д. В. Стрельцова. М. : Вост. лит., 2014. С. 259–277.

8. Китайские студенты 90-х годов рождения для обучения за границей предпочитают Японию [Электронный ресурс]. URL: http://russian.cri.cn/841/2014/07/05/1s517108.htm (дата обращения: 28.01.2017 г.).

9. Кожевников В.В. Национализм во внешней политике Японии на современном этапе: миф или реальность / В.В. Кожевников // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2013. № 1. С. 141–147.

10. Крупянко М.И. Япония: идеология государственного национализма [Электронный ресурс]. / М.И. Крупянко, Л.Г. Арешидзе // История и современность. 2010. № 2(12). [Электронный ресурс]. URL: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129567/. (дата обращения: 18.12.2016 г.).

11. Лозинская А. «Сегуны водопроводчиками не наряжались»: что заставило премьер-министра Японии Синдзо Абэ переодеться в Марио [Электронный ресурс]. // Газета.ru. 2016. 22 августа. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2016/08/a_10153661.shtml. (дата обращения: 18.12.2016 г.).

12. МИД Японии [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.jp/about/emb_cons/over/. (дата обращения: 18.12.2016 г.).

13. Особенности выхода сверхпопулярной игры на китайский рынок: Pokémon Go идёт в Китай [Электронный ресурс]. // Магазета. 2016. 19 июля. URL: http://magazeta.com/2016/07/pokemon-go/. (дата обращения: 21.12.2016 г.).

14. Рябов К.О. Феномен понятия «каваий» в японской анимации и массовой культуре / К.О. Рябов // Актуальные проблемы современной Японии: сборник статей. Вып. XXV. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 154–165.

15. Чугров С.В. «Мягкая сила» Японии: китайское направление / С.В. Чугров // Япония в поисках новой глобальной роли = Japan in search of a new global role / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Вост. лит., 2014. С. 127–145.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. V YAponii pravyashhaya koalitsiya vyigrala parlamentskie vybory [EHlektronnyj resurs]. // Vedomosti. 2016. 11 iyulya. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/07/11/648710-yaponii-parlamentskie. (data obrashheniya: 23.12.2016 g.).

2. V YAponii prodolzhaetsya bum v"ezdnogo turizma [EHlektronnyj resurs]. – URL: : http://www.ratanews.ru/news/news_10082015_8.stm (data obrashheniya: 28.01.2017 g.).

3. ZHeleznyak O.N. Rasprostranenie yaponskogo yazyka v mire – odna iz zadach yaponskoj politiki / O.N. ZHeleznyak // Aktual'nye problemy sovremennoj YAponii: sbornik statej. Vyp. XXV. M.: IDV RAN, 2011. 115–130 s.

4. Kazakov O.I. O vozvrashhenii k vlasti Liberal'no-demokraticheskoj partii YAponii / O.I. Kazakov // YAponiya nashikh dnej. № 4(14), 2012. M.: VDV RAN, 2013. S. 6–20.

5. Kazakov O.I. «Myagkaya sila» YAponii i informatsionnye vojny / O.I. Kazakov // YAponiya nashikh dnej. 2014. № 2(20). S. 20–35.

6. Kazakov O.I. O roli «myagkoj sily» v rossijsko-yaponskikh otnosheniyakh / O. I. Kazakov // Aktual'nye problemy sovremennoj YAponii: sbornik statej. Vypusk XXVII. M.: IDV RAN, 2013. S. 89–111.

7. Kireeva A.A. YApono-kitajskie otnosheniya v 2010-kh godakh: ot «morya bratstva» k «moryu problem» / A.A. Kireeva // YAponiya v poiskakh novoj global'noj roli = Japan in search of a new global role / pod red. D. V. Strel'tsova. M. : Vost. lit., 2014. S. 259–277.

8. Kitajskie studenty 90-kh godov rozhdeniya dlya obucheniya za granitsej predpochitayut YAponiyu [EHlektronnyj resurs]. URL: http://russian.cri.cn/841/2014/07/05/1s517108.htm (data obrashheniya: 28.01.2017 g.).

9. Kozhevnikov V.V. Natsionalizm vovneshnej politike YAponii na sovremennom ehtape: mif ili real'nost' / V.V. Kozhevnikov // Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN. 2013. № 1. S. 141–147.

10. Krupyanko M.I. YAponiya: ideologiya gosudarstvennogo natsionalizma [EHlektronnyj resurs]. / M.I. Krupyanko, L.G. Areshidze // Istoriya i sovremennost'. 2010. № 2(12). [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129567/. (data obrashheniya: 18.12.2016 g.).

11. Lozinskaya A. «Seguny vodoprovodchikami ne naryazhalis'»: chto zastavilo prem'er-ministra YAponii Sindzo Abeh pereodet'sya v Mario [EHlektronnyj

resurs]. // Gazeta.ru. 2016. 22 avgusta. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2016/08/a_10153661.shtml. (data obrashheniya: 18.12.2016 g.).

12. MID YAponii [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mofa.go.jp/about/emb_cons/over/. (data obrashheniya: 18.12.2016 g.).

13. Osobennosti vykhoda sverkhpopulyarnoj igry na kitajskij rynok: Pokémon Go idyot v Kitaj [EHlektronnyj resurs]. // Magazeta. 2016. 19 iyulya. URL: http://magazeta.com/2016/07/pokemon-go/. (data obrashheniya: 21.12.2016 g.).

14. Ryabov K.O. Fenomen ponyatiya «kavaij» v yaponskoj animatsii i massovoj kul'ture / K.O. Ryabov // Aktual'nye problemy sovremennoj YAponii: sbornik statej. Vyp. XXV. M.: IDV RAN, 2011. S. 154–165.

15. CHugrov S.V. «Myagkaya sila» YAponii: kitajskoe napravlenie / S.V. CHugrov // YAponiya v poiskakh novoj global'noj roli = Japan in search of a new global role / pod red. D.V. Strel'tsova. M.: Vost. lit., 2014. S. 127–145.

УДК 32.019.5

Инь Жуюй
In' ZHuyuj

Определение повестки дня газеты «Чайна Дейли» (China Daily) как составная часть «мягкой силы» Китая

Agenda setting power of "China daily" newspaper as a part of Chinese "soft power"

Данная статья посвящена изучению особенностей освещения китайской государственной газетой «Чайна Дейли» саммита G-20, прошедшего в 2016 г. в Китае, анализу тем его повестки дня, выявлению эффективности формирования повестки дня в качестве части «мягкой силы» Китая. Используя количественные и качественные методы было изучено в общей сложности 105 статей на тему «G-20». Освещение данного события государственной газетой можно рассматривать в качестве примера продвижения «мягкой силы» Китая.

Ключевые слова: *повестка дня, «Чайна Дейли», «мягкая сила», международные отношения, G-20, Китай*

◆

This article examines the characteristics of the Chinese state newspaper "China Daily" description of the G-20 summit held in 2016 in China. The analyzes of its agenda, identifying the efficiency of formation of the agenda as part of the "soft power" of China. By quantitative and qualitative methods was studied in a total of 105 entries on the theme of "G-20". The description of this event by state newspaper can be regarded as an example of the promotion of chinese "soft power".

Key words: *agenda setting, "China Daily", "soft power", international relationships, G-20 summit, China*

Освещение саммита G-20 2016 газетой «Чайна Дейли»

4–5 сентября 2016 г. в городе Ханчжоу (провинция Чжэцзян, Восточный Китай) прошла встреча лидеров государств «Большой двадцатки», на которой обсуждался вопрос объединения усилий стран в целях развития и процветания, особенно в мировой экономике. Саммит G-20 в Ханчжоу стал особенно важным для Китая. Он отразил колоссальный рост экономики страны, увеличение размера его торговли и объёма инвестиций, а также продемонстрировал, что Китай готов брать на себя ответственность за поддержку экономики развивающихся государств. Современный Китай готов активно интегрироваться в мировую экономическую систему. Ряд предложенных им проектов (таких, например, как «один пояс, один путь», Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Шёлковый путь) носят поистине планетарных характер и звучат как вызов на фоне замедления темпа роста мировой экономики. Именно этим определяется актуальность заданной темы.

ИНЬ ЖУЮЙ, аспирант департамента коммуникаций и медиа Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*. **E-mail:** nnanddd@gmail.com

Как известно, в теории «мягкой силы» механизм создания привлекательного образа происходит через копирование успешных стратегий и распространение общей практики. Для того, чтобы другие страны были заинтересованы в Китае, сам Китай должен либо быть успешным, либо приносить пользу другим странам. Организовывая саммит G-20 2016 г., Китай пытается показать всем странам мирный и ответственный образ страны, представить китайский вариант экономического процветания и стабильности в мире, а также задать мощный импульс развития общего будущего.

В качестве примера можно привести проект «один пояс, один путь». Если политика, которая способствует стабильности и процветанию экономики, является привлекательной для людей за рубежом, то реализация данного проекта, восстанавливающего по своей сути равновесие мировой экономики и открывающего путь для разных стран к сотрудничеству, даёт людям ощущение правильной политики Китая.

Другим примером является проблема загрязнения окружающей среды в Китае. Не секрет, что она привлекает повышенное внимание во всем мире. В этом случае целенаправленная политика китайского руководства по улучшению экологической ситуации в стране может принести пользу не только китайским гражданам, но и жителям сопредельных государств. Если Китай предпримет «попытку снизить свою зависимость от угля», или «покажет миру безопасное будущее, используя солнечную энергию и энергию ветра большей мощности» **[9]**, то может продемонстрировать, что страна не приносит в жертву экономическому развитию здоровье китайского народа и тем самым улучшить свой имидж.

Саммит «Большой двадцатки» стал наиболее важным дипломатическим мероприятием, проводимым в Китае за последнее время. Китайские официальные СМИ пытались показать дипломатический стиль Председателя Си Цзиньпина и имидж ответственной державы, сочетая вещание традиционных СМИ, включающими новости с текстами, картинками, аудио и видео, с работой новых медиа. Китайские СМИ пытались отразить основные идеи саммита: «инновация, жизнеспособность, взаимосвязанность и инклюзивность», а также осветить положительные стороны происходящих процессов. Обсуждая различные идеи и альтернативы развития Китая и мира в целом, СМИ удалось создать благоприятную атмосферу на саммите.

В данной статье рассматриваются особенности освещения саммита китайской ежедневной общественно-политической газетой «Чайна Дейли». Газета обладает значительной читательской аудиторией в Китае и пользуется популярность с момента её создания в 1981 г. Издание газеты на английском языке преследовало основную цель быть более доступной широкой мировой аудитории. Читателями газеты, как в Китае, так и в остальной части мире являются, прежде всего, чиновники, дипломаты, руководители и учёные высокого уровня. Глобальный тираж составляет порядка 900 000 экземпляров, а общее число читателей печатной и электронной версий газеты по всему миру приближается к 45 миллионам. Газета является одним из наиболее часто цитируемых китайских СМИ по всему миру **[3]**.

Теоретическая посылка данного исследования состоит в том, что в Китае формирование повестки дня средствами массовой информации осуществляется через влияние на общественное мнение по поводу официальной государственной политики. СМИ страны исторически рассматриваются в качестве основной силы, способной существенной повлиять на то, как общество воспринимает происходящие процессы. С учётом того, что использование дискурса и риторики в установлении повестки дня позволяет акторам влиять на мировую политику через «мягкую

силу», в настоящей статье предлагается следующая гипотеза: стратегическое освещение китайской государственной прессой на английском языке саммита G-20 усилило «мягкую силу» своей страны.

Определение повестки дня как составная часть «мягкой силы»

Термин «мягкая сила», введённый профессором Гарвардского университета Джозефом Найем, понимается как «способность влиять на другие государства с целью реализации собственных целей через сотрудничество в определённых сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия» **[19]**. В 2008 г. «создатель» понятия «мягкой силы» подчеркнул важность наличия навыков риторики. По его словам, тремя ключевыми навыками в использовании «мягкой силы» являются: эмоциональный интеллект или способность контролировать свои эмоции и их дальнейшее использование для передачи информации другим людям, создание видения будущего, которое привлекает других, навыки коммуникации, которые включают в себя навыки риторики, и способность использовать невербальные средства коммуникации **[19]**. Медиа-контент, фокусирующийся на событиях, связанных с конкретным дискурсом может помочь продвинуть беседу в основное направление доминирующего положения. Стратегическое использование риторики или создание новой риторики и символики конкретного дискурса позволяет акторам влиять на мировую политику через «мягкую силу». Доминирование дискурса и риторики, следовательно, иллюстрирует возможный механизм «мягкого» воздействия на других акторов **[21, с. 60]**.

Концептуализация повестки дня вдохновлена достаточно известным рассуждением Бернарда Коуэна о том, что в течение большинстве случаев СМИ не могут рассказывать людям о точках зрения на события, однако они могут, в то же время, успешно рассказывать читателям о том, что заслуживает тщательного обдумывания **[7, с. 13]**. Теория повестки дня в качестве «важнейшего вклада СМИ в процесс политической коммуникации» **[17, с. 2]** объясняет сменой роли СМИ во внешнеполитических процессах с пассивной, просто фиксирующей, на «активно вовлечённый фактор» **[18]**. Исследования показывают, что установление повестки дня в качестве объекта, который находится под контролем власти и используется политиками, даёт нам более полезные переменные для понимания международных процессов и позволяет делать рекомендации по вопросам политики **[21, с. 49]**.

Хочется отметить, что в последние годы функция формирования повестки дня китайскими СМИ вызывает интерес как китайских, так и иностранных исследователей. Традиционно признавалось, что эффект формирования повестки дня средствами массовой информации более характерен для западных обществ, где СМИ играют роль критического обозревателя правительственных и политических инициатив **[8]**. Китайские же СМИ в значительной степени контролируется государством **[27, с. 662]** и потому теоретически не могут влиять на формирование политической повестки. Однако последние исследования показали, что, находясь под контролем государства, можно активно влиять на его политику. В данном исследовании делается попытка охарактеризовать основные особенности формирования повестки дня китайскими СМИ.

Первое эмпирическое исследование для проверки эффекта формирования повестки дня в Китае было проведено в 2006 г. Фуданьском университете в Шанхае китайским учёным Чжан Гуолянем и его коллегами **[2, с. 3–6]**. Исследователь использовал количественные методы контент-анализа и опросы общественного мнения. В своём исследовании Чжан отметил очевидную асимметрию между медийной и публичной повесткой дня, что могло доказывать эффект формирования повестки

дня. Кроме того, он предположил, что может произойти сбой в закрытой политической и информационной системе, в связи с тем, что китайские СМИ не находятся в полном соответствии с законом коммуникации, и у их также не хватает доверия аудитории **[26, с. 103–111]**.

С этого момента проблема анализа влияния китайских СМИ на формирование повестки дня стала достаточно популярной. Так, учёный Цзи Ф. указывает на то, что СМИ в Китае имеют двойственную, как журналистскую, так и пропагандистскую природу. Для того, чтобы служить политическим потребностям в разные исторические времена и в разных социальных контекстах, Коммунистическая партия Китая создала различные модели распространения партийных идеологий и политики **[12, с. 1-2]**. Китайские учёные в основном изучали роль СМИ в пропаганде партийной идеологии и политики правительства, а не их значение в выборном процессе, как это происходит, например, в США **[29, с. 578]**. Вместе с тем, учёный Лио Ю. утверждает, что теория формирования повестки дня весьма привлекательна для китайских учёных, которые используют её для объяснения роли китайских СМИ в манипулировании общественным мнением, то есть тем, о чем общественность должна думать, какие вопросы воспринимать как приоритетные в китайской социальной и политической жизни **[15, с. 278]**.

Методология исследования

Для исследования того, как китайская государственная пресса на английском языке распространяет «мягкую силу» Китая путём освещения саммита G-20 и формирования повестки дня основным методом стал кейс-метод.

В качестве эмпирической основы анализа используется текст новостей на сайте «Чайна Дейли» В общей сложности было изучено 105 статей на тему «саммит G-20», опубликованных в период проведения саммита, т. е. с 4 сентября по 5 сентября 2016 г.

Количественные параметры статей

Поисковая система сайта газеты «Чайна Дейли» отличается своей научностью и подробностью, при вводе ключевых слов «G-20 саммит» (G20 summit) в промежутке с 1 августа по 30 сентября было получено 534 результата. Рассматривая даты и количество публикации новостей, мы получили показатель распределения статей во времени *(см. рис. 1)*.

Из рисунка видно, что кроме наращивания активности публикаций во время проведения саммита, газета в течение двух месяцев в целом сохраняла публикационную стабильность по теме саммита. Можно сказать, что газета уделяла постоянное внимание мероприятию и провела тщательное освещение по ходу его проведения.

Первое, что обращает на себя внимание, это материалы о председателе Си Цзиньпине. В статьях, касающихся саммита в промежутке с 1 августа по 30 сентября, председатель Си Цзиньпин был упомянут 513 раза, намного чаще, чем тогдашний президент США Барак Обама *(рис. 2)*. В ходе саммита председатель КНР посетил 13 заседаний, выступил 11 раз, встречался с 27 лидерами других стран. Можно сказать, что газета пыталась дать точное и своевременное освещение о деятельности и выступлениях на саммите Си Цзиньпина. Такие статьи, как «Си призывает усилия БРИКСа по улучшению глобального управления», «Си ожидает от "Большой двадцатки" предложения для мировой экономики» **[24]**, «В ходе встречи с Путиным Председатель Си подтверждает сотрудничество с Россией» **[4]**, «Основные моменты речи Си» и т.д. не только ярко освещают важные мероприятия и выступления Си, но и интерпре-

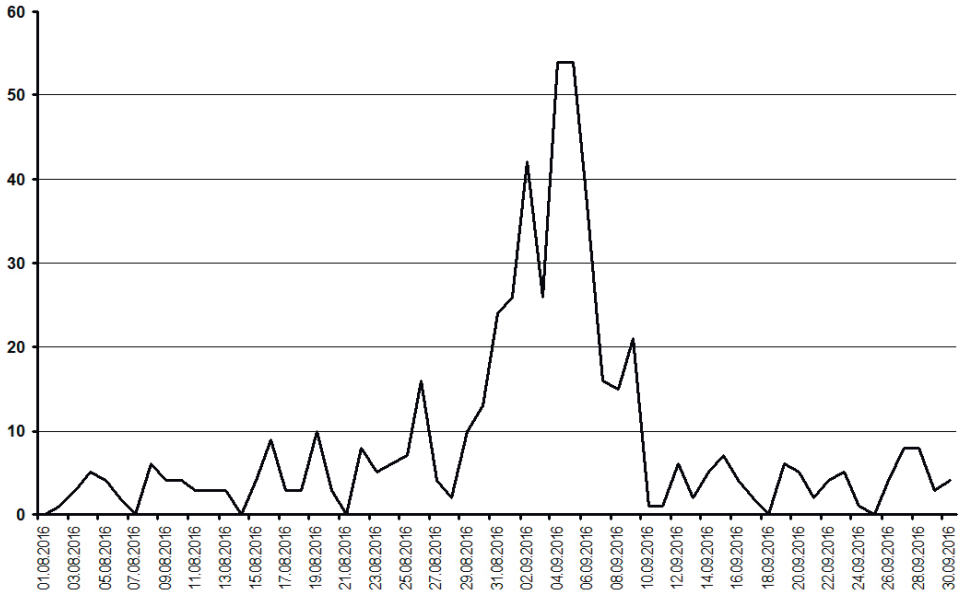

Рис. 1. Динамика количества публикаций «Чайна Дейли» с 1 авг. по 30 сен.
Источник: составлено автором.

тируют его идеи и позиции, используя преимущество «игры» на своём поле.

Статистические данные сайта «Чайна Дейли» *(см. рис. 3)* показывают, что во время саммита (4 и 5 сентября) наблюдалось увеличение посещаемости. Однако, из-за отсутствия данных после 37-ой недели, дальнейшую тенденцию отследить стало невозможно.

Таблица 1. Тематики в статьях 4 сентября и 5 сентября

Тематики	Количество (%)
Дипломатия	26 (25.2)
Экономика/торговля/развитие/инвестиция	24 (23.3)
Роль Китая/значение саммита	16 (15.5)
Изменение климата/экология/окружающая среда	9 (8.73)
Культура	7 (6.80)
Возобновляемая энергия/чистая энергетика	5 (4.85)
Политики/правительство	5 (4.85)
Технология/наука	5 (4.85)
Путешествие/Туризм	3 (2.91)
Развлечение	2 (1.94)
Социальная услуга	1 (0.97)

Источник: составлено автором.

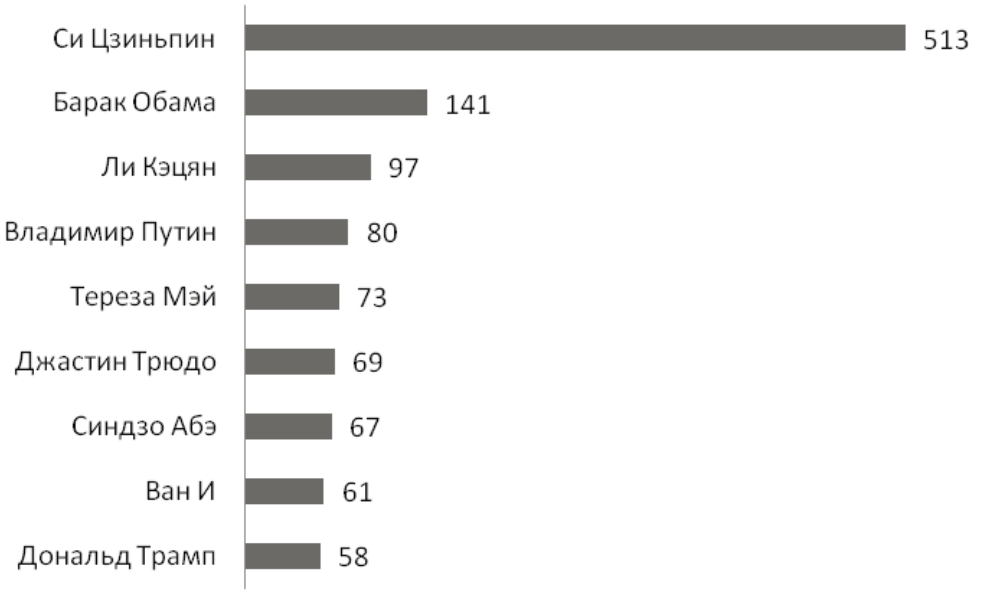

Рис. 2. Количество упоминаний мировых лидеров в статьях
Источник: составлено автором.

Качественные параметры освещения

Для качественного анализа освещения были выбраны 105 статей 4 сентября и 5 сентября, то есть те, которые вышли в два дня проведения саммита. Сначала были изучены тематика повестки дня в освещениях в эти два дня. Как видно из *табицы 1*, темы «дипломатия» (25,2%), «экономика» (23,3%) и «роль Китая» (15,5%) являются наиболее распространёнными.

Газета ориентировалась на такие важные вопросы повестки дня, как «усиление координации политики и способов инновационного роста», «более эффективное глобальное экономическое и финансовое управление», «сильная международная торговля и инвестиция», «инклюзивное и совместное развитие» и др., которые тесно связаны с наиболее актуальными проблемами и вызовами в мировой экономике, и обычно вызывают большой общественный резонанс.

Более того, газета пыталась «хорошо рассказывать историю» саммита. Например, статьи «Результаты встречи G20 в, которые улучшат вашу жизнь» **[23]** и «Технология может расширить доступ к финансированию» **[22]** выделяют вклад Китая в мировую экономику. Статьи обсуждают такие проблемы, как влияние на развитие мировой экономики включение Международным валютным фондом китайского юаня в состав валюта СДР, или предложенные в ходе саммита Китаем технологии управления услугами микрофинансирования, способствующие повышению эффективности в данной сфере.

Такие статьи, как «ЦК КПК показывает прогресс в погоне за коррупционерами» **[28]**, «В ходе саммита G20 важным вопросом будет сотрудничество по борьбе с коррупцией» **[10]**, «Си говорит, что Китай против THAAD США в Южной Корее» **[25]** и др. являются эффективной реакцией на вопросы иностранных СМИ, активно показывая позицию Китая, положительно влияя на общественное мнение в мире.

Ещё одной важной характеристикой освещения стало то, что «Чайна Дейли» активно брала интервью у зарубежных экспертов. В общем

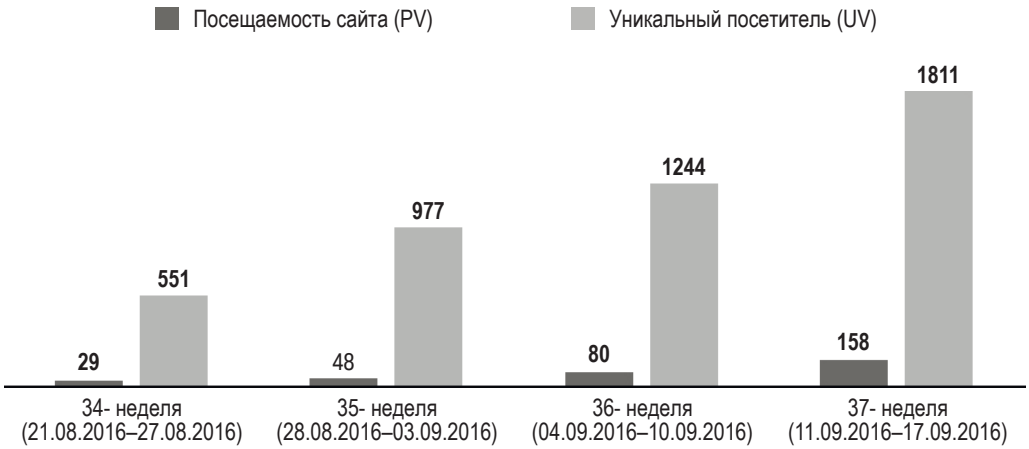

Рис. 3. Данные статистики (PV и UV) сайта «Чайна Дейли» в неделях до и после саммита (с 21 августа 2016 г. по 17 сентября 2016 г.) **[1]**[1]

количестве статей нами отмечены 23 статьи, в которых цитируются слова иностранных учёных и политиков *(см. рис. 4)*. В статьях сообщают об ожиданиях международного общества от саммита, обсуждаются пути развития китайской экономики, а также даются оценки идей и тенденций развития Китая.

Например, в статье «Встреча лидеров, как ожидается, оживит мировую торговлю» директор Стэнфордского центра международного развития Николас Хоуп говорит, что Китай играет огромную роль в глобальном экономическом управлении. Он считает, что Китай активно пытается обеспечить лидерство своих собственных интересов и в некоторой степени снизить свою зависимость от угля **[31]**.

После рассмотрения особенностей освещения газетой «Чайна Дейли» саммита, попытаемся проанализировать его эффективность по двум направлениям. Первое направление включает в себя оценки известных иностранных СМИ о проведении саммита. «Ассошиэйтед Пресс» указывала, что, хотя никаких прорывов не ожидается, сбор лидеров предлагает шанс обсудить такие разногласия, как противоречия в Южном море, присоединение Крыма к России, ядерная и ракетная программы Северной Кореи и пр. Несмотря на обилие спорных вопросов, Китай, похоже, решил сделать саммит лишённым споров, даже небогатым событиями, выделяя умеренную тему: «на пути к инновационной, жизнеспособной, взаимосвязанной и инклюзивной мировой экономике». В качестве своих усилий по борьбе с конфликтными проблемами Китай настаивает на расширении экономического сотрудничества через его политику «один пояс, один путь», связывающую его с Центральной и Юго-Восточной Азией, и с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций при поддержке Пекина **[5]**. Согласно газете «Нью-Йорк Таймс», газеты «Вашингтон пост» и «Уолл-стрит-джорнел» опубликовали у себя предложение о покупке «Чайна Дейли», основным бенефициаром которой является государственная газета «Чайна Уотч», поскольку «переставая быть довольными оставлять влияние демократических идей на границах Китая, китайские эксперты пропаганды решили, что они должны сосредоточиться на создании привлекательной за границей политической системы». Газета

[1] Сайт Алекса (Alexa) собирает статистику о посещаемости других сайтов. Алекса принадлежит AlexaInternet, который является дочерней компании Amazon.com.

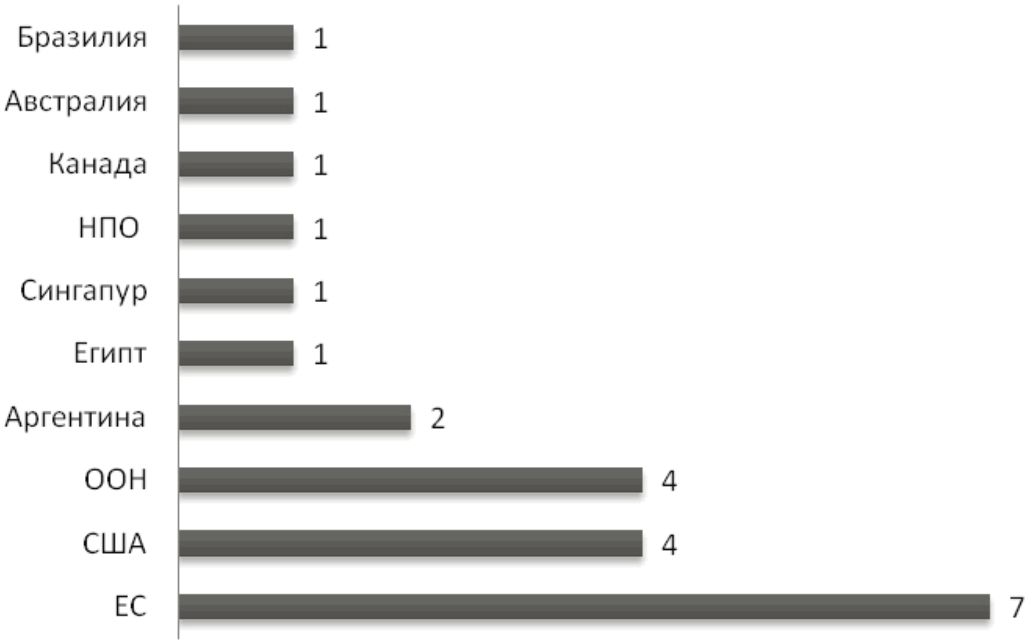

Рис 4. Источники мнений иностранных экспертов и политиков в статьях «Чайна Дейли»
Источник: составлено автором.

считает, что китайская модель может оспорить принципы надлежащего управления во всем мире. Поскольку многие западные демократии находятся в очевидном кризисе, китайская пропаганда может упасть на благоприятную почву в развивающихся странах, которые впечатляются экономическими успехами и социальной стабильностью Китая **[20]**.

Второе направление оценивает то, как известные зарубежные газеты цитировали полный текст или мнения газеты «Чайна Дейли». Например, в августе газета «Дейли Телеграф» поместила на своих страницах полный текст четырёх статей «Чайна Дейли» о саммите, указывая, что глобальная роль Китая приобретает большее значение из-за мирового экономического спада, а китайский председатель Си должен воспользоваться этой возможностью, чтобы выдвинуть свою амбициозную программу развития на глобальном уровне. «Спутник» цитирует текст статьи «Чайна Дейли» о борьбе Китая с коррупцией: «На последнем саммите центр приступил к сбору и обмену разведданными между странами G20 в попытке преследовать экономических преступников и наложить арест на доходы от мошенничества» **[11]**.

Таким образом, можно сделать вывод, что газета «Чайна Дейли» уделяла пристальное внимание саммиту G20 2016 г. Газета, в первую очередь, дала подробное освещение о деятельности председателя Си Цзиньпина на саммите, интерпретируя его идеи и позиции. Газета больше ориентировалась на темы дипломатии, экономики и роли Китая в проведении саммита. Видно, что газета пыталась показать привлекательность политики Китая путём освещения такого вклада Китая в мир, как создание проекта «один пояс, один путь», который может восстановить равновесие мировой экономики и открыть путь к сотрудничеству для разных стран, использование солнечной энергии и энергии ветра большей мощности для более безопасного будущего всего мира, сотрудничество со странами «большой двадцатки» по борьбе с коррупцией. Тем не менее, «Чайна Дейли» мало обращала внимания на вопро-

сы безопасности (например, террористические атаки в Европе, кровавые продолжающиеся конфликты в Сирии и Ираке, ядерную и ракетную программы Северной Кореи) и урегулирования таких разногласий, как проблемы в Южном море и присоединения Крыма к России. Возможно, если бы «Чайна Дейли» осветила их в большей степени, то стала более убедительной. Цитирование иностранными СМИ в какой-то степени доказывает успех газеты в освещении саммита. Установлено, что освещение газетой саммита G-20 привлекло внимание мира к Китаю и внесло свой вклад к продвижению «мягкой силы» Китая.

Тем не менее, следует учитывать некоторые обстоятельства. Во-первых, из-за отсутствия полных данных о посещаемости сайта «Чайна Дейли», мы не можем доказать, что постоянное увеличение посещаемости происходило именно благодаря саммиту. Во-вторых, из-за отсутствия индекса цитирования газеты «Чайна Дейли» другими газетами, не удаётся выяснить, насколько повлияла данная газета на другие издания. В-третьих, не следует преувеличивать значение газеты для продвижения стратеги «мягкой силы» Китая, чтобы оценить это требуется проведение специальных социологических исследований, к чему и будет стремиться автор.

Однако даже полученные данные позволяют сделать вывод, что при поддержке государства новости являются одним из факторов «мягкой силы». Постоянная целенаправленная работа по всестороннему информированию такого важного события, каким стал саммит G20 для Китая, безусловно способствует продвижению положительного имиджа страны на мировой арене.

◆

Литература

1. Рейтинг сайта «Чайна Дейли» // iWebChoice. URL: http://www.iwebchoice.com/html/chart_325.shtml (дата обращения: 20.12.2016 г.).

2. Чжан Голян, Ли Пэнцянь, Ли Миньвэй. Чжунго Дачжун Чуаньмэй «Ити Шэчжи Гуннэн» Фэньси (Анализ «функции установления повестки дня» китайских СМИ) // Синьвэнь Цзичжэ. 2001. № 6. P. 3-6.(на китайском)

3. About China Daily Group. URL: http://www.chinadaily.com.cn/static_e/aboutus.html (дата обращения: 14.11.2016 г.).

4. An Baijie. President Xiaf firms partnership with Russian meeting with Putin // China Daily. 04.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-09/04/content_26694758.htm (дата обращения: 18.12.2016 г.).

5. Bodeen Christopher. Political issues weigh on upcoming G-20 summit in China // Associated Press. 31.08.2016. URL: http://bigstory.ap.org/article/7096dd5d6dfd4c7bb63d78b56e689997/political-issues-weigh-upcoming-g-20-summit-china (дата обращения: 19.12.2016 г.).

6. Cecily Liu. UK green finance advocate tips China for steering role. China Daily. 04.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2016-09/04/content_26691250.htm (дата обращения: 15.12.2016 г.).

7. Cohen, B. The press and foreign policy. Princeton, NJ: University Press. 1963. P. 13.

8. Dearing, J. W., &Rogers, E. M. Agenda-setting. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1996.

9. Du J. Cooperation targets production of powerful global mix // China Daily. 04.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016hangzhoug20/2016-09/04/content_26691811.htm (дата обращения: 15.12.2016 г.).

10. Fugitives brought to justice // China Daily. 05.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2016-09/05/content_26698045.htm (дата обращения: 15.12.2016 г.).

11. Int'l G20 Anti-Graft Research Center to Open in Beijing in Several Months. // Sputnik. 08.09.2016. URL: https://sputniknews.com/world/201609081045081366-corruption-g20-china-research/ (дата обращения: 15.12.2016 г.).

12. Ji, F. Strategy analysis of agenda setting in coverage of role models // Journal of New Research. 2014. 5(13). P. 1 –2.

13. Lin Y. J. G20 golden chance for China to lead on development // The Telegraph. 25.08.2016. URL: http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/politics/12212875/china-g20-summit-development-agenda.html (дата обращения: 20.12.2016 г.).

14. Liu Y. G20 will help China fulfill global duties // The Telegraph. 15.08.2016. URL: http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/business/12212711/g20-will-help-china-fulfil-global-duties.html (дата обращения: 20.12.2016).

15. Luo Y. Mapping agenda-setting research in China: a meta- analysis study // Chinese Journal of Communication. 2013. 6:3. p. 278.

16. Ma C. Cheery promotional video introduces G20 city Hang Zhou to Europe // The Telegraph.25.08.2016. URL: http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/travel/12212876/china-g20-summit-hangzou-bbc-video.html (дата обращения: 20.12.2016 г.).

17. McCombs M. The Agenda Setting Role of the Mass Media in the Shaping of Public Opinion. New York, 1998.

18. McCombs M. and Donald Sh. The Agenda Setting Function of the Mass Media. Public Opinion Quarterly. New York, 1972.

19. Nye, J.S. Joseph Nye on Smart Power. Harvard Kennedy School of Government. 2008. URL: http://www.belfercenter.org/publication/joseph-nye-smart-power (дата обращения: 15.12.2016 г.).

20. Ohlberg M.and Lang B. How to Counter China's Global Propaganda Offensive // New York Times. 21.09.2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/09/22/opinion/how-to-counter-chinas-global-propaganda-offensive.html?_r=1 (дата обращения: 19.12.2016 г.).

21. Rothman S.B. Revising the soft power concept: what are the means and mechanisms of soft power? // Journal of Political Power. Vol. 4. No. 1. April 2011. P. 49–64.

22. WangY. Technology can expand access to finance // China Daily. 05.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016hangzhoug20/2016-09/05/content_26697257.htmaccessed 15.12.2016 г.).

23. Wu Y. Hangzhou G20 results that benefit your life // China Daily. 05.09.2016. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2016-09/05/content_26704007_2.htm (дата обращения: 15.12.2016 г.).

24. Xi expects G20 Summit to offer remedies to World economy // China Daily. 04.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016hangzhoug20/2016-09/04/content_26695314.htm (дата обращения: 18.12.2016 г.).

25. Xi says China opposes US THAAD deployment in ROK // China Daily. 04.09.2016. URL: http://wap.chinadaily.com.cn/2016-09/04/content_26692849.htm (дата обращения: 15.12.2016 г.).

26. Zhang, G. The rise, development and trends of the Chinese communication studies // China Media Research. 2006. 2(2). P. 103–111.

27. Zhang G., Shao G. and Bowman N.D. What Is Most Important for My Country Is Not Most Important for Me: Agenda-Setting Effects in China // Communication Research. 2012. 39(5). P. 662–678.

28. Zhang Y. And Cao Y. CCDI shows progress in hunt for corrupt officials // China Daily. 05.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-09/05/content_26697231.htm (дата обращения: 15.12.2016 г.).

29. Zhou, S., Kim, Y., Luo, Y., Qiao, F. Is the agenda set? State of agenda-setting research in China and Korea // Asian Journal of Communication. 2016. 26 (6). p. 578.

30. Zhou Y. Chance to set things right for world economy // The Telegraph. 25.08.2016. URL: http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/politics/12212877/china-g20-summit-global-economy.html (дата обращения: 20.12.2016 г.).

31. Zhu L. Leaders' gathering expected to invigorate international trade // China Daily. 04.09.2016. URL: http://wap.chinadaily.com.cn/2016-09/04/content_26692860.htm (дата обращения: 15.12.2016 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Rejting sajta «CHajna Dejli» // iWebChoice. URL: http://www.iwebchoice.com/html/chart_325.shtml (data obrashheniya: 20.12.2016 g.).

2. CHzhan Golyan, Li Pehntsyan', Li Min'vehj. CHzhungo Dachzhun CHuan'mehj «Iti SHehchzhi Gunnehn» Fehn'si (Analiz «funktsii ustanovleniya povestki dnya» kitajskikh SMI) // Sin'vehn' TSzichzheh. 2001. № 6. P. 3-6.(na kitajskom)

3. About China Daily Group. URL: http://www.chinadaily.com.cn/static_e/aboutus.html (data obrashheniya: 14.11.2016 g.).

4. An Baijie. President Xiaf firms partnership with Russian meeting with Putin // China Daily. 04.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-09/04/content_26694758.htm (data obrashheniya: 18.12.2016 g.).

5. Bodeen Christopher. Political issues weigh on upcoming G-20 summit in China // Associated Press. 31.08.2016. URL: http://bigstory.ap.org/article/7096dd5d6dfd4c7bb63d78b56e689997/political-issues-weigh-upcoming-g-20-summit-china (data obrashheniya: 19.12.2016 g.).

6. Cecily Liu. UK green finance advocate tips China for steering role. China Daily. 04.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2016-09/04/content_26691250.htm (data obrashheniya: 15.12.2016 g.).

7. Cohen, B. The press and foreign policy. Princeton, NJ: University Press. 1963. P. 13.

8. Dearing, J. W., &Rogers, E. M. Agenda-setting. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1996.

9. Du J. Cooperation targets production of powerful global mix // China Daily. 04.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016hangzhoug20/2016-09/04/content_26691811.htm (data obrashheniya: 15.12.2016 g.).

10. Fugitives brought to justice // China Daily. 05.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2016-09/05/content_26698045.htm (data obrashheniya: 15.12.2016 g.).

11. Int'l G20 Anti-Graft Research Center to Open in Beijing in Several Months. // Sputnik. 08.09.2016. URL: https://sputniknews.com/world/201609081045081366-corruption-g20-china-research/ (data obrashheniya: 15.12.2016 g.).

12. Ji, F. Strategy analysis of agenda setting in coverage of role models // Journal of New Research. 2014. 5(13). P. 1 –2.

13. Lin Y. J. G20 golden chance for China to lead on development // The Telegraph. 25.08.2016. URL: http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/politics/12212875/china-g20-summit-development-agenda.html (data obrashheniya: 20.12.2016 g.).

14. Liu Y. G20 will help China fulfill global duties // The Telegraph. 15.08.2016. URL: http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/business/12212711/g20-will-help-china-fulfil-global-duties.html (data obrashheniya: 20.12.2016).

15. Luo Y. Mapping agenda-setting research in China: a meta- analysis study // Chinese Journal of Communication. 2013. 6:3. p. 278.

16. Ma C. Cheery promotional video introduces G20 city Hang Zhou to Europe // The Telegraph.25.08.2016. URL: http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/travel/12212876/china-g20-summit-hangzou-bbc-video.html (data obrashheniya: 20.12.2016 g.).

17. McCombs M. The Agenda Setting Role of the Mass Media in the Shaping of Public Opinion. New York, 1998.

18. McCombs M. and Donald Sh. The Agenda Setting Function of the Mass Media. Public Opinion Quarterly. New York, 1972.

19. Nye, J.S. Joseph Nye on Smart Power. Harvard Kennedy School of Government. 2008. URL: http://www.belfercenter.org/publication/joseph-nye-smart-power (data obrashheniya: 15.12.2016 g.).

20. Ohlberg M.and Lang B. How to Counter China's Global Propaganda Offensive // New York Times. 21.09.2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/09/22/opinion/how-to-counter-chinas-global-propaganda-offensive.html?_r=1 (data obrashheniya: 19.12.2016 g.).

21. Rothman S.B. Revising the soft power concept: what are the means and mechanisms of soft power? // Journal of Political Power. Vol. 4. No. 1. April 2011. P. 49–64.

22. WangY. Technology can expand access to finance // China Daily. 05.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016hangzhoug20/2016-09/05/content_26697257.htmaccessed 15.12.2016 g.).

23. Wu Y. Hangzhou G20 results that benefit your life // China Daily. 05.09.2016. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2016-09/05/content_26704007_2.htm (data obrashheniya: 15.12.2016 g.).

24. Xi expects G20 Summit to offer remedies to World economy // China Daily. 04.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016hangzhoug20/2016-09/04/content_26695314.htm (data obrashheniya: 18.12.2016 g.).

25. Xi says China opposes US THAAD deployment in ROK // China Daily. 04.09.2016. URL: http://wap.chinadaily.com.cn/2016-09/04/content_26692849.htm (data obrashheniya: 15.12.2016 g.).

26. Zhang, G. The rise, development and trends of the Chinese communication studies // China Media Research. 2006. 2(2). P. 103–111.

27. Zhang G., Shao G. and Bowman N.D. What Is Most Important for My Country Is Not Most Important for Me: Agenda-Setting Effects in China // Communication Research. 2012. 39(5). P. 662–678.

28. Zhang Y. And Cao Y. CCDI shows progress in hunt for corrupt officials // China Daily. 05.09.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-09/05/content_26697231.htm (data obrashheniya: 15.12.2016 g.).

29. Zhou, S., Kim, Y., Luo, Y., Qiao, F. Is the agenda set? State of agenda-setting research in China and Korea // Asian Journal of Communication. 2016. 26 (6). p. 578.

30. Zhou Y. Chance to set things right for world economy // The Telegraph. 25.08.2016. URL: http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/politics/12212877/china-g20-summit-global-economy.html (data obrashheniya: 20.12.2016 g.).

31. Zhu L. Leaders' gathering expected to invigorate international trade // China Daily. 04.09.2016. URL: http://wap.chinadaily.com.cn/2016-09/04/content_26692860.htm (data obrashheniya: 15.12.2016 g.).

УДК 304.44

Ставров И.В.
Stavrov I.V.

Образ России на страницах газеты «Хэйлунцзян жибао»

The image of Russia in the newspaper "Heilongjiang Daily"

Настоящая статья посвящена изучению образа России в региональных средствах массовой информации КНР на примере газеты «Хэйлунцзян жибао». В статье показано, что образ России в региональных масс-медиа Китая в целом имеет нейтральный характер. Материалы о нашей стране в основном появляются эпизодически, что в значительной мере обусловлено обращением масс-медиа КНР на внутренние проблемы своей страны. Тем не менее, СМИ приграничных с Россией регионов КНР уделяют существенно большее внимание внутренним и международным проблемам РФ, торгово-экономическому и культурному сотрудничеству с ней, по сравнению с третьими странами. Несмотря на преимущественно нейтральный характер сообщений о России, встречаются материалы, явно или неявно формирующие её положительный образ как страны с высокоразвитой культурой.

Ключевые слова*: СМИ КНР, образ России, российско-китайские отношения, провинция Хэйлунцзян, Дальний Восток России*

◆

This article is devoted to the study of Russia's image in regional Chinese media on the example of the newspaper "Heilongjiang Daily." The article shows that the image of Russian regional mass media in China as a whole is neutral. Materials of our country mainly occur sporadically, in large part due to the handling of the media on China's internal problems of the country. Nevertheless, the media border with the Russian regions of China are paying much more attention to domestic and international problems of the Russian Federation, with her trade-economic and cultural cooperation, as compared with another country. Although mainly neutral reports of Russia, there are materials that directly or indirectly shaping its positive image as a country with a highly developed culture.

Key words*: mass media, Russia's image, Russian-Chinese relations, Heilongjiang province, Russian Far East*

На протяжении последних десятилетий отношения России и КНР становятся все более тесными и выходят на уровень всеобъемлющего партнёрства. Позиции двух стран совпадают по многим проблемам мировой политики, а экономические отношения между Россией и Китаем находятся в стабильном состоянии. Укрепляются и приграничные связи, приводя к росту туристических потоков, изменению структуры внешнеэкономической деятельности. В данных условиях становится актуальным

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 16-31-01043 «Образы России и Китая в зеркале средств массовой информации».

СТАВРОВ Иван Валерьевич, к.и.н., старший научный сотрудник Отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)*. **E-mail:** stavivan@yandex.ru

изучение имиджа страны-партнёра, формируемого в средствах массовой информации, ввиду того, что положительный образ страны или региона является важным «фоновым» фактором двусторонних отношений, а также делает привлекательным (или непривлекательным) посещение территории государства с туристическими, деловыми или иными целями. Ввиду этого обстоятельства целью настоящей работы является попытка изучения образа России в репрезентациях региональной ежедневной газеты «Хэйлунцзян жибао».

Выбор «Хэйлунцзян жибао» был обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, данное издание – официальный печатный орган партийного комитета провинции Хэйлунцзян и, таким образом, является «главной» газетой провинции. Во-вторых, ввиду того, что СМИ КНР в значительной степени не самостоятельны, представляется важным выявить официальную оценку региональных властей различных аспектов двусторонних отношений, отдельных проблем внутреннего и международного положения нашей страны.

В последнее десятилетие проблема образа[1] России в КНР неоднократно становилась предметом изучения отдельных исследователей. Корифей отечественного китаеведения академик С.Л. Тихвинский посвятил этой теме отдельную книгу, в которой представил обзор истории формирования и развития образа нашей страны в Китае от момента установления официальных контактов до XX века **[8]**. В диссертации и серии статей Н. В. Тен изучены представления современных китайцев о русском народе и его основных чертах, освещение российской истории в КНР **[5; 7]**. В контексте данной работы наибольший интерес представляет выполненный Н.В. Тен обзор содержания газеты «Жэньминь жибао». Автор отметила, что за весь рассматриваемый ею период на страницах издания был представлен положительный образ Российской Федерации. Однако отдельные направления внутренней политики РФ подвергались критике ввиду её потенциального деструктивного влияния, как на Россию, так и на КНР (например, политика федерализации 1992–1993 г.) **[6, с. 37-38]**[2].

Образу России в контексте украинского кризиса посвятил исследование О.И. Калинин. На основе изучения значительной по объёму выборки он пришёл к заключению, что СМИ КНР (он изучал исключительно материалы электронных масс-медиа) в основном дают нейтральную оценку действиям РФ и материалы носят сугубо информационный характер. Наблюдения О.И. Калинина будут полезны при раскрытии предмета моего исследования **[3; 4]**.

В китайской историографии с конца XX века также все большее внимание стало уделяться имагологическим исследованиям **[7]**. Если до 2000 г. работы в этой сфере были единичными, то с наступлением нового тысячелетия их число с каждым годом росло. Во многом это связано с превращением Китая в страну с одной из самых сильных экономик в мире и реализацией политики «мягкой силы», направленной на формирование благоприятного имиджа страны на международной арене. КНР активно начала продвигать в мире свою культуру, свой взгляд на мир, свои оценки на международные и внутренние проблемы. Однако с раз-

---

[1] В современной науке нередко разделяют понятия «имиджа» и «образа». Если первый – результат целенаправленных действий заинтересованной стороны, то второй – стихийно сформированные представления, сложившиеся вследствие взаимодействия народов двух стран **[4, с. 99]**. В контексте этой статьи упомянутые понятия будут выступать в качестве синонимов, т.к. задача настоящей работы состоит лишь в изучении «отражения» представлений о России в региональных СМИ.

[2] Конечно, политика федерализации напрямую не влияла на Китай, однако являлась отрицательным примером, потенциально приводящим к распаду государства, на что и указывалось на страницах периодической печати КНР.

витием этой тенденции начала усиливаться и собственная рефлексия: учёные Китая все больше стали изучать не только образ своей страны в глазах партнёров, но и образ стран-соседей, государств-партнёров, сложившийся в глазах граждан КНР.

Исследования представлений китайцев о России начали появляться в Китае главным образом с 1990-х гг. Одной из первых таких работ стала статья Сы Хань, в которой автор рассмотрел трансформацию образа Новой России в странах Запада **[7, с. 70]**. В 2000-е гг. интерес к данной теме был стимулирован проведением национальных Годов в России и КНР. В этот период появились статьи, посвящённые анализу результатов социологических опросов, касающихся восприятия России среди населения Китая **[10]**.

Рост объёма «малых» печатных форм постепенно перерос в создание крупных обобщающих работ. Так в 2013 г. была издана обзорная монография профессора Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Ли Суйаня по истории восприятия образа России в КНР **[9]**. Это не первая работа учёного по данной тематике, несколько статей даже были опубликованы в России. Однако именно в монографии систематически рассмотрена эволюция представлений и восприятия СССР/ России в КНР.

Таким образом, как в России, так и в Китае, образ России в региональных СМИ КНР не становился предметом изучения. В представленной статье предпринимается попытка пилотажного исследования одной из ведущих региональных газет Китая по представленной проблеме.

Предметом анализа выступают материалы газеты «Хэйлунцзян жибао» за декабрь 2016 г., 31 выпуск **[11]**. Каждый номер издания, выходящий в будний день, имеет до 12 полос, в выходные дни – по четыре-

Таблица 1. Частота упоминаний России и иных стран на страницах «Хэйлунцзян жибао» (декабрь 2016).

Проблема / Страна	Внутренние вопросы	Торгово-экономические отношения с КНР	Отношения с КНР в сфере культур и спорта	Межосударственные отношения	Терроризм
Россия	6	10	6	2	
Украина	1	1	1	1	
США	4				
ЕС	2			1	1
Южная Корея	1	1		1	
КНДР	1				
Япония				1	
Индонезия					1
Турция				1	
Разное	1				1

Источник: составлено автором на основе: Хэйлунцзян жибао. 2016. Декабрь (31 выпуск).

пять. В качестве единицы анализа мною была избрана отдельная новостная заметка или статья, содержащая материал о России. Предваряя анализ содержания, следует обратить внимание читателя на то, что основной контент газеты посвящён внутренней ситуации в стране и провинции Хэйлунцзян. Материалы о России и других странах носят эпизодический характер. Во многом это связано с региональным характером издания, его политической направленностью, а также в целом типичной для китайских СМИ сосредоточенностью на внутренних проблемах.

Согласно данным *таблицы 1*, Россия является лидером по числу упоминаний на страницах «Хэйлунцзян жибао», ей посвящены 24 публикации, что вполне объяснимо приграничным положением провинции и наличием активных торгово-экономических, политических и культурных связей с нашей страной. По четыре публикации отведено на Украину, США и страны ЕС (две о Германии и столько же об Италии). Остальные страны имеют лишь от одного до трёх упоминаний, включая Южную Корею, КНДР и Японию.

В изучаемый период наибольшее число статей по российской тематике было посвящено двусторонним торгово-экономическим связям, затем отношениям в спортивной и культурной сферах, внутренним проблемам Российской Федерации и, наконец, межгосударственным отношениям. Некоторые упоминания носят сугубо информационный характер. Например, несколько заметок были посвящены трагедии над Чёрным морем – катастрофе самолёта Ту-154 министерства обороны России **[11, 26, 28, 29 декабря]**, а также соболезнованиям со стороны высшего руководства КНР – Си Цзиньпина и Ли Кэцяна **[11, 27 декабря]**. Одно сообщение – об аварийной посадке Ил-18 в Республике Саха (Якутия) **[11, 16 декабря]**.

Как уже отмечалось, наибольшее число сюжетов связано с развитием торгово-экономических отношений с нашей страной, главным образом, в контексте реализации стратегии Экономического пояса Шёлкового пути. Так, пять из десяти публикаций непосредственно посвящены трансграничным переходам между провинцией Хэйлунцзян и дальневосточным регионом России, один – реформе харбинской таможни как важной части Шёлкового пути провинции Хэйлунцзян, два – пограничному переходу Хэйхэ – Благовещенск и лишь одна – совещанию в Пекине, посвящённому роли России в возрождении старопромышленной базы Северо-Восточного Китая. Таким образом, даже беглый обзор показывает, что развитие международных трансграничных связей является наиболее актуальным аспектом взаимодействия северо-восточного региона КНР с Россией **[11, 6, 12, 23, 25, 27, 28 декабря]**.

Какова тональность и какой образ нашей страны создаются после прочтения этих сообщений? Пожалуй, главное, что бросается в глаза – это «отсутствие» России в данных сообщениях. Несмотря на то, что наша страна постоянно мелькает в этих статьях, речь в них идёт именно о развитии транспортной инфраструктуры (дорог, мостов и др.) в приграничных районах КНР. Задачей строительства является выход за рубежи страны: развитие приграничной торговли, а также связей с третьими странами. В этих материалах не говорится о развитии аналогичных проектов в России, что было бы логично, т.к. без соответствующей инфраструктуры у соседей все строящиеся объекты есть путь в тупик. Как мне представляется, эта информация представлена исключительно для внутреннего пользования. Исследования российско-китайских отношений свидетельствуют, что многочисленные международные проекты необходимы региональным правительствам Китая для получения финансирования и преференций из Центра **[1; 2]**. Таким образом, данные

сообщения подтверждают «успехи» региональных властей, а образ России в этих публикациях остаётся абсолютно нейтральным.

Сравнительно большое внимание уделяется отношениям двух стран в сфере культуры и спорта. Из шести публикаций на эту тему три посвящены проведению первых китайско-российских юношеских игр в г. Харбине, по одной – открытию в Харбине китайско-российского Института культуры, проведению совместной фотовыставки в г. Суйфэньхэ, началу работы первого китайско-российского студенческого «зимнего карнавала» **[11, 2, 8, 9, 24, 29 декабря]**. Перечисленные материалы делают акцент на разных проблемах. Если статьи о первых юношеских играх и первом студенческом «зимнем карнавале» посвящены главным образом продвижению китайской культуры среди российских спортсменов и студенчества, то сообщение об открытии Института культуры, наоборот, больше сосредоточено на изучении художественной культуры России в Китае. Остановлюсь на последнем подробнее.

Сообщение об открытии на базе Харбинского педагогического университета китайско-российского Института культуры привлекает внимание имплицитно содержащейся высокой оценкой русской художественной культуры. Открытие этого института стало возможным благодаря сотрудничеству с Московским государственным академическим институтом имени В.И. Сурикова при Академии художеств России. В тексте новостного сообщения прямо не даётся оценка русской культуры, однако говорится о том, что деятельность этого учреждения позволит «внедрить совершенно новую методику подготовки специалистов и оценку качества работы», «всесторонне повысить уровень подготовки талантливых художников провинции Хэйлунцзян и даже всей страны», будет способствовать увеличению роли Хэйлунцзяна в развитии художественной культуры КНР **[11, 24 декабря]**. Таким образом, несмотря на отсутствие прямых указаний на высокий статус русского искусства, сотрудничество с одним из ведущих российских учреждений в этой сфере сможет существенно повысить конкурентоспособность провинции в данном виде деятельности. То есть в статье косвенно даётся высокая оценка нашей страны через указания на те преимущества, которые следуют из сотрудничества в сфере искусства.

Материалы о внутренних проблемах России в основном посвящены серьёзным происшествиям (упомянутой выше катастрофе Ту-154 и аварии Ил-18), поручению В.В. Путина взять под строгий контроль производство спирта и спиртсодержащей продукции, обещания президента России паралимпийцам провести для них специальные соревнования и прокладке ВМФ РФ подводного оптико-волоконного кабеля. Данные сообщения носят информационный, безоценочный характер. О. И. Калинин, на примере оценки средствами массовой информации КНР украинского кризиса, показал, что китайские масс-медиа в основном дают нейтральную оценку действиям России, положительные, либо отрицательные характеристики встречаются крайне редко. Он объясняет это высоким качеством российско-китайских отношений и нежеланием властей Китая и подконтрольным им СМИ ввязываться в нежелательную полемику. Вероятно, в данном случае действуют те же принципы. Тем не менее, обращает внимание подборка сообщений: в основном это информация о происшествиях, будь то авиакатастрофы или усиление контроля за спиртсодержащими товарами. Такие новости вызывают в большей мере негативные реакции (хотя не стоит его преувеличивать, т.к. в отличие от российского потребителя китайский не включён в соответствующий общественно-политический контекст).

Среди материалов о международных отношениях России с третьими странами выделяется статья «Японо-российский саммит стал для Абэ

более сложным, чем планировалось» **[11, 15 декабря]**. В статье отмечается сложность переговоров В.В. Путина с премьером Абэ, на которые немалое воздействие оказывают геополитические ограничения. В тексте отмечается трудное экономическое положение России, которое усугубляется режимом европейских и американских санкций и её желание к развитию в первую очередь экономических отношений с Японией в целях снижения отрицательного воздействия санкций, а также для развития дальневосточных территорий страны. Несмотря на нейтральный тон сообщения, подчёркивание сложного экономического и международного положения нашей страны может создавать несколько негативный образ России в глазах китайского читателя. Впрочем, название статьи имплицитно содержит негативное отношение к Японии, т.к. акцентирует внимание не столько на социально-экономических трудностях России, сколько на некоторый неуспех переговоров для Страны Восходящего Солнца.

Итак, образ России на страницах газеты «Хэйлунцзян жибао» в целом имеет нейтральный характер. Материалы о нашей стране в основном появляются эпизодически, что в значительной мере обусловлено обращением масс-медиа КНР к внутренним проблемам своей страны. Тем не менее, ведущее печатное СМИ провинции Хэйлунцзян уделяет существенно большее внимание внутренним и международным проблемам РФ, торгово-экономическому и культурному сотрудничеству с ней, по сравнению с третьими странами. Несмотря на нейтральный характер сообщений о России, встречаются материалы, явно или неявно формирующие её положительный образ как страны с высокоразвитой культурой. Часть публикаций несёт отрицательные коннотации, отсылающие к последним социально-экономическим проблемам нашей страны. Дальнейшие изыскания в данной сфере, а также использование методов лингвистического анализа текстов позволит выйти на качественно более высокий уровень исследований в данной сфере.

◆

Литература

1. Иванов С.А. Влияние государства на российско-китайские торгово-экономические взаимодействия // Россия и АТР. 2013. № 4. С. 59–72.

2. Иванов С.А. Распределение фискальных и административных ресурсов между центральной и местными властями КНР в период реформ // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2–1. С. 41–48.

3. Калинин О.И. Опыт проведения контент-анализа политических медиатекстов (на примере китайского языка) // Политическая лингвистика. – 2016. № 2(56). С. 65–73.

4. Калинин О.И. Политический имидж России в СМИ КНР: к вопросу о тональности текста в связи с событиями на Украине // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 98–102.

5. Тен Н.В. Образ России в современном Китае. Автореф. дис…канд. ист. наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М., 2012 29 с.

6. Тен Н.В. Образ России на страницах газеты «Жэньминь жибао» в 1991–2012 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история». 2014. № 1. С. 36–49.

7. Тен Н.В. Россия в современных китайских имагологических исследованиях (1990–2010) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2012. № 1. С. 69–76.

8. Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России // Тихвинский С.Л. Избранные произведения: в 5 кн. Кн. 6 Дополнительная. М.: Наука, 2012. 376 с.

9. Ли Суйань. 1949–2009 Чжунго дэ Элосысинсян = Образ России в Китае. 2009–2009 гг. Харбин: Хэйлунцзян цзяоюйчубаньшэ, 2013.

10. Пань Дэли. У Вэй. Чжун Э лян голянхаогуаньси дэ иньчжэн – «чжунгожэньяньчжун дэ элосы» шэхуйюйлуньдяоча = Свидетельство хороших отношений между Китаем и Россией – опрос общественного мнения «Россия в глазах китайцев» // Элосычжунъядунъоуяньцзю. 2008. № 5. С. 79–85.

11. Хэйлунцзян жибао. Официальный сайт газеты «Хэйлунцзян жибао». [Электронный ресурс]. URL: http://ipaper.hljnews.cn/paper/paper1.html (дата обращения: 15.01.2017 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ivanov S.A. Vliyanie gosudarstva na rossijsko-kitajskie torgovo-ehkonomicheskie vzaimodejstviya // Rossiya i ATR. 2013. № 4. S. 59–72.

2. Ivanov S.A. Raspredelenie fiskal'nykh i administrativnykh resursov mezhdu tsentral'noj i mestnymi vlastyami KNR v period reform // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. 2012. № 2–1. S. 41–48.

3. Kalinin O.I. Opyt provedeniya kontent-analiza politicheskikh mediatekstov (na primere kitajskogo yazyka) // Politicheskaya lingvistika. – 2016. № 2(56). S. 65–73.

4. Kalinin O.I. Politicheskij imidzh Rossii v SMI KNR: k voprosu o tonal'nosti teksta v svyazi s sobytiyami na Ukraine // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 98–102.

5. Ten N.V. Obraz Rossii v sovremennom Kitae. Avtoref. dis…kand. ist. nauk / Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova. M., 2012 29 s.

6. Ten N.V. Obraz Rossii na stranitsakh gazety «ZHehn'min' zhibao» v 1991–2012 gg. // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Vseobshhaya istoriya». 2014. № 1. S. 36–49.

7. Ten N.V. Rossiya v sovremennykh kitajskikh imagologicheskikh issledovaniyakh (1990–2010) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. 2012. № 1. S. 69–76.

8. Tikhvinskij S.L. Vospriyatie v Kitae obraza Rossii // Tikhvinskij S.L. Izbrannye proizvedeniya: v 5 kn. Kn. 6 Dopolnitel'naya. M.: Nauka, 2012. 376 s.

9. Li Sujan'. 1949–2009 CHzhungo deh EHlosysinsyan = Obraz Rossii v Kitae. 2009–2009 gg. KHarbin: KHehjluntszyan tszyaoyujchuban'sheh, 2013.

10. Pan' Dehli. U Vehj. CHzhun EH lyan golyankhaoguan'si deh in'chzhehn – «chzhungozhehn'yan'chzhun deh ehlosy» shehkhujyujlun'dyaocha = Svidetel'stvo khoroshikh otnoshenij mezhdu Kitaem i Rossiej – opros obshhestvennogo mneniya «Rossiya v glazakh kitajtsev» // EHlosychzhun"yadun"ouyan'tszyu. 2008. № 5. S. 79–85.

11. KHehjluntszyan zhibao. Ofitsial'nyj sajt gazety «KHehjluntszyan zhibao». [EHlektronnyj resurs]. URL: http://ipaper.hljnews.cn/paper/paper1.html (data obrashheniya: 15.01.2017 g.).

УДК [327.82+316.734]:332.146.2

Козлов Л.Е.
Kozlov L.E.

Культурная дипломатия как ресурс регионального развития

Cultural diplomacy as a resource for regional development

На эмпирическом материале Дальнего Востока России рассматриваются взаимосвязи культурной дипломатии и государственного регулирования территориального развития. Доказывается возможность стимулирующего воздействия культурной дипломатии на социально-экономическое развитие регионов. Анализируются сферы преподавания иностранного языка, науки, медицины, делового образования, а также привлечение региональных учреждений культуры, науки и образования к исполнению внешней культурной политики собственного государства. Сделан вывод о том, что иностранная помощь развитию осуществляется в интересах зарубежных стран, поэтому государство-акцептор должно рассматривать её как временное явление и стремиться к паритетному характеру международного культурного сотрудничества.

Ключевые слова: *культурная дипломатия, региональное развитие, международное культурное сотрудничество, Дальний Восток*

◆

We consider the relationship of cultural diplomacy and state regulation of territorial development, based on the empirical data of the Far East of Russia. The possibility of stimulating effect of cultural diplomacy on the socio-economic development of regions is proved. Several key areas for international cooperation (teaching a foreign language, science, medicine, business education) are analyzed. We also examine the way in which the central government draws regional institutions of culture, science and education to the execution of foreign cultural policy. We conclude that the foreign development aid is carried out in the interests of foreign countries. Therefore acceptor state should treat it as a temporary phenomenon, and to strive for international cultural cooperation on a parity basis.

Key words: *culture diplomacy, regional development, international cultural cooperation, Far East*

Культурная дипломатия традиционно изучается специалистами по международным отношениям в контексте государственной мощи как один из ресурсов внешней политики государства, наряду с дипломатией, вооружёнными силами, экономикой. В таких публикациях преимущественно анализируются возможности влияния субъекта культурной дипломатии на зарубежную аудиторию, формирования в зарубежном обществе определённых идей и своего позитивного имиджа. В меньшей степени культурная дипломатия привлекает внимание исследователей как фактор развития национального культурного пространства. В настоящей же статье культурная дипломатия рассматривается в новом свете:

КОЗЛОВ Леонид Евгеньевич, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток).* **E-mail:** kozlov.le@dvfu.ru

Фото 1. Дни Латинской Америки во Владивостоке, 2012 г. *(фото Л.Е. Козлова)*

как фактор региональной политики, иначе государственного регулирования территориального развития. Мы попробуем понять, какие возможности содержит культурная дипломатия – как отечественная, так и зарубежная – для социально-экономического развития регионов России. Поскольку данная проблема в литературе пока не ставилась, многие вопросы, обозначенные в статье, требуют дальнейшего, более детального изучения.

Под культурной дипломатией в данной статье понимается совокупность приёмов, методов и практических мероприятий, разрабатываемых и реализуемых органами внешних сношений и/или другими, уполномоченными на то государственными органами, поддерживающих основную дипломатическую деятельность государства трансляцией образцов национальной культуры на зарубежную аудиторию. Более широкое явление, внешняя культурная политика, понимается здесь как система правовых норм, идеологических установок, практических мероприятий по производству образцов национальной культуры и/или их трансляции на зарубежную аудиторию, а также по заимствованию образцов зарубежной культуры, разрабатываемых и реализуемых государством в поддержку основной линии внешней политики и/или культурной политики.

В организационном смысле культурная дипломатия, на наш взгляд, реализуется в следующих основных форматах: 1) годы культуры, где страна-донор несёт почти все расходы на проведение, этот формат является наиболее помпезным и политизированным; 2) регулярные, ежегодные Недели и Дни культуры, а также локализованные по времени и месту фестивали, к проведению которых зачастую привлекаются

Фото 2. Конкурс студенческих выступлений по японской культуре, Владивосток, 2011 г. *(фото Л.Е. Козлова)*

волонтёры страны-акцептора; 3) долгосрочные, многолетние программы культурного сотрудничества, например, в науке и высшем образовании.

Эмпирическими источниками статьи являются личные наблюдения мероприятий международного культурного сотрудничества, интервью и фотографии, собранные в ходе выполнение различных грантовых проектов в 2005–2015 гг.[1], пресс-релизы и публикации СМИ, веб-сайты институтов культурной дипломатии, стратегические и программные документы внешней, культурной и региональной политики России. Эмпирические материалы в массе своей собраны на Дальнем Востоке, и корреляции берутся тоже из опыта Дальнего Востока, однако статья нацелена на установление общих для всех регионов России закономерностей и выработку общих рекомендаций.

Культурная дипломатия, как правило, имеет региональную локализацию, поскольку охватить всю территорию интересующей страны затруднительно. Разумеется, первоочередные мероприятия организуются в столице страны-акцептора, чтобы воздействовать на местную политическую, экономическую и культурную элиту. Во вторую очередь, мероприятия организуются в регионах, представляющих экономический, политический или гуманитарный интерес, например, где проживает родственная диаспора, или где раньше государство-донор осуществляло

[1] «Сравнительный анализ культурной дипломатии иностранных держав в Германии и России», «Региональная политика России на Дальнем Востоке: перспективы реализации в современных условиях», «Иммигранты и этнические диаспоры в региональных политических процессах в РФ», «Общественное мнение Дальнего Востока о внешней политике и международных отношениях РФ» и др.

Фото 3. Европейская школа во Владивостоке, 2015 г. *(фото Л.Е. Козлова)*

политический контроль, или где имеются выгодные проекты экономического сотрудничества. Как правило, именно в таких регионах создаются иностранные консульства и культурные центры. Вспомогательным фактором региональной локализации является наличие в регионе волонтёров, увлечённых культурой страны-донора и помогающих в проведении её мероприятий. В наименьшей степени иностранной культурной дипломатией охватываются далёкие от границы и международных транспортных коммуникаций, экономически депрессивные регионы.

Региональная дифференциация культурной дипломатии ярко проявляется в больших по территории странах. В частности, на Дальнем Востоке чаще, чем в других федеральных округах проводятся мероприятия географических соседей: Китая, Японии, Республики Корея. Но вообще территориальные аспекты культурной дипломатии – это один из вопросов, который требует специального исследования, детальных подсчётов и проверки корреляций.

Культурная дипломатия и региональная политика пересекаются, главным образом, в части социального развития. Современная теория территориального развития, в том числе теория полюсов роста, исходит из того, что одних экономических стимулов для удержания, тем более, для привлечения высококвалифицированного и высокопроизводительного населения на регулируемой территории мало, требуется также создание комфортной среды проживания. Хотя стратегические и программные документы развития Дальнего Востока почти не упоминают о вопросах международного культурного сотрудничества, но идея комфортной среды как условия опережающего развития региона формулируется в них максимально конкретно. В частности, одним из результатов

Фото 4. Дальневосточный медиасаммит, Владивосток, ДВФУ, 2016 г.
(фото Л.Е. Козлова)

госпрограммы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» от 2014 г. ожидается создание условий для роста численности населения макрорегиона, повышение общего качества жизни **[7]**. «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» от 2009 г. заявляет: «Стратегической целью развития Дальнего Востока и Байкальского региона является реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе за счёт формирования развитой экономики и комфортной среды обитания человека в субъектах Российской Федерации, расположенных на этой территории, а также достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития» **[14]**.

На необходимость создания комфортной среды проживания прямо указывает в своих выступлениях президент РФ В.В. Путин: «Университета не было приличного – он появился. Мелочь, казалось бы, этот океанариум, но это «фишка» Дальнего Востока, уверен, туда будут ездить и с Урала, чтобы посмотреть, что такое, это наш научный центр и познавательный центр. <…> Мы построили там театр, добились того, что Гергиев, дай бог ему здоровья, фактически делает там филиал Мариинского театра. Там нужно ещё открыть филиал Русского музея, филиал Эрмитажа, чтобы людям было там комфортно жить, интересно, чтобы не нужно было тащиться за тридевять земель в Москву и Петербург» **[2]**.

Стратегия-2025 предполагает, что для формирования комфортных условий жизни населения Дальнего Востока будет произведена модернизация социальной инфраструктуры, включая образование, здравоох-

ранение, социальную защиту, культуру, физическую культуру и спорт, жилищный сектор. Госпрограмма «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» включает в себя мероприятия по реконструкции старых и строительству новых объектов образования, художественной культуры, здравоохранения и спорта. Как представляется, модернизации образования, здравоохранения, художественной культуры, физкультуры и спорта может содействовать и уже сейчас содействует культурная дипломатия зарубежных государств. Ниже мы проиллюстрируем этот тезис несколькими примерами.

«Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» не даёт оценки организованной культурной дипломатии зарубежных стран на территории России. Отмечается лишь угроза внешней культурной и информационной экспансии, включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры. Стратегия говорит о необходимости активизации культурного потенциала территорий и сглаживании значительных региональных диспропорций в обеспечении объектами культуры, однако подразумевает сугубо внутренние источники развития. В рамках нашей темы интересны некоторые меры, которые данная стратегия предлагает в целях усиления и расширения влияния российской культуры в зарубежных странах, а именно: развитие приграничного и межрегионального культурного сотрудничества, популяризация туристской привлекательности России и создание инфраструктурных условий для въездного туризма, содействие расширению сотрудничества российских организаций культуры с организациями культуры иностранных государств **[13]**.

* * *

Наверное, самая очевидная закономерность между культурной дипломатией и развитием региона присутствует в изучении иностранных языков, а именно: чем больше жителей региона овладевает иностранными языками, тем выше становится их конкурентоспособность на рынке труда и тем больше появляется специалистов, способных обеспечивать функционирование международных и внешнеэкономических связей региона. В связи с этим стране-акцептору полезнее всего в целях регионального развития поддерживать изучение языков ключевых экономических партнёров.

Поддержка изучения национального языка за рубежом является традиционным инструментом культурной дипломатии. На Дальнем Востоке России её активно осуществляют Китай, Япония и Республика Корея, в меньшей степени – Германия, Франция, страны Юго-Восточной Азии, Израиль (в Еврейской АО). Эта поддержка выражается в создании специализированных культурных центров и курсов изучения языка, издании и распространении в средней и высшей школе учебников языка, конкурсах, грантах и стажировках для преподавателей языка, студенческих обменах и др. На Дальнем Востоке восточные языки преподаются не только в вузах, но и во многих средних школах, даже в качестве основного иностранного языка.

Пожалуй, самым известным специализированным институтом подобного рода на Дальнем Востоке является Институт Конфуция. Первый из них был создан на Дальнем Востоке в 2006 г. в Дальневосточном университете при участии Хэйлунцзянского университета. В институте проводится обучение китайскому языку, каллиграфии, проходят курсы традиционной китайской гимнастики тайцзицюань и ушу. При Институте существует экзаменационный центр по проведению квалификационного экзамена HSK для определения базового, начально-среднего и

высшего уровней владения китайским языком. Институт проводит курсы повышения квалификации учителей и преподавателей китайского языка. Центр переводов при Институте, услугами которого пользуются государственные учреждения, организации и предприятия различного формата, работает с 2008 г. **[3]**.

Всего в России функционирует к настоящему времени 21 Институт Конфуция, в том числе три на Дальнем Востоке. В каждом институте обучаются примерно 200 человек. Кроме того, жители других регионов приезжают сдавать в эти институты экзамен на знание китайского языка HSK, его проводят в 15 городах России, в том числе во Владивостоке, Благовещенске, Комсомольске-на-Амуре. В российских вузах на данный момент более 25 тысяч студентов изучает китайский язык **[12]**. Число их быстро растёт, для сравнения, в 2009 г. китайский язык изучали порядка 10 тысяч российских студентов **[6]**. Значительным стимулом двустороннего сотрудничества в изучении национальных языков стали «Год русского языка в Китае» (2009) и «Год китайского языка в России» (2010).

При всех проблемах и неоднозначных оценках институтов Конфуция, следует признать, что изучение китайского языка на Дальнем Востоке не представляет такой проблемы, как в советский период. География преподавания очень широкая, общение с носителями языка доступно повсеместно, учитывая большое число китайских студентов в российских вузах. Есть возможность читать и слушать современный китайский язык в интернете, несложно получить визу или съездить в составе безвизовой группы, то есть получить страноведческие компетенции. Отлажена процедура подтверждения языковой квалификации. Существует много китайских стипендий для иностранных студентов и партнёрских программ между вузами, выпускаются новые учебники языка, проводятся научно-методические конференции, конкурируют между собой российская и китайская модели преподавания языка **[5]**. Ежегодное число выпускников программ высшего образования и языковых курсов по макрорегиону измеряется тысячами, так что одно лишь знание языка перестало быть гарантией карьеры, а чисто переводческая работа не приносит высокой прибыли.

Преподавание японского языка – в первую очередь, для предпринимателей и сотрудников коммерческих компаний, ориентированных на связи с японскими партнёрами, – ведётся в Японских центрах, действующих при генеральных консульствах Японии. В отличие от Институтов Конфуция Японские центры обучают начальным знаниям языка бесплатно. Здесь тоже проводятся языковые конкурсы для студентов и преподавателей, распределяются стипендии, представляются новые учебники и т.д. Экзамен на знание японского языка JLPT можно сдать в 9 городах России, в том числе во Владивостоке, Хабаровске и Южно-Сахалинске. Общее число изучающих японский язык в России составляет около 10 тысяч **[11]**.

Республика Корея поддерживает изучение корейского языка в России, щедро раздаёт гранты кафедрам корееведения российских вузов и стипендии российским студентам, помогает в издании учебников корейского языка. Специфика южнокорейской культурной дипломатии состоит в том, что особую целевую аудиторию для неё составляет корейская диаспора в России. Хотя российские корейцы фактически изучают корейский язык как иностранный, они пользуются преференциями в обучении и прохождении образовательных стажировок. Есть средние школы с углублённым изучением корейского языка в районах компактного проживания диаспоры в Приморском крае и Сахалинской области. Кроме того, с корейским языком немного знакомят прихожан корейские протестантские церкви в России. Отметим, что помощь в изучении языка

корейской диаспоре Дальнего Востока в 90-е годы оказывала и КНДР, но впоследствии эти связи прекратились ввиду дефицита материальных возможностей Пхёньяна.

Несмотря на потенциал российско-корейских экономических связей и активную культурную дипломатию Сеула, студентов-корееведов в российских вузах значительно меньше, чем китаеведов и японоведов. Экзамен на знание корейского языка TOPIK проводится в России только в Москве и Новосибирске. Впрочем, широкие бытовые и деловые связи облегчают получение дальневосточниками начальных знаний корейского языка, которые сложно охватить статистикой.

Из прочих зарубежных стран, поддерживающих изучение своего языка на Дальнем Востоке, следует отметить Германию. Учитывая её отдалённость, наличие ставки лектора Германской службы академических обменов в Хабаровске и лектора Фонда Боша во Владивосток, периодическое финансирование филологических исследований, студенческих и преподавательских стажировок выделяет немецкую культурную дипломатию на общем фоне. Правда, рынок труда германистов на Дальнем Востоке довольно узкий, преимущественно экскурсионное обслуживание немецких туристов и ввод в эксплуатацию немецкого промышленного оборудования, поэтому многие дальневосточные студенты получают диплом германиста для галочки или с целью эмиграции.

Влияние языковой дипломатии на социально-экономическое развитие региона нельзя однозначно оценить по количеству обучающихся, поскольку среди них могут присутствовать и немотивированные, и неспособные к изучению иностранных языков. Более точно, на наш взгляд, ситуацию характеризует насыщенность рынка. Дальневосточный рынок труд вполне насыщен специалистами со знаниями иностранных языков, так что более амбициозные выпускники сразу нацеливаются на карьеру в российской столице или стране изучаемого языка. Показательно то, что в дальневосточных объявлениях о вакансиях менеджера внешнеэкономической деятельности практически всегда требуется знание восточного языка, как и в случае международных департаментов органов власти, вузов и научных институтов. Для сравнения, в 2016 г. в разгар сезона на главном туристическом маршруте России – Золотом кольце – мы наблюдали полное отсутствие китайских и японских тургрупп, столь многочисленных во Владивостоке, Москве, Санкт-Петербурге. Причиной этого является отсутствие в городах Золотого кольца гидов со знанием восточноазиатских языков.

Другой пример, наглядно иллюстрирующий взаимосвязь культурной дипломатии и регионального развития, – это международное научное сотрудничество. В России финансирование науки существенно уступает развитым странам даже в относительном выражении, не говоря об абсолютном. В последние годы несколько увеличилась поддержка естественных и технических наук, но в социальных и гуманитарных науках ситуация не меняется. Более того, Министерство образования и науки РФ принуждает вузы, где аудиторная учёба составляет порядка 60% рабочего времени профессорско-преподавательского состава, к предоставлению полноценных научных результатов. В таких условиях иностранные гранты становятся одним из немногих мотивов заниматься наукой.

На Дальнем Востоке активны в предоставлении грантов и приглашении на научные стажировки Япония и Республика Корея. Они поддерживают, прежде всего, лингвистические и культурные исследования, содействующие распространению знаний об этих странах на русском языке. Представители других наук, как правило, знают языки данных стран в такой степени, чтобы проводить там исследования, а знание английского и в Японии, и в Корее, и в России остаётся на невысоком уров-

не. Китай в научном плане действует сдержанно, финансирует только совместные конференции, обычно официозные по характеру и скромные по научному результату.

Японские и южнокорейские учёные регулярно проводят на территории России конференции совместно с научными институтами РАН и отечественными вузами. Южнокорейская дипломатия щедро финансирует научно-практические форумы по экономике и бизнесу во Владивостоке, в 2013 г. с помощью местных учёных подготовила и издала «Путеводитель инвестора по Дальнему Востоку» на корейском языке. Японский государственный банк «JBIC» в преддверии оживления российско-японских экономических связей в 2015 г. заказывал коллективу местных авторов обзор экономики Дальнего Востока. Политологи и экономисты Дальнего Востока нередко приглашаются в Японию и Республику за счёт принимающей стороны на конференции типа «second track diplomacy». В естественных науках с дальневосточными коллегами сотрудничают, главным образом, японцы, для которых актуально получение эмпирических материалов с территории России (вулканология, океанология, морская биология и т.п.).

Также в этом сегменте – в намного меньшем объёме – представлены Германия и США. Германия стремится к софинансированию с Россией программ научного обмена, типа «Иммануил Кант» и «Михаил Ломоносов» (дальневосточные учёные неоднократно получали эти гранты). По личному опыту, такие программы нацелены, в первую очередь, на формирование позитивного имиджа своей страны в российской научной среде, научный результат и проведение исследований на территории России западных грантодателей интересует слабо. Немногочисленные исследования на территории России, поддерживаемые из-за рубежа, часто носят более или менее конъюнктурный характер: заказчикам нужны определённые темы и определённые трактовки, альтернативные трактовки и сбалансированные подходы их не интересуют. Как пример, Республика Корея поддерживает исторические исследования, доказывающие наличие в Средние века на территории современного Дальнего Востока России корейских и родственных им племён.

Дипломатическая поддержка искусства, спорта и других направлений международного культурного сотрудничества на Дальнем Востоке осуществляется по аналогичному с языками и наукой алгоритму. Международные связи развиваются по линии профильных вузов и ссузов, учреждений культуры, спортивных федераций, общественных объединений и творческих союзов. Страны-доноры помогают, прежде всего, тем видам и направлениям, которые имеют у них давнюю традицию и достигли высокого уровня, например, в спорте восточноазиатские страны делают акцент на единоборствах: каратэ, сумо, кудо, тхэквондо и т.п. Международное сотрудничество помогает дальневосточным участникам осваивать актуальные методики в сфере своей деятельности и повышать свою профессиональную квалификацию.

Обращает на себя внимание современный крен восточноазиатских стран в сторону массовой культуры, нацеленность на экспорт стандартизированной продукции «культурной индустрии», в связи с чем во всём мире стали проводиться фестивали типа «K-pop» и «J-pop». Здесь Китай всё-таки больше других соседей ориентирован на использование традиционной культуры как дипломатического инструмента, возможно, потому что в массовой культуре пока не достиг мирового уровня.

Медицина занимает промежуточное положение между культурной и экономической дипломатией. С одной стороны, она нацелена на извлечение прибыли, подобные визиты делегаций, конференции, бесплатные приёмы организуются при содействии органов внешней торговли. С дру-

гой стороны, высокоразвитая медицина, безусловно, формирует позитивный образ страны-донора. Явным лидером в этом отношении выглядит Республика Корея, медицина которой представляет собой, вполне возможно, оптимальное соотношение цены и качества на мировом рынке. На Дальнем Востоке – и особенно во Владивостоке, где расположены генеральное консульство Республики Корея, представительства Национальной организации туризма Кореи (НОТК) и Корейского агентства по развитию торговли и инвестиций – проводится много акций, рекламирующих южнокорейскую медицину, например, бесплатный приём пациентов южнокорейскими медиками.

Южнокорейские медицинские центры разрабатывают специальные предложения для российских потребителей, подбирают русскоговорящий персонал. Несколько турфирм Дальнего Востока и Южной Кореи специализируется на медицинском туризме и сотрудничает с НОТК. Взаимная отмена виз на краткосрочные поездки дополнительно стимулировала турпоток из России в Республику Корея в целях диагностики и лечения. Как представляется, доступ к южнокорейской медицине в некоторой степени компенсирует дефицит качественной диагностики и лечения на Дальнем Востоке, особенно для высокопроизводительных и платёжеспособных клиентов (впрочем, для точной оценки требуется отдельное развёрнутое исследование). В любом случае, соседство с Южной Кореей повышает конкуренцию на дальневосточном рынке медицинских услуг и даёт возможность местным врачам наблюдать передовые методики медицины.

Предпринимательские компетенции в рамках своей культурной дипломатии формирует единственная страна, Япония. Японские центры приняли активное участие в реализации «Программы подготовки управленческих кадров предприятий в России», содействие которой со стороны Японии было одним из основных элементов Плана Хасимото-Ельцина. Для лучших слушателей экономических семинаров и курсов японского языка организовывались стажировки в Японии, в ходе которых они знакомились с деятельностью японских предприятий и проходили углублённый курс лекций по интересующим их проблемам экономики. К 2003 г. в Японских центрах в России на различных курсах прошли обучение около 20 тысяч слушателей, из них 2300 человек побывали на стажировках в Японии **[4, с. 189]**.

Бесплатные краткосрочные курсы и семинары Японских центров имели для российского бизнеса большее значение в начале 2000-х гг., когда коммерческое, маркетинговое, рекламное образование в России становилось на ноги. Сейчас же они полезны, в первую очередь, для знакомства с японской деловой культурой и японским рынком, а руководство Японских центров сосредоточило своё внимание на посредничестве в установлении связей между российским и японским малым и средним бизнесом **[8]**.

Отметим также, что при каждом Японском центре созданы Клубы выпускников, самостоятельные общественные организации, членами которых являются те, кто побывал на стажировке в Японии или обучался на семинарах центра. Клубы получают от Японских центров дотации на осуществление своей деятельности: семинары и круглые столы по вопросам бизнеса и управления, встречи с японскими бизнесменами, мероприятия по повышению уровня знаний японского языка и т.п. Некоторые выпускники Японских центров стали руководителями успешных предприятий, таковые рассматриваются как потенциальные экономические союзники Японии.

Проводниками культурной политики Японии выступают также другие полугосударственные и негосударственные структуры, в ряду

которых выделяется Японская ассоциация по торговле с Россией и Восточной Европой (РОТОБО). Ведущим направлением в работе РОТОБО в российских регионах стали учебные семинары, проводимые ведущими специалистами в области менеджмента и промышленной политики, консалтинг российских промышленных предприятий, приём в Японии стажёров с малых и средних российских предприятий по менеджменту и отраслевой тематике, участие в организации японских экспозиций в российских торгово-промышленных выставках. В результате данного сотрудничества при вузах Владивостока были созданы шесть учебных центров с объёмом первоначальных инвестиций японской стороны в размере 31,5 млн. долларов США **[4, с. 186]**.

Конечно, следует понимать, что зарубежные страны проводят культурную дипломатию не в благотворительных целях, но преследуют собственные внешнеполитические цели. О данных целях можно составить представление по «Основным направлениям политики РФ в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» 2010 г. (приложение № 1 к Концепции внешней политики России): это улучшение имиджа, коммерческий экспорт культуры, защита диаспоры, нормализация двусторонних отношений, в меньшей степени – трансфер передовых образцов иностранной культуры и повышение квалификации собственных учреждений культуры **[9]**.

* * *

Помимо культурной дипломатии иностранных держав, на социально-экономическом развитии региона может благотворно сказаться культурная дипломатия собственного национального правительства. На Дальний Восток в начале XXI века федеральное правительство привлекает региональные учреждения культуры, науки, образования, СМИ и прочие организации для проведения мероприятий культурной дипломатии, а также создаёт в макрорегионе филиалы общенациональных учреждений культуры, имеющих международную известность, или же новые учреждения с местной пропиской, получающие специальное финансирование из центра. В первом случае, это, главным образом, разнообразные российско-китайские «Годы»: культуры, языка, молодёжи, туризма и др. Во втором – это филиал Мариинского театра, Дальневосточный федеральный университет, Приморский океанариум, планируемые к созданию филиалы Эрмитажа, Третьяковской галереи и Русского музея.

Ключевые объекты культурной инфраструктуры Дальнего Востока продолжают создаваться и развиваться преимущественно во Владивостоке. Судя по всему, в обозримой перспективе федеральное правительство продолжит придерживаться логики развития макрорегиона, сформулированной в период подготовки к саммиту АТЭС 2012 г., подразумевающей первоочередное развитие Владивостока как центра международного сотрудничества России со странами АТР.

Хотя В.В. Путин подчёркивает, что новые объекты культуры имеют главной целью развитие комфортной среды на Дальнем Востоке, очевидно, что они уже сейчас работают на решение официально сформулированных задач внешней культурной политики России, а именно: «Следует стремиться к максимально широкой представленности за рубежом лучших достижений российской культуры. <…> В контексте решения задачи модернизации страны особое значение приобретает международное сотрудничество Российской Федерации в области науки и образования. Эффективное взаимодействие с зарубежными партнёрами на данном направлении должно способствовать притоку инвестиций, новейших

технологий и передовых идей. <…> Следует добиваться более широкого включения России в международное образовательное пространство, всемерно способствовать экспорту российских образовательных услуг, расширению объёмов подготовки иностранных специалистов в российских образовательных учреждениях <…>. Следует содействовать расширению участия России в международных туристических обменах <…>. При этом особое внимание следует уделять целенаправленной работе по привлечению иностранных туристов в Россию. <…> Политика России на культурно-гуманитарном направлении в отношении государств Азиатско-Тихоокеанского региона должна строиться с учётом их возрастающей роли в современных международных отношениях» **[9]**.

При всех сложностях первых лет работы некоторые из вышеперечисленных задач решает Дальневосточный федеральный университет. Здесь регулярно проводятся международные мероприятия научного, образовательного, экономического и политико-дипломатического характера. С каждым годом увеличивается приток иностранных студентов: в 2016 г. 3200 человек из 52 стран (примерно 60% из Китая), по программам высшего образования обучаются 1600 человек, остальные – слушатели различных курсов, прежде всего по русскому языку и русской культуре **[10]**. Также после 2014 г. резко вырос приток иностранных туристов в Приморский край. В 2016 г. по делам бизнеса, по частным приглашениям и в роли туристов регион посетило 460 тысяч человек, годовой прирост составил 33% **[1]**. Конечно, значимым фактором этого стало падение курса рубля, однако объекты, построенные в рамках подготовки к саммиту АТЭС, несомненно, привлекают как российских, так и зарубежных туристов.

* * *

В заключении отметим, что культурная дипломатия помогает формировать комфортную среду в регионе самим фактом публичных культурных мероприятий. Интересных событий в провинции гораздо меньше, чем в столице, поэтому различные фестивали, дни, недели и годы культуры разнообразят досуг местных жителей. На Дальнем Востоке зарубежная культурная дипломатия осуществляется во Владивостоке, и хотя местную публику сложно удивить, наиболее крупные публичные мероприятия посещают тысячи зрителей. Наряду с экономическими перспективами, возможности культурного досуга повышают привлекательность Владивостока для экономически и социально активных кадров.

Полагаем, что культурная дипломатия вполне способна стимулировать социально-экономическое развитие региона в определённых, рассмотренных в статье аспектах. Этот эффект особенно выражен в крупных по территории и разнообразных по социально-экономическим условиям государствах. Но следует обращать внимание на то, что иностранная культурная дипломатия работает на интересы проводящих её держав. Как показал кризис отношений России и Запада в 2014 г., такая дипломатия может в любой момент прекратиться по политическим или экономическим причинам. К тому же, зарубежные страны стремятся представить свою культуру и своё общество исключительно в позитивном свете, маскируя имеющиеся проблемы, навязывая собственные культурные практики и стандарты, как это происходит в преподавании восточных языков **[5]**. Показательны истории Института Конфуция в Якутске, американского «Корпуса мира», «Британского совета», турецкого «Тюрксой» на территории России, закрытых в разное время по решению центральных органов власти. Поэтому с точки зрения интересов принимающего государства стимулирование социально-экономического

развития регионов за счёт иностранной помощи необходимо рассматривать как временное явление, стремиться замещать её внутренними источниками территориального развития, а в международном культурном сотрудничестве поддерживать паритет с иностранными партнёрами.

◆

Литература

1. В Приморье едет все больше китайцев и все меньше японцев // Дейта. [Электронный ресурс]. 2017. 25 янв. URL: http://deita.ru/news/tourism/25.01.2017/5181856-v-primore-edet-vse-bolshe-kitaytsev-i-vse-menshe-yapontsev/ (дата обращения: 16.01.2017 г.).

2. Встреча с руководством Совета Федерации и Государственной Думы 21 декабря 2016 года // Президент России. [Электронный ресурс]. 2016. 21 дек. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/53566 (дата обращения: 16.01.2017 г.).

3. Институт Конфуция ДВФУ. [Электронный ресурс]. URL: http://confucius.dvfu.ru (дата обращения: 16.01.2017 г.).

4. Козлов Л.Е. Российский Дальний Восток как объект внешней культурной политики Японии и Китая / Л.Е. Козлов, Б.Б. Насакова // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: Политика, экономика, безопасность. Вып. 2 / Науч. ред. М.Ю. Шинковский; под общ. ред. Н.В. Котляр. Владивосток: Дальнаука, 2008. С.183–197.

5. Лобанова Т. Институты Конфуция в России: взгляд лингвиста изнутри /Т. Лобанова // Мой университет. Журнал Тихоокеанского государственного университета. [Электронный ресурс]. Хабаровск, 2013. № 2. URL: http://muniver.khstu.ru/main_little/2013/06/06/instituty-konfuciya-v-rossii-vzglyad-lingvista-izn/ (дата обращения: 16.01.2017 г.).

6. Министр образования КНР: обмены между Китаем и Россией в области преподавания русского и китайского языков получают быстрое развитие // CNTV. [Электронный ресурс]. 2010. 23 марта. URL: http://russian.cctv.com/20100323/103797.shtml (дата обращения: 16.01.2017 г.).

7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308. [Электронный ресурс]. URL: http://gov.garant.ru/document?id=70544078&byPara=1&sub=1 (дата обращения: 16.01.2017 г.).

8. Оковитая Н. Российскому бизнесу не хватает японского менталитета /Н. Оковитая // ZRPRESS.RU. [Электронный ресурс]. Владивосток, 2013. 17 дек. URL: http://www.zrpress.ru/business/dalnij-vostok_17.12.2013_64184_rossijskomu-biznesu-ne-khvataet-japonskogo-mentaliteta.html (дата обращения: 16.01.2017 г.).

9. Основные направления политики РФ в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (утв. Президентом РФ 18 декабря 2010 г.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/224550 (дата обращения: 16.01.2017 г.).

10. Попов Э. Наш ответ Стэнфорду / Э. Попов // Восток России. [Электронный ресурс]. М., 2016. 30 дек. URL: http://www.eastrussia.ru/material/nash-otvet-stenfordu/ (дата обращения: 16.01.2017 г.).

11. Романова И. Японский язык как инструмент «мягкой силы» / И. Романова // Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс].

2013. 16 янв. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1258 (дата обращения: 16.01.2017 г.).

12. Сергеева А. Китайский язык как инструмент реализации «китайской мечты» / А. Сергеева // Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. 2013. 25 сент. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2388 (дата обращения: 16.01.2017 г.).

13. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р). [Электронный ресурс]. URL: http://gov.garant.ru/document?id=71243400&byPara=1 (дата обращения: 16.01.2017 г.).

14. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р). [Электронный ресурс]. URL: http://gov.garant.ru/document?id=6632462&byPara=1 (дата обращения: 16.01.2017 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. V Primor'e edet vse bol'she kitajtsev i vse men'she yapontsev // Dejta. [EHlektronnyj resurs]. 2017. 25 yanv. URL: http://deita.ru/news/tourism/25.01.2017/5181856-v-primore-edet-vse-bolshe-kitaytsev-i-vse-mensheyapontsev/ (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

2. Vstrecha s rukovodstvom Soveta Federatsii i Gosudarstvennoj Dumy 21 dekabrya 2016 goda // Prezident Rossii. [EHlektronnyj resurs]. 2016. 21 dek. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/53566 (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

3. Institut Konfutsiya DVFU. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://confucius.dvfu.ru (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

4. Kozlov L.E. Rossijskij Dal'nij Vostok kak ob"ekt vneshnej kul'turnoj politiki YAponii i Kitaya / L.E. Kozlov, B.B. Nasakova // Rossijskij Dal'nij Vostok v Aziatsko-Tikhookeanskom regione na rubezhe vekov: Politika, ehkonomika, bezopasnost'. Vyp. 2 / Nauch. red. M.YU. SHinkovskij; pod obshh. red. N.V. Kotlyar. Vladivostok: Dal'nauka, 2008. S.183–197.

5. Lobanova T. Instituty Konfutsiya v Rossii: vzglyad lingvista iznutri /T. Lobanova // Moj universitet. ZHurnal Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. [EHlektronnyj resurs]. KHabarovsk, 2013. № 2. URL: http://muniver.khstu.ru/main_little/2013/06/06/instituty-konfuciya-v-rossii-vzglyad-lingvista-izn/ (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

6. Ministr obrazovaniya KNR: obmeny mezhdu Kitaem i Rossiej v oblasti prepodavaniya russkogo i kitajskogo yazykov poluchayut bystroe razvitie // CNTV. [EHlektronnyj resurs]. 2010. 23 marta. URL: http://russian.cctv.com/20100323/103797.shtml (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

7. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federatsii «Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona»: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 308. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://gov.garant.ru/document?id=70544078&byPara=1&sub=1 (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

8. Okovitaya N. Rossijskomu biznesu ne khvataet yaponskogo mentaliteta /N. Okovitaya // ZRPRESS.RU. [EHlektronnyj resurs]. Vladivostok, 2013. 17 dek. URL: http://www.zrpress.ru/business/dalnij-vostok_17.12.2013_64184_rossijskomu-biznesu-ne-khvataet-japonskogo-mentaliteta.html (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

9. Osnovnye napravleniya politiki RF v sfere mezhdunarodnogo kul'turno-gumanitarnogo sotrudnichestva (utv. Prezidentom RF 18 dekabrya 2010 g.). [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/224550 (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

10. Popov EH. Nash otvet Stehnfordu / EH. Popov // Vostok Rossii. [EHlektronnyj resurs]. M., 2016. 30 dek. URL: http://www.eastrussia.ru/material/nash-otvet-stenfordu/ (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

11. Romanova I. YAponskij yazyk kak instrument «myagkoj sily» / I. Romanova // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. [EHlektronnyj resurs]. 2013. 16 yanv. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1258 (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

12. Sergeeva A. Kitajskij yazyk kak instrument realizatsii «kitajskoj mechty» / A. Sergeeva // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. [EHlektronnyj resurs]. 2013. 25 sent. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2388 (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

13. Strategiya gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 29 fevralya 2016 g. № 326-r). [EHlektronnyj resurs]. URL: http://gov.garant.ru/document?id=71243400&byPara=1 (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

14. Strategiya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona na period do 2025 goda (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 28 dekabrya 2009 g. № 2094-r). [EHlektronnyj resurs]. URL: http://gov.garant.ru/document?id=6632462&byPara=1 (data obrashheniya: 16.01.2017 g.).

УДК 930:355/359.07

Авилов Р.С.
Avilov R.S.

Формирование и обучение запаса армии в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны

The organization and the training of the army reserve manpower pool in Priamurskiy Military District before the World War I

В статье анализируется формирование и обучение запаса армии в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны. Накопление обученного запаса стало одной из важнейших задач, вставших перед великими державами после наступления эпохи массовых армий. В России этот процесс начался в 1874 г., но резко активизировался в период между Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой 1914–1918 гг. войнами. Проведённое исследование показало, что в Приамурском военном округе обучение запасных было начато только после распространения на население округа воинской повинности в 1909 г. и наиболее активно велось в 1910–1913 гг.

Ключевые слова: *Приамурский военный округ, Дальний Восток России, русская армия, военные реформы, запас армии, Первая мировая война*

◆

The article concerns the process of organization and training of army reserve manpower pool in Priamurskiy Military District before the World War I. After the era of mass-armies had become, the accumulation of the army reserve became one of the most important task for the Great Powers. In Russia, this process began in 1874, but the most active period took place between Russo-Japanese War (1904–1905) and World War I (1914–1918). The study had shown that the training of army reserve manpower pool began in Priamurskiy Military District only after 1909, when the liability for military service was expanded on the population of the district, and this training was the most active in 1910–1913.

Key words: *Priamurskiy Military District, Russian Far East, Russian Army, military reforms, army reserve manpower pool, World War I*

Одной из важнейших задач, вставших перед государствами после наступления эпохи массовых армий, стало формирование запаса армий. Именно наличие в стране большого количества военно-обученного мужского населения позволяло в случае начала войны не только развернуть армию по штатам военного времени (включая формирование запасных частей и соединений), но и своевременно восполнять вполне готовыми к несению воинской службы людьми убыль личного состава, возникающую вследствие боевых и небоевых потерь. «При образовании запаса армии современные государства стремятся к тому, чтобы при мобилизации действительная армия, как по своему составу, так и по своей численно-

АВИЛОВ Роман Сергеевич, к.и.н, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)*. **E-mail:** avilov-1987@mail.ru

сти, была вполне способной к разрешению в интересах государства той активной борьбы, к которой государство готовится иногда целые десятилетия. Этому стремлению удовлетворяют, с одной стороны, сокращение сроков действительной службы, а с другой – образование запаса, состоящего из людей, не отставших в военном деле и физически вполне способных к перенесению тягостей войны», – указывалось в одном из томов военной энциклопедии, опубликованном в 1912 г. **[2, с. 464]**.

Оба вышеуказанных процесса проходили в армиях всех великих держав в конце XIX – начале XX в., в том числе и в русской. Специфика огромной по территории Российской империи состояла в том, что формировать обученный запас армии здесь было несколько сложнее, чем в достаточно компактных европейских странах или Японии. Причины: несопоставимо различная плотность населения в разных районах империи, большое количество инородческого (т.е. аборигенного) населения, слабое развитие транспортной инфраструктуры при огромных расстояниях. В этом отношении достаточно показательна ситуация с формированием обученного запаса нижних чинов в Приамурском военном округе, т.е. на территории российского Дальнего Востока, до сих пор совершенно не изученная **[1; 10; 11; 12; 13; 14; 19]**.

Изначально, при введении всесословной воинской повинности уставом 1 января 1874 г.[1], население Приморской и Амурской областей, наряду с некоторыми другими отдалёнными местностями империи, было освобождено от отбывания воинской повинности (ст. 1, п. 2 Указа Правительствующему Сенату от 1 января 1874 г.) **[15, т. 49, № 52982, 52983]**. В то время принятие подобной меры было вызвано крайне низкой численностью населения этих областей, небольшим количеством войск, которые не было необходимости разворачивать в военное время, а также, отчасти, превалированием интересов хозяйственного освоения региона над оборонительными задачами. Однако, после Русско-японской войны 1904–1905 гг. и кардинального увеличения группировки русских войск в Приамурском военном округе, сохранение подобной системы стало невозможным.

Вопрос этот был поднят при пересмотре Устава о воинской повинности, когда одной из важнейших задач признали «распространение воинской повинности на те группы населения, которые до сего времени были от неё освобождены» **[16, т. 29, № 31622; 6, прил. 2 (Отчёт по ГУГШ), с. 33]**. К концу 1908 г. уже разработали законопроекты о введении в Приморской и Амурской областях воинской повинности и о привлечении населения в возрасте 21–31 года к отбыванию учебных сборов «с целью обучения владеть оружием». Причём эти вопросы прорабатывались в рамках целого комплекса мер, направленных на улучшение системы комплектования и порядка отбывания воинской повинности в империи: реорганизации Государственного ополчения, изменения законодательства о призыве запасных и т.д. **[5, с. 8]**.

18 марта 1909 г. Николай II утвердил одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон «О привлечении населения Приморской и Амурской областей к отбыванию воинской повинности» **[16, т. 29. № 31622; 6, прил. 2 (Отчёт по ГУГШ), с. 33]**. По нему к отбыванию воинской повинности на общем основании привлекалось всё «русское население и состоящие в русском подданстве корейцы Приморской и Амурской областей», за исключением населения Охотского, Гижигинского, Анадырского и Петропавловского уездов Приморской области и Командорских островов **[16, т. 29, № 31622]**. Последнее было вполне оправданно, поскольку, во-первых, на отдалённых северных территориях плотность населения была крайне низкой, во-вторых, практически

[1] Все даты приведены по юлианскому календарю, т.е. по старому стилю.

не было как войск, так и военной и транспортной инфраструктуры. Это сделало бы даже попытку призыва молодых людей с этих территорий и отправку их к местам прохождения службы весьма затруднительной, а в некоторых случаях и вовсе невозможной. Для подлежащих призыву переселенцев Приморской и Амурской областей, в отношении отбывания воинской повинности, были сохранены льготы, предусмотренные в статье 602 Устава о воинской повинности, причём указанные в ней отсрочки считались со времени достижения переселенцами призывного возраста, а не с момента прибытия их на Дальний Восток **[16, т. 29, № 31622]**.

Следующим шагом, направленным на подготовку в округе запасных на случай развёртывания частей при мобилизации, стал одобренный Государственным Советом и Государственной Думой и утверждённый 25 декабря 1909 г. Николаем II закон «О привлечении населения Приморской и Амурской областей в сборы для воинского обучения в 1910–1912 гг.»[1] **[16, т. 29, № 32847] (ПВВ № 358 от 18 июля 1910 г.)**. Им было введено, на срок по 1 января 1913 г., «Временное Положение о сборах для воинского обучения населения Приморской и Амурской областей», включавшее в себя правила призыва населения этих областей на сборы. Этим были «привлечены в сборы, для воинского обучения в период 1910–1912 гг., 10 возрастов населения тех же областей, т.е. лица, родившиеся с 1878 г. по 1887 г. и, следовательно, перешедшие призывной возраст» **[6, прил. 2 (Отчёт по ГУГШ), с. 33; 5, с. 14]**, за исключением казаков, но включая состоящих в русском подданстве корейцев. Срок сборов определялся в 6 недель. Места и время проведения сборов должен был, «сообразуясь с местными условиями быта населения и временем занятий последнего полевыми работами», определить Командующий войсками Приамурского военного округа и Приамурский генерал-губернатор как человек, объединявший в то время в своих руках власть по линии обоих ведомств, ответственных за подготовку и проведение сборов: военного и внутренних дел. В случае надобности он мог отменять назначенные уже сборы, определяя для их производства иное время, а при необходимости и другие места. Призыв на сборы проводился при соблюдении всех предусмотренных существующим законодательством освобождений. Например, призыву не подлежали «переселенцы, со времени действительного водворения коих на их участках не истечёт к назначенному для явки сроку шести лет», «лица, произведённые в офицерские и классные чины военного и военно-морского ведомств, а также числящиеся в запасе армии и флота офицерские, классные и нижние чины» и «лица, получившие удостоверения об освобождении их от воинской повинности» **[16, т. 29, № 32847] (ПВВ № 358 от 18 июля 1910 г.)**.

«Наставления по призыву и освидетельствованию призванных в учебный сбор лиц, а равно по учёту и призыву ратников ополчения в военное время в войска и на сформирование ополченских частей, составляются Приамурским Генерал-Губернатором и утверждаются Военным Министром, по соглашению с Министром Внутренних Дел и Главноуправляющим Землеустройством и Земледелием. Инструкция по обучению призванных в учебный сбор лиц составляется Командующим Войсками Приамурского военного округа и утверждается Военным Министром» **[16, т. 29, № 32847] (ПВВ № 358 от 18 июля 1910 г.)**. Все лица, явившиеся на сборный пункт и прошедшие медицинское освидетельствование, приводились к присяге, проходили учебный сбор, после

---

[1] Соответствующий ПВВ № 358 был отдан 18 июля 1910 г. и в этот же день – приказ № 359, регламентировавший «денежные и вещевые отпуски от казны на производство сборов», т.е. организационно-хозяйственные вопросы **(ПВВ № № 358 и 359 от 18 июля 1910 г.).**

чего зачислялись в ратники 1-го разряда Государственного ополчения **[16, т. 29, № 32847] (ПВВ № 358 от 18 июля 1910 г.)**.

Проведение сборов имело принципиальное значение для боеготовности армии и её мобилизационных возможностей в военное время, поскольку этим же положением определялось, что призыв «ратников ополчения в военное время производится вместе с призывом запасных нижних чинов для мобилизации войск и на одинаковых для сего основаниях. При этом упомянутые ратники назначаются как для пополнения воинских частей, так и для образования пеших дружин Государственного ополчения» **[16, т. 29, № 32847] (ПВВ № 358 от 18 июля 1910 г.)**. Таким образом, участники сборов вполне могли попасть в будущем (и многие попали) в регулярные армейские части, ушедшие на поля Первой мировой войны.

Механизм обучения запасных был предусмотрен ещё Уставом о воинской повинности 1874 г., в котором указывалось, что «во время состояния в запасе чины оного могут быть призываемы Военным или Морским Министерством, по принадлежности, в учебные сборы, но не более двух раз в течение всего срока нахождения в запасе, и каждый раз не долее, как на шесть недель» (Гл. 2, ст. 17) **[15, т. 49, № 52983]**[1]. Необходимость систематического проведения сборов стала очевидной во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., показавшей явно недостаточный уровень боевой подготовки контингента, призываемого из запаса при мобилизации, особенно мужчин старших призывных возрастов. При быстром военно-техническом прогрессе конца XIX – начала XX в., часто оказывалось, что многие из таких призывников проходили действительную службу с другими, более старыми образцами вооружения, не имея ни малейшего представления о тех технических средствах, с которыми им предстояло иметь дело на войне. В войска попадали люди отставшие в военном деле и физически мало- или совершенно неспособные «к перенесению тягостей войны». Это касалось практически всех родов войск: призванные из запаса в пехоту не знали современного стрелкового оружия, в артиллерию – орудий и т.д.

Более того, подобной мерой в Военном министерстве пытались хотя бы отчасти решить застарелую проблему подготовки обученного мобилизационного резерва нижних чинов. Дело в том, что хотя существовавшая в то время в России система воинской повинности и называлась «всеобщей», однако на практике количество потенциальных новобранцев существенно превышало возможности армии по их принятию в свои ряды. Это породило ещё в 70-е гг. XIX в., при введении всесословной воинской повинности, так называемую систему жребия, т.е. отбора «на удачу» новобранцев для прохождения действительной службы. Это было официально прописано в Уставе о воинской повинности: «Поступление на службу по призывам решается жеребьем, который вынимается единожды на всю жизнь. Лица по нумеру вытянутого ими жеребья не подлежащие поступлению в постоянные войска, зачисляются в ополчение» (гл. 1, ст. 10) **[15, т. 49, № 52983]**. При такой системе, благополучно просуществовавшей до начала Первой мировой войны, значительная часть мужского населения империи по-прежнему оставалась совершенно неохваченной системой военного обучения (ежегодно призывалось около 450 тыс. новобранцев, что составляло примерно треть от общего числа

[1] Норма эта применялась нерегулярно и не на всей территории империи, а там, где сборы всё-таки проводились, они зачастую рассматривались как простая формальность и не давали заметных результатов. Описывая деятельность этой системы за весь период её существования, Н.Н. Головин отмечал, что из стремления к экономии продолжительность учебных сборов была на деле сокращена: «Так, лица, состоявшие на действительной службе не более трёх лет, призывались только раз и на две недели, а лица, прослужившие менее трёх лет – два раза, но каждый раз лишь на три недели» **[10, с. 19]**.

юношей достигших призывного возраста **[13, с. 6]**), и не имела ни малейшей военной подготовки.

Однако деньги на такой способ обучения и поддержания уровня боевой подготовки мужского населения государства, как сборы запасных и ратников ополчения, столь необходимый в эпоху массовых армий, появились в казне только к 1909 г. Ничего подобного в стране, тем более в общеимперском масштабе, ранее не проводилось[1]. Поэтому потребовалась разработка всего комплекса нормативно-правовой базы вводимого обучения (разного рода инструкции, правила, расписания и т.п.), дабы в максимальной степени унифицировать его на всей территории России, минимизировав этим влияние на процесс обучения традиций разных военных округов и взглядов их командующих. Разработка нового положения об учебных сборах была возложена Военным министром на комитет по образованию войск ещё в конце 1906 г., когда Главный штаб и передал туда «для пересмотра все существующие законоположения по учебным сборам как нижних чинов, так и ратников ополчения **[5, прил. 1 (Отчёт по Главному штабу за 1908 г.), с. 18]**. Однако дело было новым, поэтому решить проблему одномоментно не удалось. В результате, нормативно-правовая база обучения запасных и ратников Государственного ополчения практически непрерывно дополнялась и совершенствовалась в течение всего оставшегося до Первой мировой войны времени (1909 – весна 1914 гг.).

В 1910 г. учебные сборы в Приамурском военном округе проводились 2 раза. Первые – в июне, в связи с чем ещё 18 мая был отдан приказ о создании специальных комиссий для медицинского освидетельствования призываемых **(ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 199 от 18 мая 1910 г. Ед. хр. 1331. Л. 141)**. Комиссии создавались в каждом сборном пункте[2]. Состояли они из 5 человек, в числе которых обязательно был офицер одной из дислоцировавшихся в соответствующем населённом пункте воинских частей, 2 врача или лекаря и 2 чиновника гражданской администрации **(ГАХК. НСБ. Состав приёмных комиссий для освидетельствования лиц, подлежащих призыву в учебный сбор в июне месяце текущего года. Прил. к Приказу войскам Приамурского военного округа № 199 от 18 мая 1910 г. Ед. хр. 1331. Л. 141–143 об.)**. Вторые сборы проходили в сентябре, а приказ о создании медицинских комиссий был отдан 10 сентября, т.е. незадолго до их начала **(ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 409 от 10 сентября 1910 г. Ед. хр. 1331. Л. 252)**. Комиссии создавались в тех же пунктах, комплектовались по тому же принципу, но их состав на этот раз был несколько иным. На сентябрьские сборы предполагалось призвать 1510 чел.[3]. **(ГАХК. НСБ. Состав приёмных комиссий для освидетельствования лиц, подлежащих призыву в учебный сбор в сентябре месяце тёк. года. Прил. к Приказу войскам Приамурского военного округа № 409**

---

[1] В 1907 и 1908 гг. учебные сборы прапорщиков и нижних чинов запаса 1-го разряда по образованию не проводили из-за невозможности нормально организовать занятия из-за усиленной гарнизонной службы войск – последствие Первой русской революции 1905–1907 гг. **[5, прил. 1 (Отчёт по Главному штабу за 1908 г.), с. 18]**.

[2] В Амурской области: Благовещенском (предполагаемое число призываемых – 716), Александровском (231), Михайловском (180); в Приморской области: Владивостокском (493), Никольск-Уссурийском (1016), Спасском (698), Иманском (102), Хабаровском (254) и Николаевском (75). Всего на июньские сборы в округе предполагалось призвать 3765 чел.

[3] Для Благовещенского сборного пункта – 501 чел, Александровского – 234, Михайловского – 112, Хабаровского – 81, Никольск-Уссурийского – 259, Николаевского – 18, Владивостокского – 153, Иманского – 95 и Спасского – 60.

от 10 сентября 1910 г. Ед. хр. 1331. Л. 252–254 об.). Всего же в 1910 г. через учебные сборы в округе должны были пройти 5275 чел.

Итак, в 1910 г. в округе в сборы было привлечено население трёх возрастов: двух – летом и одного – осенью **[7, прил. 1 (Отчёт по ГУГШ за 1910 г.), с. 8–9]**. На остальной территории империи в этом году «вследствие реорганизации армии и по недостатку денежных средств» учебные сборы прапорщикам запаса, нижним чинам 1-го разряда по образованию, нижним чинам запаса и ратникам ополчения 1-го разряда не проводились **[7, прил. 1 (Отчёт по ГУГШ за 1910 г.), с. 8–9]**.

В ходе подготовки сборов снова всплыла проблема КВЖД и её полосы отчуждения, где проживало большое количество уроженцев Амурской и Приморской областей, и было совершенно непонятно, должны ли они подпадать под действие «Временного положения о сборах для воинского обучения населения Приморской и Амурской областей». Пришлось направить запрос в Петербург, в ответ на который ГУГШ пояснило (отзывом № 6838 от 14 июля 1910 г.), что действие правил «распространяется лишь на уроженцев этих областей, **временно** проживающих в полосе отчуждения Китайской железной дороги. До уроженцев названных областей, **постоянно** проживающих в полосе отчуждения, Временное положение не относится» **(Приказание войскам Приамурского военного округа № 112 от 9 августа 1910 г.)**.

Начало в 1909 г. подготовки массового проведения сборов запасных по всей империи выявило множество вопиющих недочётов системы их учёта, о чём ГУГШ сообщило в Приамурский военный округ 29 апреля 1910 г., указав, что «из поступивших в названное управление донесений оказалось, что во многих пунктах поверочного сбора запасных нижних чинов в минувшем году обнаружено значительное число запасных, которые нигде не значатся на учёте, причём некоторые из них не имели увольнительных билетов», т.е. определённая часть запаса армии оказалась за пределами государственной системы учёта запасных, что при всеобщей мобилизации было чревато серьёзными проблемами. «Главной причиной такого явления можно объяснить тем, – констатировалось в отзыве, – что некоторые части войск, управления, учреждения и заведения, увольняя нижних чинов в запас, не знакомят людей с главнейшими обязанностями запасных… Вследствие этого запасные, отправляясь на места жительства, минуя воинских начальников, не являются в учётные учреждения гражданского ведомства и посему не могут своевременно быть приняты ими на учёт. Кроме того выяснилось, что многие войсковые части высылают воинским Начальникам слишком поздно письменные сведения на нижних чинов, увольняемых в запас[1], благодаря чему воинские начальники лишены возможности своевременно выслать в учётные учреждения увольнительные билеты, для выдачи таковых по принадлежности. Во избежание на будущее время подобных недоразумений, ГУГШ просит подтвердить к неуклонному исполнению, чтобы начальники частей войск, управлений, учреждений и заведений, увольняя людей в запас, строго руководствовались бы правилами об увольнении нижних чинов в запас, приложенными к новому руководству по учёту запасных и ратников» **(Приказание войскам Приамурского военного округа № 68 от 16 мая 1910 г.)** Само «Руководство по учёту нижних чинов запаса армии и флота и ратников, перечисленных из запаса», вместе с инструкцией для введения его в действие, было обнародовано ещё 16 ноября 1907 г. Тогда же были введены в действие «Правила особого учёта нижних чинов запаса армии и флота», «Положение об увольнении нижних чинов в запас армии и флота», «Таблицы для определения сроков состояния нижних чинов на действительной службе

[1] По положению должны высылаться за 14 дней до увольнения в запас.

в запасе 1-го и 2-го разряда», «Инструкция о порядке производства в уездах поверочных сборов нижних чинов запаса армии и флота» и «Порядок представления отчётности о нижних чинах запаса армии и флота и ратниках Государственного ополчения 1-го разряда, перечисленных из войск», заменившие собой разные руководства, положения, правила и другие нормативно-правовые документы, издававшиеся с 1876 по 1907 гг.

Ведение учёта по новым правилам было назначено: для нижних чинов запаса – с 1 марта 1908 г., для ратников, перечисленных из запаса – с 1 апреля 1908 г. **(ПВВ № 625 от 16 ноября 1907 г.)**. Однако, несмотря на почти полугодовой период, специально предусмотренный между моментом обнародования новых документов и временем введения их в действие, переход на новые правила без сбоев не обошёлся. В этом отношении Приамурский военный округ находился в более выгодном положении, поскольку здесь соответствующую систему делопроизводства приходилось не переналаживать, а создавать заново, что в российских условиях было проще. Однако тут возникла другая проблема. Во-первых, весной 1909 г. во Владивостоке и Благовещенске пришлось создать областные по воинской повинности присутствия, которых раньше просто не существовало **(Приказ войскам Приамурского военного округа № 140 от 7 апреля 1909 г.)**. Во-вторых, если до этого у воинских начальников в Приамурском военном округе было значительно меньше работы, чем у их коллег на остальной территории империи, то с введением в округе в 1909 г. воинской повинности, от них уже требовался тот же уровень подготовки, что и от «назначаемых на эти должности в остальных местностях Империи». Следовательно, нужно было проверить соответствуют ли лица, занимающие указанные должности, новым служебным требованиями; если да, то соблюсти в отношении них ряд установленных законом формальностей, если нет – заменить на новых. Этим тоже пришлось начать заниматься в 1910 г. **(Приказание войскам Приамурского военного округа № 65 от 12 мая 1910 г.)**.

В 1911 г. в округе, на основании распоряжения Главного Штаба, собирались провести учебные сборы прапорщиков запаса и нижних чинов 1-го разряда по образованию, в связи с чем 24 мая 1910 г. Командующий войсками округа инженер-генерал П.Ф. Унтербергер приказал безотлагательно представить в Окружной штаб списки подлежащих призыву. Первому сбору подлежали все не отбывшие сборов (за исключением прапорщиков запаса, освобождённых пунктом 4 прил. к ст. 802 кн. VII СВП 1869 г. и Приказом по военному ведомству № 479, от 7 сентября 1907 г.[1]). Второму – прапорщики запаса (за теми же исключениями) и нижние чины, зачисленные в запас до 1904 г. включительно **(Приказание войскам Приамурского военного округа № 72 от 24 мая 1910 г.)**.

---

[1] «2. Освободить от призыва в учебные сборы в течение всего срока состояния в запасе прапорщиков запаса: а) явившихся в минувшую войну с Японией, по призыву, на действительную службу в части войск как находившиеся в действовавших армиях, так и состоявшие на мирном положении, а равно развёрнутые и мобилизованные, но не вошедшие в состав действовавших армий; б) призванных во время минувшей войны на укомплектование штабов, управлений, заведений и учреждений военного ведомства; в) произведённых в этот чин за боевые отличия, без экзамена, в минувшую войну; г) произведённых, по выдержании экзамена, во время нахождения на действительной службе в период минувшей войны и прослуживших при этом в чине прапорщика не менее четырёх месяцев до перечисления в запас. 3. Освободить от призыва в первый учебный сбор прапорщиков запаса, произведённых по экзамену во время состояния на действительной службе в течение минувшей войны и прослуживших в этом чине не менее двух, но не более четырёх месяцев, и совершенно освободить от призыва в учебный сбор тех из них, которые уже отбыли учебный сбор в нижнем звании. 4. Применить вышеприведённые правила ко всем тем вообще прапорщикам запаса, которые хотя бы поступили в войска и после окончания войны, но прослужили в них указанные сроки в два и четыре месяца» (ПВВ № 479 от 7 сентября 1907 г.).

В целом, в этом году в сборы было призвано население Приморской и Амурской областей 4-х возрастов: два – весной и два – осенью. Продолжительность сборов 6 недель **[8, прил. 1 (Отчёт ГУГШ за 1911 г.), с. 17]**. На остальной территории империи часть прапорщиков запаса, а также вольноопределяющихся, охотников и жеребьёвых 1-го разряда по образованию, привлекалась в учебные сборы на 6 недель. Нижние чины запаса пехоты, артиллерии и инженерных войск, сроков службы 1904 и 1906 гг., а также зачисленные в 1910 г. при призыве в ратники Государственного ополчения, были призваны на 4 недели[1] **[8, с. 16]**.

Введённая в Приамурском военном округе система сборов для обучения запасных зарекомендовала себя достаточно неплохо, и впоследствии они повторялись. Так, уже в 1912 г., 28 февраля, Николай II утвердил повеление «о призыве в учебные сборы в губерниях и областях Европейской и Азиатской России нижних чинов запаса пехоты, полевой пешей и крепостной артиллерии и инженерных войск». Мера эта носила общероссийский характер и ясно показала, что власти всерьёз (хотя и слишком поздно) обратили внимание на проблему подготовки запасных. На этот раз предполагалось призвать на учебные сборы в текущем году в Европейской и Азиатской частях империи «нижних чинов запаса пехоты, полевой пешей и крепостной артиллерии и инженерных войск сроков службы 1905 и 1907 гг., за исключением Казанского военного округа, где призвать запасных перечисленных категорий только срока службы 1905 г.». В большинстве военных округов учебные сборы, продолжительностью в 4 недели, собирались провести осенью, по окончании летних занятий войск. Определение времени начала учебных сборов запасных, в зависимости от расписания летних занятий войск, было оставлено на усмотрение Командующих войсками в округах. «Установление времени производства учебных сборов в Приамурском военном округе предоставляется всецело Командующему войсками округа» **[16, т. 32, № 36650]**.

Учебные сборы нижних чинов запаса инженерных войск следовало провести «при полевых сапёрных батальонах, понтонных батальонах и роте, искровых ротах и воздухоплавательных батальонах и ротах», а «распределение всех категорий запаса по частям инженерных войск должно быть сделано соответственно специальностям, насколько то окажется возможным, в зависимости от числа призываемых в округе нижних чинов запаса инженерных войск и наличия в нём соответствующих войсковых частей» **[16, т. 32, № 36650]**. И если с распределением рекрутов и запасных в инженерные части «соответственно специальности» в Приамурском военном округе были постоянные проблемы, то с инженерными войсками проблем не было, так как в округе дислоцировались и полевые, и крепостные инженерные части. Проведение сборов чётко регламентировалось специальными правилами и инструкцией **[16, т. 32, № 36650]**.

В этом же 1912 г. в округе проводили занятия и с ратниками Государственного ополчения. 30 мая 1912 г. такие занятия при 24-м Сибирском стрелковом полке (входил в состав 2-й бригады 6-й Сибирской стрелковой дивизии **[17, с. 80]**) в г. Хабаровск посетил Командующий

---

[1] а) Прапорщики запаса, проходившие действительную службу в 1902–1903, 1903–1904, 1905–1906, 1906–1907, 1907–1908, 1908–1909 и 1909–1910 гг. и зачисленные в запас в 1903, 1904, 1906, 1907, 1908, 1909 и 1910 гг. б) Вольноопределяющиеся и охотники 1-го разряда по образованию, зачисленные в запас в 1903, 1904, 1909 и 1910 гг. в) Жеребьёвые 1-го разряда по образованию, срока службы 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905 и 1906 гг. Продолжительность сборов 6 недель. г) Нижние чины запаса пехоты, полевой и крепостной артиллерии и инженерных войск, сроков службы 1904 и 1905 гг. Продолжительность сборов 4 недели. д) Ратники государственного ополчения, зачисленные в таковое при призыве к отбыванию воинской повинности в 1910 г. Продолжительность сборов 4 недели **[8, прил. 1 (Отчёт ГУГШ за 1911 г.), с. 17]**.

войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант П.А. Лечицкий. «Ратники сведены в 2 роты. – Писал он в приказе войскам округа. – Занимались ротным учением. Строевой вид очень хороший. Ходят хорошо, соблюдая вполне строевую выправку, равнение и ногу держат, построения и перестроения ротных колонн исполняют спокойно и правильно. В общем, ратники ополчения после одного месяца их строевого обучения не уступят уже некоторым ротам полков, что указывает на их особенное старание к службе и на хорошую строевую их подготовку кадром от 24 Сиб. стр. полка. От лица службы благодарю ротных командиров Штабс-Капитанов Руднева и Ярослава и учителей – нижних чинов; молодцам ратникам – спасибо» **(ГАХК. Ф. Р-768. Оп. 2. Д. 7. Л. 104–105)**. Таким образом, в 1912 г. в Приамурском военном округе учебные сборы прошло население трёх последних возрастов. Аналогичные занятия происходили в этом году и на большей части территории империи[1] **[9, прил. 2 (Отчёт ГУГШ за 1912 г.), с. 18]**.

Следующие учебные сборы в войсках округа предполагалось провести в 1914 г. Причём в этом году на сборы собирались призвать не только нижних чинов запаса, но также прапорщиков запаса, вольноопределяющихся и ратников 1-го разряда Государственного ополчения. Сначала, из телеграммы № 589 начальника Мобилизационного отдела ГУГШ в округе узнали, что 12 марта 1914 г., последовало Высочайшее повеление призвать в текущем году прапорщиков запаса и нижних чинов 1-го разряда, по образованию. В первый учебный сбор – прапорщиков запаса, проходивших действительную службу в войсках в 1913 г.; вольноопределяющихся и охотников 1-го разряда по образованию, проходивших действительную службу в 1912–1913 гг. и зачисленных в запас в 1913 г.; жеребьёвых 1-го разряда по образованию срока службы 1909 г. Во второй – прапорщиков запаса проходивших действительную службу в 1906 и 1907 гг. и зачисленных в запас в 1907 г.; вольноопределяющихся и охотников 1-го разряда по образованию, зачисленных в запас в 1907 г.; жеребьёвых 1-го разряда по образованию срока службы 1907 г. В третий – прапорщиков запаса, не явившихся в учебные сборы прошлых лет и не пользующихся правом на освобождение. (Право на освобождение определялось цитировавшимся выше ПВВ № 479 от 7 сентября 1907 г. и касалось тех, кто был призван и прослужил в армии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. или уже после её окончания). Последние, если они не отбыли первый учебный сбор, обязательно должны были отбыть сбор с теми, кто отбывает в этот раз именно первый учебный сбор; кто не отбыл второй – с теми, кто отбывает второй; кто не отбыл третий – с теми, кто отбывает третий. Продолжительность сборов определили: для прапорщиков запаса 8 недель и для нижних чинов 1-го разряда по образованию – 6 недель.

22 марта 1914 г. в приказе войскам Приамурского военного округа, последовали более конкретные указания. Примечательно, что для ведения занятий предполагалось использовать нормативно-правовую базу ещё 1890 г.: «Правила для учебных сборов прапорщиков запаса произ-

---

[1] В 1912 г. были призваны: «а) часть прапорщиков запаса, а также вольноопределяющихся, охотников и жеребьёвых 1-го разряда по образованию, согласно существующего порядка привлечения их в учебные сборы; продолжительность сборов 5 недель; б) нижние чины запаса пехоты, артиллерии и инженерных войск, сроков службы 1905 и 1907 годов; продолжительность сборов 4 недели, за исключением нижних чинов запаса пехоты в Петербургском и Виленском военных округах, где продолжительность учебных сборов была в 6 недель, при чём в означенных округах запасные нижние чины пехоты впервые были привлечены к участию в подвижных сборах и манёврах войск; в) ратники по всей Империи, исключая Омского военного округа и Привислянского края, зачисленные в ополчение в 1909 и 1911 гг.; продолжительность сборов 4 недели…» **[9, прил. 2 (Отчёт ГУГШ за 1912 г.), с. 18]**.

ведённых в этот чин согласно приказа по воен. вед. 1886 г. № 55. Организация этих сборов в 1890 г.» **(ПВВ № 66 от 10 марта 1890 г.; ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 183 от 22 марта 1914 г. Ед. хр. 1531.)**. Перед окончанием сбора начальники дивизий, командиры артиллерийских бригад, начальник инженерного сбора и начальник военных сообщений, «по принадлежности» должны были произвести испытание прапорщиков запаса. Испытания вольноопределяющихся 1-го разряда проводились комиссиями под председательством командиров частей. Отчёты о проведении сборов и итоговых испытаниях следовало представить в штаб округа не позже 1 октября. К приказу были приложены «Распределение № 1 прапорщиков запаса, подлежащих явке в учебный сбор в 1914 г., по частям войск с указанием продолжительности сборов» и «Распределение № 2 вольноопределяющихся 1-го разряда по образованию, подлежащих явке в учебный сбор 1914 г. по частям войск.

Общее количество людей было не велико – всего 36 прапорщиков[1] и 34 вольноопределяющихся[2] на весь округ, но показателен уже сам факт их призыва **(ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 183 от 22 марта 1914 г. Ед. хр. 1531)**. Правда, 28 апреля в этот список пришлось дополнить ещё восемью вольноопределяющимися 1-го разряда, состоящими на учёте в районе коменданта г. Харбин, о которых вначале просто забыли. Количество призываемых на сборы вольноопределяющихся возросло до 42, но заметно порядок цифр это не меняло **(ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 284 от 28 апреля 1914 г. Ед. хр. 1531)**.

8 апреля Николай II утвердил следующее положение, касавшееся организации учебных сборов, телеграмма с содержанием которого от начальника Мобилизационного отдела ГУГШ была получена в Хабаровске 13 апреля. На её основании 15 апреля 1914 г. Временно Командующий войсками округа генерал от инфантерии Л.Л. Сидорин отдал приказ, в котором просто процитировал содержание Высочайшего повеления: «1. Призвать в текущем году в учебные сборы нижних чинов запаса: пехоты, пулемётчиков, телефонистов, гвардейской и полевой лёгкой, мортирной, горной, тяжёлой, крепостной и береговой артиллерии; инженерных войск: гвардейских и армейских сапёров, понтонёров, телеграфистов, минёр, воздухоплавателей, авиаторов, электромашинистов и искровых телеграфистов; санитаров, хлебопёков и всех прочих нестроевых 41-й категории – сроков службы 1907 и 1909 годов. 2) Продолжительность учебных сборов опередить в *шесть недель*».

Точное время проведения сборов в Приамурском военном округе определял Командующий восками округа. Поэтому эти сведения, вместе со списком частей, при которых должны были пройти сборы, были разосланы им Окружным штабом. Обучение следовало вести на точном основании правил и инструкций 1909 и 1912 гг. Вся ответственность за обучение была возложена на командиров частей, при которых собирали запасных, а общее наблюдение за правильностью и успешностью занятий – на начальников дивизий и лиц, равных им по власти, в инженерных же войсках – на Инспектора инженерных войск округа. В последние дни занятий было необходимо произвести поверку достигнутых результатов обучения, после чего «объяснительные записки и отчёты об учебных сборах нижних чинов запаса» представить Командующему во-

---

[1] Пехоты – 24, кавалерии – 2, артиллерии – 8, инженерных войск – 1 и железнодорожных войск – 1.

[2] Пехоты – 13, артиллерии – 17 и инженерных войск – 4.

йсками округа к 1 октября. **(ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 247 от 15 апреля 1914 г. Ед. хр. 1530.)**

Сборы должны были пройти при частях в нескольких крупных гарнизонах Приамурского военного округа. В г. Никольск-Уссурийский запасных должны были обучать при 2-м Сибирском стрелковом генерал-адъютанта графа Муравьёва-Амурского полке, 4-м Сибирском стрелковом полке и 1-й Сибирской искровой роте. Поверку занятий должен был осуществлять начальник 1-й Сибирской стрелковой дивизии, в состав которой эти полки входили. На Барановском полигоне занятия должны были проводиться при 1-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде, командир которой и должен был осуществлять их поверку, а также при 5-м Сибирском стрелковом полке, где за успешностью обучения предписывалось следить инспектору артиллерии 5-го Сибирского армейского корпуса. Во Владивостокской крепости контроль за занятиями осуществляли: при 1-м Владивостокском крепостном артиллерийском полку – комендант крепости, при 4-м Сибирском мортирном артиллерийском дивизионе – инспектор артиллерии 4-го Сибирского армейского корпуса (корпус целиком располагался на территории Владивостокской крепости **[18, с. 279, 361]**), при 35-м и 36-м Сибирских стрелковых полках и 9-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде – начальник 9-й Сибирской стрелковой дивизии (поскольку эти части и бригада дислоцировались на Русском острове **[18, с. 83, 202]**), при Владивостокских крепостных минном и сапёрном батальонах и Владивостокской местной станции искрового телеграфа – начальник Владивостокской крепостной сапёрной бригады. В Хабаровске, контроль за занятиями осуществляли: при 22-м Сибирском стрелковом полке и 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде – начальник 6-й Сибирской стрелковой дивизии (полк входил в состав дивизии, а бригада находилась в её оперативном подчинении **[18, с. 80, 196]**). В Благовещенске контроль за занятиями осуществляли при 37-м и 38-м Сибирских стрелковых полках и 10-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде – начальник 10-й Сибирской стрелковой дивизии (полк входил в состав дивизии, а бригада находилась в её оперативном подчинении **[18, с. 84, 203]**). В крепости Николаевск контроль за занятиями осуществляли: при 40-м Сибирском стрелковом полке, вылазочном взводе Николаевской крепостной артиллерии, Николаевской крепостной телеграфной роте и Амурской минной роте – комендант Николаевской крепости. При Штабе графа Муравьёва-Амурского контроль за занятиями осуществляли: при 7-м Сибирском сапёрном батальоне и 1-м Сибирском понтонном батальоне – начальник специально-инженерного сбора, при 3-м (горном) дивизионе 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады – командир 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, при 4-м батальоне 23-го Сибирского стрелкового полка – командир 23-го Сибирского стрелкового полка. В с. Спасское обучение запасных предполагалось при Сибирской воздухоплавательной роте, а поверку занятий должен был произвести начальник Спасского гарнизона **(ГАХК. НСБ. Сведение о поверке занятий с запасными, отбывающими учебные сборы при частях войск Приамурского военного округа в 1914 г. Прил. к Приказу войскам Приамурского военного округа № 247 от 15 апреля 1914 г. Ед. хр. 1530)**.

Более того, в начале июля 1914 г. в штабе округа получили очередную телеграмму из ГУГШ, сообщавшую, что «в этом же году надлежит призвать в 4-х недельный сбор ратников ополчения 1-го разряда, состоящих на особом учёте комендантов станций Китайской Восточной железной дороги и на учёте коменданта города Харбина, записанных в ополчение в 1911 и 1913 годах». На этом основании Командующий во-

йсками округа П.А. Лечицкий распорядился провести учебный сбор с 1 по 28 августа при 2-м Сибирском стрелковом полке (г. Никольск-Уссурийский). Обучение вести на основании временных правил, обнародованных 19 мая 1914 г. Общее наблюдение за правильностью и успешностью занятий возлагалось на командира 1-й бригады 1-й Сибирской стрелковой дивизии (в её состав входил полк), который в последние дни занятий должен был провести поверку достигнутых результатов обучения. Санитарный надзор в пункте сбора ратников возложили на одного из врачей 2 Сибирского полка (назначался распоряжением командира полка). «Цифровой отчёт об учебном сборе ратников с объяснительной запиской» надлежало представить П.А. Лечицкому к 1 октября **(ГАХК. НСБ. Приказ войскам Приамурского военного округа № 446 от 10 июля 1914 г. Ед. хр. 1531)**.

К сожалению, точных данных о том, успели ли провести хотя бы какие-то из сборов 1914 г. до начала Первой мировой войны, и если да, то с каким результатом, на данный момент обнаружить не удалось. В любом случае, на общую готовность страны к войне это уже не влияло. Близкие системы существовали в армиях Германии **[4, с. 9–10]** и Австро-Венгрии **[3, с. 1, 3–4]**. Разница же в подготовке обученного запаса армии между Российской, Австро-Венгерской и Германской империями была не сколько в нормативно-правовой базе, очень похожей по своей сути, столько в её реализации на практике. И здесь на первое место как раз выходили географические и социально-экономические факторы. В Германии, с населением этнически более однородным и лучше образованным, высоким уровнем развития транспортной инфраструктуры и сравнительно небольшой территорией, эта система почти не допускала «изъятий» и работала как часы. В Австро-Венгерской и Российской империях, с их большими территориями и значительно более слабым развитием транспортной инфраструктуры, полиэтничным населением разного культурного и образовательного уровня, система хотя и была устроена примерно так же, но имела множество исключений, «изъятий» и поправок на местные условия. Поэтому и функционировала она на разных территориях империй по-разному (на некоторых – не функционировала вообще), что давало в совокупности более слабые результаты как по количеству, так и по качеству обученного запаса армии. Последнее ярко проявилось уже на полях Первой мировой войны, положившей конец существованию этих трёх империй.

◆

Литература

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в начале XX века. М.: Наука, 1986. 238 с.

2. Военная энциклопедия. Т. 10. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. 642 с.

3. Вооружённые силы Австро-Венгрии. Ч. 1. Организация, мобилизация и состав вооружённых сил. (По данным на 1 января 1912 г.). СПб.: Военная типография, 1912. 343 с.

4. Вооружённые силы Германии. По данным на 1 мая 1907 г. Издание ГУГШ (По части 2-го обер-квартирмейстера). СПб.: Военная типография, 1907. 178 с.

5. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1908 г. СПб.: Военная типография, 1910. 143 с., прил.
6. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1909 г. СПб.: Военная типография, 1911. 108 с., прил.
7. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1910 г. СПб.: Военная типография, 1912. 89 с., прил.
8. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1911 г. СПб.: Военная типография, 1913. 67 с., прил.
9. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1912 г. СПб.: Военная типография, 1916. 63 с., прил.
10. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 440 с.
11. Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. М.: Воениздат, 1926. 425 с.
12. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. (1881–1915 гг.). М.: Голос, 1994. 352 с.
13. Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб.: Галлея Принт, 2001. 160 с.
14. Петренко В.М. Становление и развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX–начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. 216 с.
15. Полное Собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собрание второе (II): в 55 т. СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ Канцелярии, 1850–1881. Т. 49.
16. ПСЗ РИ III: в 33 т. СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ Канцелярии, 1881–1913. Т. 29, 32.
17. Росписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1 января 1912 г. СПб.: Военная типография, 1912. 578 с.
18. Росписание сухопутных войск. Исправленное по 1 сентября 1914 г. СПб.: Военная типография, 1914. 578 с.
19. Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Beskrovnyj L.G. Russkaya armiya i flot v nachale XX veka. M.: Nauka, 1986. 238 s.
2. Voennaya ehntsiklopediya. T. 10. SPb.: T-vo I.D. Sytina, 1912. 642 s.
3. Vooruzhyonnye sily Avstro-Vengrii. CH. 1. Organizatsiya, mobilizatsiya i sostav vooruzhyonnykh sil. (Po dannym na 1 yanvarya 1912 g.). SPb.: Voennaya tipografiya, 1912. 343 s.
4. Vooruzhyonnye sily Germanii. Po dannym na 1 maya 1907 g. Izdanie GUGSH (Po chasti 2-go ober-kvartirmejstera). SPb.: Voennaya tipografiya, 1907. 178 s.
5. Vsepoddannejshij otchyot Voennogo ministerstva za 1908 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1910. 143 s., pril.
6. Vsepoddannejshij otchyot Voennogo ministerstva za 1909 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1911. 108 s., pril.
7. Vsepoddannejshij otchyot Voennogo ministerstva za 1910 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1912. 89 s., pril.
8. Vsepoddannejshij otchyot Voennogo ministerstva za 1911 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1913. 67 s., pril.
9. Vsepoddannejshij otchyot Voennogo ministerstva za 1912 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1916. 63 s., pril.
10. Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v Mirovoj vojne. M.: Kuchkovo pole, 2001. 440 s.

11. Zajonchkovskij A.M. Podgotovka Rossii k imperialisticheskoj vojne. M.: Voenizdat, 1926. 425 s.
12. Kersnovskij A.A. Istoriya russkoj armii. T. 3. (1881–1915 gg.). M.: Golos, 1994. 352 s.
13. Markov O.D. Russkaya armiya 1914–1917 gg. SPb.: Galleya Print, 2001. 160 s.
14. Petrenko V.M. Stanovlenie i razvitie sistemy territorial'nykh organov voennogo upravleniya na Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX–nachale XX vv.: dis. … kand. ist. nauk. KHabarovsk, 2009. 216 s.
15. Polnoe Sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (PSZ RI). Sobranie vtoroe (II): v 55 t. SPb.: Tip. II otdeleniya sobstvennoj EIV Kantselyarii, 1850–1881. T. 49.
16. PSZ RI III: v 33 t. SPb.: Tip. II otdeleniya sobstvennoj EIV Kantselyarii, 1881–1913. T. 29, 32.
17. Rospisanie sukhoputnykh vojsk. Ispravlennoe po svedeniyam k 1 yanvarya 1912 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1912. 578 s.
18. Rospisanie sukhoputnykh vojsk. Ispravlennoe po 1 sentyabrya 1914 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1914. 578 s.
19. SHatsillo K.F. Ot Portsmutskogo mira k Pervoj mirovoj vojne. Generaly i politika. M.: ROSSPEHN, 2000. 399 s.

УДК 94(470)”19/20

Стасюкевич С.М.
Stasyukevich S.M.

Земельная политика советской власти и землеустройство на Дальнем Востоке в 1920-х гг.

Land policy of Soviet power and planning in the Far East in the 1920-s

На основе анализа земельной политики и практики землеустройства в исследовании предпринята попытка осмыслить проблемы землепользования и землевладения на Дальнем Востоке в контексте новейших концепций аграрного вопроса. Автор приходит к выводу, что советская власть в 1920-х гг. через направляемое землеустройство стремилась к концентрации земельных ресурсов в руках государства. Меры, направленные на рационализацию землепользования крестьянских хозяйств, не были реализованы.

Ключевые слова*: новая экономическая политика, Дальний Восток, землеустройство, земельная политика, аграрный вопрос*

◆

Based on analysis of land policy and planning practices the study attempts to understand the problem of land tenure and land use in the Far East in the context of the latest concepts of the agrarian question. The author concludes that the Soviet power in the 1920-th through the guide planning sought to concentrate land in the hands of the state. Measures aimed at rationalization of farms land were not implemented.

Key words*: New Economic Policy, the Far East, planning, land policy, agrarian question*

История земельных отношений на Дальнем Востоке в период новой экономической политики и до настоящего времени изучается в рамках советской историографической традиции **[5; 12]**. Исследования, затрагивающие эту проблему в постсоветский период, относительно малочисленны и в целом остаются в рамках прежней концепции. Земельная политика, землеустроительные мероприятия рассматриваются в качестве важнейшего рычага подъёма сельского хозяйства, положительно оцениваются процесс ограничения землепользования зажиточных старожилов и усилия власти, направленные на развитие коллективных форм эксплуатации земельных ресурсов **[6; 7]**. Фиксируя неоднозначность результатов реализации советской земельной политики на Дальнем Востоке (недостаточную экономическую эффективность, сохранявшуюся пестроту земельных отношений и неудобства землепользования), авторы новейших исследований объясняют их внешними причинами (отсутствием сопровождающих землеустройство агротехнических и мелиоративных мероприятий, прочностью общинных традиций), но не земельной политикой как таковой **[7, с. 54]**.

СТАСЮКЕВИЧ Светлана Михайловна, к.и.н., профессор кафедры Истории и философии Дальневосточного государственного аграрного университета *(г. Благовещенск)*.
E-mail: svetasms@inbox.ru

По нашему мнению, переосмысление истории земельных отношений возможно в рамках новой концепции аграрного вопроса, предложенной А.Н. Медушевским, согласно которой в его основе лежит осознание обществом легитимности существующих прав на владение землёй. При этом под легитимностью понимается не только и не столько соответствие прав на землю действующему закону, сколько принятие существующих институтов массовым общественным сознанием **[8, с. 13]**.

«Чёрный передел», развернувшийся в ходе российской аграрной революции 1917–1918 гг., не привёл к окончательному решению аграрного вопроса, поскольку далёким от завершения оставался процесс легитимации земельных отношений. В реальности 1920-х гг. имел место конфликт двух вариантов дальнейшего развития аграрного вопроса, отражающий ситуацию неопределённости в вопросе о том, кто будет, в конечном счёте, собственником земельной ренты – крестьяне или государственная бюрократия. Первый вариант – социализация, которая, пройдя через этап уравнительного передела, в условиях развития товарно-денежных отношений объективно вела к коммерциализации аграрного сектора и становлению рациональной рыночной экономики. Второй – национализация, когда аграрные преобразования направлялись на установление государственной собственности на землю и воспроизводство в новых условиях служилого государства, несовместимого с рациональной экономикой **[8, с. 383–384]**. В контексте указанного подхода большой интерес представляет вопрос о региональных особенностях реализации земельной политики советской власти на дальневосточной окраине, о способах борьбы дальневосточного крестьянства за свои права на землю.

Земельные отношения в дальневосточной деревне, формировавшиеся в процессе поздней колонизации региона, обладали рядом отличительных черт. Во-первых, это исторически сложившаяся своеобразная структура землепользования и землевладения, характеризовавшаяся наличием неравнозначных по масштабам и качеству земель, находящихся во владении (пользовании) групп населения: старожилы с наделом в 100 дес. на семью, казаки с душевым наделом в 40 дес., новосёлы, обеспечивавшиеся 10–15 дес. на мужскую душу **(ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 17)**. Во-вторых, это особенности дальневосточной общины, отнюдь не являвшейся аналогом передельной общины европейской части страны. Изначально в хозяйственном освоении Дальнего Востока царским правительством делалась ставка на более свободный переход крестьянства к частному землевладению. В ходе реализации столыпинской аграрной реформы деревня зерновых дальневосточных районов активно включилась в процессы внутринадельного размежевания и оформления личной собственности на землю **[9; 11]**. В первой половине 1920-х гг. советские органы земельного управления отмечали, что дальневосточная деревня в большинстве своём не знала регулярных переделов на протяжении десятилетий **(ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1334. Л. 102; ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 36. Л. 1)**. В-третьих, это особенности землеустройства, носившего «примерный» характер, и состояние земельного учёта. До революции отводы сельским обществам производились не по наличному числу хозяйств, а с учётом будущего доприселения, без съёмки внутренних угодий. Планы этих отводов составлялись как временные проекты. Документы на большинство таких отводов оказались утраченными во время интервенции и Гражданской войны **[1, с. 72]**. Позже на территории ДВР (1920–1922 гг.) единой системы распоряжения и учёта земельными ресурсами так и не сложилось. В итоге, советские органы управления, приступая к преобразованиям, не располагали точными

сведениями о распределении земельных ресурсов **(ГААО. Ф. п-9. Оп. 1. Д. 270. Л. 31-31 об.; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 271. Л. 32)**.

На земельные отношения большое влияние оказала внутриобластная миграция, начавшаяся во время революции и Гражданской войны и продолжавшаяся в течение всех 1920-х гг. Так, в казачьих земельных отводах Амурской губернии к 1923 г. переселенцы из других районов Дальнего Востока и Прибайкалья основали по официальным данным 20 новых посёлков, однако, по мнению губземурпавления, в реальности их было гораздо больше. Заставляли крестьян сниматься с мест и искать новое место жительства утрата прежних заработков в таёжных районах из-за падения сбыта леса, частые наводнения в низовьях Амура и других прибрежных районах, неудовлетворённость земельной обеспеченностью в прежних местах проживания. Все переселенцы претендовали на обеспечение земельными наделами **(ГААО. Ф. п-9. Оп. 2 д. 49. Л. 9-10)**.

Аграрная революция не затронула Дальний Восток: тотального уравнительного перераспределения надельных крестьянских земель в 1918–1922 гг. регион не знал. Не предполагала коренной ломки сложившейся в регионе системы землепользования и аграрная политика ДВР, нацеленная на создание условий для расширения производства хлеба и предотвращение социальных конфликтов в деревне, по оценке местных коммунистов, неизбежных в случае эскалации аграрной революции **[12, с. 336–340; 2, с. 460]**.

В период ДВР значительная часть крестьян-старожилов, прежде всего зажиточных, постаралась расширить своё землевладение и закрепить за собой личные права на землю. В Амурской области и Забайкалье широкое распространение получили самовольные захваты крестьянами бывших частновладельческих, казённых, свободных переселенческих участков и прочих земель запасного фонда, пустующих надельных земель. Деревня попыталась с помощью частных землемеров форсировать разверстание общинных наделов на единоличные участки. Все это вынуждало областные земельные отделы принимать специальные постановления, направленные против самочинных захватов надельных земель и их закрепления в личное владение **(РГИА ДВ. Ф. р-1731. Оп. 1. Д. 1086. Л. 25; ГААО. Ф. п-9. Оп. 2 д. 49. Л. 9)**.

Во время восстановления советской власти земельное неравенство, запутанность землепользования и неопределённость прав пользования, усилившееся за время революции стремление населения разрешить земельные вопросы своими средствами привели к обострению земельного вопроса. Иногда конфликты доходили до драк, как это было, например, в Благовещенском уезде в 1923 г. По оценке Амурского губеземуправления весной 1923 г. в старожильческом районе Амурской губернии клубок земельных противоречий между старожилами, казаками, переселенцами и бывшими частновладельцами был настолько запутан, что дальнейшая оттяжка в разрешении земельного вопроса была недопустима. Дальневосточное областное земельное управление отмечало, что у крестьянина была «…только одна забота – как можно скорее и больше получить земли». Лейтмотивом крестьянских конференций, повсеместно проводившихся советской властью в октябре-ноябре 1923 г., стал вопрос о земле. На конференциях предъявлялись многочисленные претензии к организации землеустройства, говорилось о необходимости скорейшей нарезки земли и леса, об ускорении землеустроительных работ, уничтожении неудобств землепользования: чересполосности, вклиниваний, дальноземелья. Часть обществ поддерживала идею перераспределения надельной земли на уравнительно-трудовых началах. Особенно остро стоял вопрос об использовании земли государственного фонда, которая представлялась крестьянам бесхозной **(ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52.**

Л. 17; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 271. Л. 32; Ф. 478. Оп. 3. Д. 2277. Л. 1-5; ГААО. Ф. п-9. Оп. 2 д. 49. Л. 9).

В Приморье, куда с каждым годом увеличивалась миграция корейских крестьян, земельный вопрос быстро приобрёл национальную окраску. Восстановление советской власти на Дальнем Востоке, провозглашавшей принципы пролетарского интернационализма, давало корейским крестьянам надежду на равноправное обеспечение трудовыми земельными наделами. Корейцы-старожилы считали себя обиженными в вопросах землеустройства ещё с царских времён вследствие наделения их половинной нормой земли (15 дес. на двор) и требовали закрепить за ними фактически обрабатываемые земли, что на деле означало необходимость забрать эти участки у прежних владельцев – русских крестьян **[10, с. 156-157]**. Наиболее остро межнациональные проблемы стояли в Посьетском районе Приморья, где корейцы, указывая, что они составляют 85% населения, даже поднимали вопрос об образовании особого государства, а переход в советское подданство тесно связывали с наделением землёй. Русские же крестьяне протестовали против свободной раздачи земель корейским крестьянам, настаивали на том, что «земля наша, мы её разрабатывали» и требовали «без согласия общества никого землёй не наделять» **(РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2277. Л. 5)**.

Крестьянские конференции 1923 г. выявили желание участников навести порядок в землепользовании, что способствовало позитивному отношению дальневосточников к Земельному Кодексу РСФСР как средству «разобрать весьма запутавшиеся земельные отношения» **(РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2277. Л. 5)**.

На территории Дальнего Востока Земельный Кодекс РСФСР (1 декабря 1922 г.) был введён в действие постановлением Дальревкома от 23 января 1923 г. Кодекс признавал землю общенародной собственностью, делегировал крестьянам право её использования и закреплял за ними земли, перешедшие в их фактическое трудовое пользование на основании постановлений земельных органов или местных советов. Таким образом законодательно утверждались результаты аграрных преобразований советской власти в 1917–1918 гг. Одновременно Кодекс прекращал обязательное межселенное и межволостное поравнение землепользования и предоставлял крестьянам право выбора форм землепользования: общинная, с уравнительными переделами земли между дворами; участковая, с неизменным размером права двора на землю в виде чересполосных, отрубных или хуторских участков; товарищеская, с совместным пользованием землёй членами общества, составляющими сельскохозяйственную коммуну, артель или товарищество по общественной обработке земли **[7, с. 29–30; 8, с. 381–382]**.

Однако на Дальнем Востоке советской власти оказалось невыгодно форсировать применение всех норм Земельного Кодекса на практике, поскольку это привело бы только к закреплению сложившегося сословного, этнического и географического неравенства в землепользовании. Проблема реализации советских норм земельного права в регионе бурно обсуждалась дальневосточными специалистами и управленцами. Результатом обсуждения данного вопроса на совещании по работе в деревне при Амурском губкоме РКП(б) 26 мая 1923 г. стала рекомендация о необходимости предпринять «некоторые отступления от форм Земельного Кодекса при сохранении его основной сущности – закреплении спокойного землепользования за хлеборобом» **(ГААО. Ф. п-9. Оп. 2 Д. 49. Л. 9-14)**. В августе 1923 г. уполномоченный Наркомзема по Дальнему Востоку П. Мамонов в своём докладе на коллегии Наркомата Земледелия также наставал на особом подходе к разрешению земельных проблем в регионе **(РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 271. Л. 32)**. В целях разработ-

ки поправок в Земельный Кодекс применительно к местным условиям в июле 1923 г. при Дальземуправлении было созвано Землеустроительное совещание. 13 мая 1924 г. Дальревком утвердил «Временное положение о применении Земельного Кодекса в губерниях Дальневосточной области», положившее начало внедрению уравнительного землепользования в регионе. Согласно документу за земельными обществами закреплялись наделы, которые когда-либо были им предоставлены, но наделы, не использовавшиеся полностью, закреплялись только тогда, когда их размеры «… не превышали количества земли, необходимого для полного хозяйственного развития землепользования, определяемого возможностями трудового освоения земли» **[7, с. 32]**.

Основной целью земельной политики советской власти на Дальнем Востоке являлась ликвидация сословности землепользования, внедрение советских норм земельного права и обеспечение перехода к фактическому трудовому пользованию. Средством осуществления земельной политики становилось землеустройство **(ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 16–26; ГААО. Ф. р-481. Оп. 2. Д. 11. Л. 193; Ф. п-9. Оп. 2. Д. 270. Л. 42-43; Ф. р-31. Оп. 1. Д. 95. Л. 34)**.

В первую очередь, было проведено землеустройство бывших частных земельных владельцев. В Амурской губернии, например, согласно данным губземуправления, насчитывалось 448 частновладельческих участков общей площадью 48 тыс. дес. На половине участков существовало хозяйство трудового типа. Многие частные землевладельцы одновременно состояли членами сельских обществ. В течение 1922–1923 г. основная масса бывших частных владельцев была наделена землёй по трудовой норме **(ГААО. Ф. п-9. Оп. 2 д. 49 Л. 11–12)**.

По инициативе губернских земельных управлений и в обязательно-принудительном порядке, без согласия самих землепользователей, началось землеустройство бывших казачьих селений в целях изъятия значительных земельных излишков, закреплённых за этим сословием дореволюционными отводами **[7, с. 32]**.

Внедрение трудовых начал в землепользовании столкнулось с отсутствием единой методики определения трудовой нормы. Дальземуправление, учитывая многообразие природно-климатических и экономических условий дальневосточных территорий, предоставило губернским земельным управлениям решать эту задачу самостоятельно **[7, с. 33]**. Земельные работники подчёркивали, что только на основании громадной работы по повсеместному подворному учёту фактического землепользования можно выявить реальные размеры свободных земель и определить конкретные нормы наделения землёй **(ГААО. Ф. п-9. Оп. 1. Д. 270. Л. 30–31)**. Однако ни кадровыми, ни финансовым, ни временными ресурсами для реализации столь масштабных задач дальневосточные земельные управления не обладали. В результате нормы, устанавливаемые губернскими земельными управлениями с учётом местной специфики, расценивались властными органам как завышенные, в дальнейшем они постоянно пересматривались в сторону уменьшения. Так, в первой половине 1920-х гг. Амурское губземуправление отводило земельным обществам наделы по норме 6,5–7,0 дес. на едока и выше. В 1926 г. Амурской переселенческой партией была установлена норма в 5 дес. на едока. В марте 1927 г. такую же норму утвердило в качестве единой для всего края Дальневосточное краевое земельное управление. Эта же норма действовала и в 1928 г. **(ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 36. Л. 7 об.-8, 77 об.; Ф. п-5. Оп. 1. Д. 223. Л. 140)**.

Несмотря на то, что к началу 1920-х гг. в дальневосточной деревне существовали определённые и достаточно многочисленные группы крестьян, заинтересованные в перераспределении земли (малоземельные

или безземельные новосёлы и переселенцы, корейцы в Приморье), являвшиеся естественной опорой советской власти в проведении аграрных преобразований, влиять на решение земельного вопроса в своих селениях самостоятельно они не могли.

Понадобились специальные усилия местной власти для инициирования процесса уравнительного перераспределения земли. 17 июля 1924 г. Забайкальский губисполком принял обязательное постановление «О производстве переделов пахотных и сенокосных угодий в обществах с общинным порядком землепользования», согласно которому все земельные общества без исключения обязывались произвести, «начиная с настоящего года, первоначальный передел пахотных и сенокосных угодий на срок не менее 10 лет». Официальными причинами принятия данного постановления послужили стремление ликвидировать внутриселенное неравенство в обеспечении землёй и наделить пахотными угодьями нуждающихся, что должно было содействовать поднятию продуктивности сельского хозяйства. Отдельно оговаривался случай для земель, на которых были произведены улучшения, в том числе и пашен, расчищенных из-под леса. Такие земли включались при переделах в общее количество разверстываемых земель, но закреплялись за прежними владельцами, за исключением случаев выявления излишков пахотных угодий. Улучшенные пашни, превышавшие установленные нормы, перераспределялись на общих основаниях, но новые пользователи должны были компенсировать затраты, которые понёс прежний хозяин на улучшение полей **(ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1334. Л. 250–251)**.

Действительные цели постановления раскрывались в секретном циркуляре губисполкома и губземуправления, направленном в адрес председателей уездных и волостных исполкомов Забайкальской губернии. Согласно циркуляру, переделы пахотных и сенокосных угодий следовало провести таким образом, чтобы «сделать шаг, хотя бы незначительный, вперёд к коллективизации». Уездные и волостные советы должны были «путём пропаганды, практической постановкой влияния на переделы, добиваться выделения бедняцких и середняцких групп крестьянства на земли лучшие, близкие к сёлам, не разбивая на несколько полей, а стремясь выделить по группам середняцко-бедняцкие хозяйства в одно поле». Следующим пунктом предписывалось «решительно бороться за недопущение выхода зажиточных крестьян на хутора, так как эта форма особенно укрепляет единоличное хозяйство». Переход на хутора допускался только в случае отвода таким крестьянам «худших отдалённых участков» **(ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1334. Л. 246–249)**.

Однако местная деревня всячески саботировала реализацию данного постановления. В 1925 г. переделы начались в 211 из 748 сел Забайкальской губернии, но завершились в том же году только в 92. Большая часть как землеустроительных работ проводились за счёт уездных бюджетов: из 178 селений, где землеустройство планировалось завершить летом 1925 г. только 36 изъявили согласие оплатить работы по самому минимальному расчёту. В 1926 г. Читинский окружком партии, окружной отдел ОГПУ продолжали фиксировать повсеместное и массовое сопротивление крестьянства навязываемому перераспределению земли: собрания по земельному вопросу проходили бурно и, как правило, заканчивались срывом, села либо отказывались от голосования вовсе, либо голосовали против резолюции о начале переделов **(ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1334. Л. 312 об. – 313)**.

Партийные органы 1920-х гг., а вслед за ними и советская историография, считали, что противодействие земельной политике советской власти и землеустроительным работам оказывала кулацкая, зажиточная верхушка. На самом деле нередко по земельному вопросу солидарно

с зажиточными выступали не только середняки, но и бедняки **(ГАЗК. Ф. п-75. Оп. 1. Д.121. Л. 119)**. Особенно консолидировано сельские общества сопротивлялись выделению земли новосёлам. Например, в с. Цасучей Оловянинского района 30 безземельных семей, поселившихся здесь ещё на рубеже XIX–XX вв., спустя четверть века так и не смогли получить земельные наделы. Цасучеевское общество отказывалось выделить им землю, ссылаясь на её малое количество. В 1925 г. заявление безземельных крестьян о предоставлении наделов было удовлетворено земельными органами, но общество в 1925–1926 гг. неоднократно обжаловало это решение, и дело каждый раз отправлялось на пересмотр **(ГАЗК. Ф. п-75. Оп. 1. Д.121. Л. 120)**. В производящих районах Амурского округа 1925–1926 г. крестьяне, ожидая притока новой волны переселенцев, в массовом порядке начали захват новых лучших земель, не бросая в то же время и старых запашек. Таким образом они хотели обеспечить свои земельные интересы, заставляя переселенцев идти на худшие, менее удобные и трудно разрабатываемые участки **(ГААО. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 6. Л. 54, 57-58)**. В 1927 г. отказались принять переселенцев на свои земли жители сел Скобельцево Амурского округа и Шмаковки Владивостокского округа. Обычным явлением стали запугивания переселенцев, поджоги их жилищ и порчи скота зажиточными старожилами. Имели место даже случаи убийств переселенцев в ходе земельных конфликтов **[7, с. 48]**. Распространённой формой сопротивления земельной политике советской власти была неявка на собрания, в силу чего они оказывались неправомочными **(ГАЗК. Ф. п-75. Оп. 1. Д. 121. Л. 35–36, 118–120)**.

В первой половине 1920-х гг. на Дальнем Востоке государство направляло основные усилия земорганов на формирование фонда государственных земельных имуществ и переселенческого фонда. В этих целях были развёрнуты масштабные работы по межселенному землеустройству, в ходе которых у старожильческого и казачьего населения была отрезана значительная часть угодий.

Как видно из *таблицы 1*, в 1923–1927 гг. на межселенное землеустройство приходилось более 70% всего объёма землеустроительных работ. Только в бывших казачьих землях Амурской губернии из отме-

Таблица 1. Объёмы землеустройства на Дальнем Востоке (1923–1927 гг.), в дес.

Округа	Виды землеустройства			
	Межселенное	Внутриселенное	Разные отводы	Всего
Владивостокский	1 151 974,00	185 229,00	417 441,00	1 754 644,00
Хабаровский	510 360,00	3 813,00	212 394,00	726 567,00
Амурский	618 615,00	182 423,00	279 869,00	1 080 907,00
Зейский	16 500,00	-	1 100,00	17 600,00
Сретенский	1 335 447,00	49 609,00	8 451,00	1 393 507,00
Читинский	653 268,00	273 941,00	170 337,00	1 097 546,00
Итого по ДВК	4 286 164,00	695 015,00	1 089 592,00	6 070 771,00

Источник: (ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 19-об.)

жеванных в качестве излишков сверх трудовой нормы землепользования участков был создан переселенческий фонд площадью 700 тыс. дес. Всего по трём дальневосточным губерниям в колонизационный фонд изъяли 1,6 млн. десятин **[7, с. 42; 12, с. 431]**. В Приморье значительная часть отрезанных у русских крестьян земель была передана в наделы корейцам. К середине 1920-х гг. из многоземельных приморских старожильческих обществ было изъято около 170 тыс. дес. излишков, в то же время корейским хозяйствам было отведено в надельное пользование 118 080 дес. земли, в том числе удобной 85 480 дес. На 1 октября 1926 г. во Владивостокском округе 8007 корейских дворов (42,5% всего их количества) имели трудовой земельный надел. Сохранение значительного количества безземельных дворов (10892 или 57,5%), во многом объяснялось растущим потоком иммигрантов, высоким естественным приростом корейского населения и тем, что большинство корейцев не являлись советскими гражданами, а значит, не имели законных прав на обеспечение трудовыми наделами **[7, с. 40; 10, с. 134–135, 166]**.

Советская власть постоянно подчёркивала агрикультурный и экономический потенциал межселенного землеустройства, в ходе которого в 1,5-2 раза сокращались расстояния от селений до дальних пашен, в сельскохозяйственный оборот вовлекались близлежащие к деревням земли, прежде находившиеся под выгонами или залежами **(ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 36. Л. 1об-2)**.

Однако дальневосточные специалисты-землеустроители отмечали, что преобладание межселенного землеустройства крайне затрудняло оценку экономической эффективности проведённых работ **(ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 25)**. Нередко его результатом становилось только обострение земельных противоречий. Примером может служить ситуация, сложившаяся в Михайловском районе Амурского округа. Землеустройство начало здесь в 1923 г. Амурское губземуправление «в целях изъятия излишков от старожильческого населения». Первоначальная норма наделения землёй была определена в 7 дес. удобной земли на едока, излишки сверх этой нормы выделялись в колонизационный фонд, из которого было образовано в 1925 г. 34 переселенческих участка. Несмотря на то, что проекты губземурпалвения предусматривали отведение старожильческим обществам излишков сверх нормы на доприселение и наделение землёй отсутствующих хозяйств, крестьяне протестовали против такого землеустройства и настаивали на оставлении в их распоряжении всего прежнего отвода. Последовавшее в 1926 г. снижение некоторым обществам норм землеобеспечения до 6-6,5 дес. вызвало ещё большие протесты со стороны населения. «В итоге землеотводно-землеустроительное дело привело к тому, что в делах старожильческого населения района была создана полная неопределённость землепользования и резко обострились негативные настроения в крестьянской среде», – отмечалось в отчёте Амурской переселенческой партии. На выделенных уже излишках работы тоже не были закончены, из-за чего использовать их для переселения было невозможно. Крестьяне, считая спор нерешённым, пытались препятствовать закреплению неоформленных участков за переселенцами. Конфликты удалось урегулировать только в 1927 г. усилиями специально созданной комиссии **(ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 36. Л. 77–77об.)**. Ситуация в Михайловском районе – не исключение. На протяжение всех 1920-х гг. отведённые в колонизационный фонд земельные земли во многих случаях фактически продолжали использоваться старожилами. Незавершённость землеустройства и неоформленность его результатов порождали острые противоречия между старожилами и переселенцами, становились одним из немаловажных

факторов, побуждавших крестьян к возвращению в Европейскую Россию **(ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 95. Л. 33; Ф. п-9. Оп. 1. Д. 270. Л. 28)**.

Стремясь не допустить изъятия земельных излишков, старожилы предъявляли большой спрос на внутриселенное землеустройство, видя в нем инструмент закрепления за собой прежних отводов. Например в Забайкалье в 1923–1924 гг. заявления на размежевание земель внутри общин подали 160 казачьих и 33 старожильческих крестьянских селения, общая площадь земель, на которые они претендовали – около 1,9 млн га. Местными землеустроителями были спроектированы земельные отводы по очень высоким и ни с кем не согласованным нормам – в 9–14 дес. удобной земли на едока. Кроме того, проектировались прирезки самых ценных частей из смежных свободных переселенческих участков прежней заготовки, доходных статей и земель госзапаса. В конце 1924 г. проекты земельных отводов были одобрены уездными и Забайкальским губернским землеустроительным совещаниями. Но Дальневосточное краевое земельное управление, указав на недопустимость подхода к определению земельных норм на основе интересов местного населения, а не государственных потребностей в землях сельскохозяйственного назначения, отказалось утвердить эти решения. Несмотря на это, местные землеустроители продолжали производить отводы земель крестьянам по несогласованным и повышенным нормам. В 1927 г. была проведена земельная регистрация по завышенным нормам в старожильческих селениях Амурского округа. Отводы, произведённые приморскому крестьянству в 1923–1927 гг., по оценке инспекции Наркомзема, также имели «несомненные земельные излишки». Сложившаяся ситуация объяснялась несколькими обстоятельствами. Прежде всего, местные земельные управления испытывали хроническое недофинансирование землеустроительной работы, а временами сталкивались и с полным отказом в выделении средств на содержание землеустроительного аппарата из местных бюджетов. Стремясь сохранить своих специалистов, земуправления «твёрдой земельной политики не вели», а лишь исполняли желания крестьянства, оплачивавшего работы. Все руководство процессом землеустройства фактически осуществляли уполномоченные от селения, которые сложные вопросы, например, размещение угодий, выносили на рассмотрение схода, а вопросы второстепенного порядка решали сами. Оставляли желать лучшего, с точки зрения советской власти, и мировоззренческие установки дальневосточных землеустроителей, в подавляющем большинстве оказавшихся невосприимчивыми к новым идеологическим веяниям. В то время как государство ставило перед ними задачу придать землеустройству «классовое» содержание и начать подготовку перехода к коллективным формам землепользования, сами землеустроители продолжали смотреть на себя лишь «как на техническую силу», обязанную исключительно межевать, а не определять направление развития земельных отношений. Краевое земельное управление и Наркомзем вынуждены были противостоять этой практике, поскольку стремление дальневосточников сохранить за собой прежнее фактическое пользование землёй, вольно или невольно поддерживаемое местными землеустроителями, противоречило целям земельной политики государства. **(ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 18 об. – 19, 24, 36)**.

Среди причин небольших объёмов внутриселенного землеустройства исследователи называют отсутствие в деревне средств на оплату землеустроительных работ **[7]**. Однако дело было не столько в отсутствии денег, сколько в нежелании крестьян оплачивать работы, направленные на ограничение их прежних угодий. В докладе об обследовании земельных комиссий ДВК инструктор Наркомзема прямо подчеркнул: «..население в силу того, что у него изымается земля, платить за такое

изъятие, хотя бы и с попутным землеустройством, не будет» **(ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 36)**. В Забайкалье большая часть как межселенных, так и внутриселенных работ проводились за счёт уездных бюджетов: из 178 селений, где землеустройство планировалось провести летом 1925 г., только 36 изъявили согласие оплатить работы по самому минимальному расчёту **(ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1334. Л. 312 об – 313)**. В то же время крестьяне охотно финансировали деятельность землеустроителей по закреплению за ними прежних отводов, но такого рода активность населения, как было показано выше, не поддерживалась властью. В 1923–1927 гг. в землеустройство дальневосточной деревни было вложено 1 082, 07 тыс. руб., из них 59,4% – это средства государственного и местного бюджетов, 26,6% – крестьянства, 14% – кредиты Дальсельбанка **(ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 24)**. Советская власть весьма осторожно относилась к оплате землеустройства крестьянами, опасаясь, что это поставит землеустроительный аппарат в зависимость от населения и он не сможет проводить нужную земельную политику **(ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1334. Л. 312 об – 313)**.

В целом внутриселенное землеустройство в дальневосточной деревне составило 11,4% всего объёма землеустроительных работ *(таблица 1)*. Вместе с тем, советская власть осознавала, что без проведения внутриселенных работ землеустройство нельзя считать завершёнными. Во второй половине 1920-х гг. внимание государства к этому виду межевания возросло: в плане землеустройства ДВК на 1927 г. оно занимало около половины всех работ **(ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 104. Д. 941. Л. 278)**.

В условиях советской власти изменилось само содержание внутриселенного землеустройства. С одной стороны, сохранялись традиционные его цели: оптимизация и рационализация землепользования, на достижение которых была направлена деятельность Дальневосточного краевого и окружных земельных управлений. В процессе внутриселенного землеустройства на основе составленного в ходе межселенных работ агропроекта должны были пролагаться в натуре границы полей, соответствующие установленному севообороту. Внутриселенное землеустройство должно было стать толчком для перехода и старожилов, и переселенцев к прогрессивным методам ведения хозяйства, в частности, к многопольным севооборотам **(ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об., 8-об., 34; Ф. п-9. Оп. 1. Д. 270. Л. 57–570 об.; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 104. Д. 941. Л. 277–278)**.

Далеко не все внутриселенное землеустройство было направлено на улучшение землепользования индивидуальных крестьянских хозяйств. Наиболее распространёнными видами внутриселенного землеустройства, включавшимися в общую статистику, были работы, направленные на создание условий для перехода к коллективному землепользованию: образование выселков, отвод участков коммунам и земледельческим трудовым артелям.

На Дальнем Востоке внутриселенное землеустройство рассматривалось как одна из мер решения государственной задачи по заселению края. С 1926 г. землеустроительные работы были подчинены плану колонизации и, наряду с земуправлениями, ими стали заниматься Переселенческое управление и переселенческие партии на местах, основной целью которых было формирование колонизационного фонда. В условиях ограниченного финансирования переселенческие организации концентрировали все ресурсы на проведении межселенного землеустройства, полагая, что «внутриселенные работы должны исполняться преимущественно земельными органами за счёт средств населения, банковского кредита и бедняцкого фонда. Однако и они вынуждены были заниматься внутриселенными работами. Так, Амурской пересе-

ленческой партией в 1927/28 г. планировалось провести внутриселенное землеустройство на площади в 179 992 дес., с количеством населения 22 306 чел. Основной целью внутриселенного землеустройства, производимого переселенческими партиями, являлась не рационализация крестьянского хозяйства, а заготовка колонизационного фонда «… исключительно путём изъятия земельных излишков от старожильческого населения» **(ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 36. Л. 8-об.; Д. 95. Л. 29об-30, 34; ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 19)**.

В конце 1920-х гг. стали акцентироваться классовые задачи землеустройства. Постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1927 г. «Директивные указания для выработки союзного закона о землеустройстве и землепользовании» цель землеустройства определило как «наибольшее содействие землепользования основной массы бедняцких и середняцких хозяйств при всемерном содействии развитию коллективных форм землепользования, кооперированию крестьянства». В постановлении особо оговаривалась новая трактовка принципа бессрочности трудового землепользования, который должен был быть разъяснён «… в том ограничительном смысле, что изъятие земли от трудового пользователя не определятся наперёд никаким сроком, установленным в законе или договоре, а ставится в зависимость только от наступления определённых условий, предусмотренных как в самом союзном законе, так и в законодательстве союзных республик: прекращение трудового использования земли, переселение, занятие земли для государственных или общественных надобностей и прочее» **(ГАРФ. Ф. 1265. Ф. 73. Оп. 1625. Л. 26)**. Резолюция XV съезда партии «О работе в деревне» направляла земельную политику на ограничение практики выделения участковых форм землепользования, первоочередное землеустройство бедняцких и маломощных слоёв крестьянства за счёт государства, отвод этим хозяйствам лучших участков, всемерное содействие развитию форм землепользования, наиболее благоприятных для дальнейшего кооперирования сельского хозяйства **[4, с. 307-308]**.

В рамках реализации новых установок весной 1928 г. на Дальнем Востоке управление земельными делами общества было передано сельсоветам в тех селениях, где район их действия совпадал с границами земельного общества. Во всех остальных случаях приговоры земельных обществ по вопросам землепользования вступали в законную силу только после утверждения их сельсоветами. В целях ослабления влияния на земельное дело общества кулацкой верхушки, от участия в сельских сходах с правом решающего голоса отстранялись лица, лишённые избирательных прав. Участковые формы хозяйствования – хуторская и отрубная – признавались не отвечающими историческим и экономическим условиям региона, земельные органы обязывались принять все меры к ликвидации этих форм землепользования в тех селениях, где они ещё сохранились. В первую очередь проводилось землеустройство коллективных хозяйств и бедняцкой части деревни, которым отводились близкие и удобные земли в одном массиве. В процессе внутриселенного землеустройства земельные отводы отдельным гражданам должны были производиться таким образом, чтобы в дальнейшем без особой ломки в целом земельных участков селения можно было осуществить переход к коллективным формам землепользования путём передвижек или обмена отводами **(ГААО. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 223. Л. 140–141)**.

Окончательный отказ от нэповских принципов земельной политики и поворот в сторону социалистической реконструкции земельных отношений произошёл с принятием Закона СССР «Общие начала землепользования и землеустройства» от 15 декабря 1928 г., разъяснявшим, что под национализацией земли следует понимать не только «отмену

навсегда частной собственности на землю», но и «установление на неё исключительной государственной собственности». Таким образом завершался процесс как формальной, так и фактической концентрации земельных ресурсов в руках государства **[8, с. 385–386]**. Землеустройство индивидуальных крестьянских хозяйств и сельских обществ было остановлено. Уже в 1929 г. работы по землеустройству колхозов и совхозов на Дальнем Востоке составили около половины всего объёма работ **[7, с. 50]**.

Подводя итоги анализу реализации земельной политики советской власти на Дальнем Востоке, можно сделать вывод о существовавшем конфликте интересов государства и крестьянства по земельному вопросу. Советская власть на протяжении всего нэпа решала в регионе задачу концентрации фактического контроля над земельными ресурсами в своих руках. Земельный Кодекс РСФСР 1922 г. внедрялся здесь с определёнными оговорками. В частности, ограничение действия нормы Кодекса, предусматривавшей прекращение поравнения землепользования, имело своей целью начать в регионе процесс перехода к уравнительным нормам наделения землёй. Этой же цели в большей степени оказались подчинены внутриобщинные переделы земли, инициированные и всячески поддерживаемые властью, межселенное и внутриселенное землеустройство, в ходе которых ликвидировались пережитки сословности в землепользовании, уничтожались его подворно-захватнические формы. Несмотря на все предпринимаемые шаги, в конце 1920-х гг. советские функционеры признавали, что после революции произошла только «некоторая урезка земли у зажиточной верхушки» **(ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 85. Л. 75)**. Остались нереализованными и меры, направленные на рационализацию индивидуального землепользования. Значительная часть крестьян-дальневосточников на протяжении всех 1920-х гг. не оставляла попыток сохранить за собой прежние земельные отводы. Деревня использовала все доступные способы защиты своих интересов: от отказа сельских сходов санкционировать навязываемые властями решения по земельному вопросу до попыток крестьян через землеустройство закрепить за собой права на занимаемые участки.

◆

Литература

1. Бахарев В.К. Задачи землеустройства в Приморье // Экономическая жизнь Приморья 1924 . № 2 С. 71–75.

2. Дальний Восток России в период революции 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.

3. Известия опытных полей Амурской области. Вып. 2. Благовещенск: Типо-лит.: «Благовещенск», 1918. 256 с.

4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / Под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. Т. 4: 1926–1929. М., 1984. 575 с.

5. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: Очерки истории / Под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 416 с.

6. Кудрявцев И.Г. Аграрная политика ДВР в 1920–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 214 с.

7. Лыкова Е.А., Проскурина, Л.И. Деревня Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX века: Коллективизация и её последствия. Владивосток: Дальнаука, 2004. 188 с.

8. Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России. XVIII начало XXI века. М.: Наука, 2005. 639 с.

9. Осипов Ю.Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России. 1855-1917 гг. Владивосток: ВГУЭС, 2006. 196 с.

10. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). М. – Иркутск – СПб., 1995. 259 с.

11. Польская Е.В., Стасюкевич С.М. Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 91–101.

12. Щагин Э.М. Очерки истории России, её историографии и источниковедения (конец XIX - середина XX века). М.: ВЛАДОС, 2008. 759 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bakharev V.K. Zadachi zemleustrojstva v Primor'e // EHkonomicheskaya zhizn' Primor'ya 1924 . № 2 S. 71–75.

2. Dal'nij Vostok Rossii v period revolyutsii 1917 goda i Grazhdanskoj vojny. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 632 s.

3. Izvestiya opytnykh polej Amurskoj oblasti. Vyp. 2. Blagoveshhensk: Tipo-lit.: «Blagoveshhensk», 1918. 256 s.

4. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsij i Plenumov TSK (1898–1988) / Pod obshh. red. A.G. Egorova, K.M. Bogolyubova. T. 4: 1926–1929. M., 1984. 575 s.

5. Krest'yanstvo Dal'nego Vostoka SSSR XIX–XX vv.: Ocherki istorii / Pod red. A.I. Krushanova. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1991. 416 s.

6. Kudryavtsev I.G. Agrarnaya politika DVR v 1920–1922 gg. Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2004. 214 c.

7. Lykova E.A., Proskurina, L.I. Derevnya Dal'nego Vostoka v 20-30-e gg. XX veka: Kollektivizatsiya i eyo posledstviya. Vladivostok: Dal'nauka, 2004. 188 s.

8. Medushevskij A. N. Proekty agrarnykh reform v Rossii. XVIII nachalo XXI veka. M.: Nauka, 2005. 639 s.

9. Osipov YU.N. Krest'yane-starozhily Dal'nego Vostoka Rossii. 1855-1917 gg. Vladivostok: VGUEHS, 2006. 196 s.

10. Pak B.D. Korejtsy v Sovetskoj Rossii (1917 – konets 1930-kh godov). M. – Irkutsk – SPb., 1995. 259 s.

11. Pol'skaya E.V., Stasyukevich S.M. CHastnaya sobstvennost' na zemlyu na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2012. T. 4. № 3. S. 91–101.

12. SHHagin EH.M. Ocherki istorii Rossii, eyo istoriografii i istochnikovedeniya (konets XIX - seredina XX veka). M.: VLADOS, 2008. 759 s.

УДК 316.48; 316.422

Мозговая А.В.
Mozgovaya A.V.

Эколого-экономическое противоречие: социальная сущность, субъекты, динамика

Ecology-economical contradiction: social essence, actors, dynamic

В статье анализируется типичный для современной России эколого-экономический конфликт, суть которого состоит в противоречии между такими базовыми типами ценностей, как право граждан на благоприятную окружающую среду, гарантированное Конституцией России, экономической выгодой отдельных лиц и групп и здоровьем населения. Такая ситуация характерна прежде всего для жителей средних и малых монопромышленных городов, имеющих так называемые градообразующие предприятия, без функционирования которых город практически перестает существовать. Конфликт интересов мы рассматриваем через категорию кризиса, неблагоприятные траектории развития которого проходят через стадии экологического бедствия к социальной катастрофе. В статье представлены некоторые итоговые суждения, имеющие практическое значение для исследования динамики развития кризиса типа «эколого-экономического противоречия».

Ключевые слова: *эколого-экономическое противоречие, риск, кризис, бедствие, коммуникация, управление риском*

◆

There is under analysis in the article the typical for modern Russia ecology-economical contradiction, the essence of which is the conflict between such basic values as the civil write on the favourable environment, economical benefits of some groups and individuals and people health. Such situations are typical for small towns with the industrial plants without which the town dies. The conflict of ecological and economical interests the author considers through the notion of crises, the inauspicious dynamic of which lies from ecological calamity to social disaster. In the article there are presented some main summarized conclusions with practical significance for research field of crises, their essence and dynamic.

Key words: *ecology-economical contradiction, risk, crises, emergency, communication, risk management*

Кризис: определение понятия

Понятие кризиса первоначально использовалось в области международных отношений и преимущественно связывалось с военными конфликтами и кризисами, которые имели место в отношениях между государствами. Определения кризиса, которые использовались на протяжении этой стадии, преимущественно подчёркивали внезапность, ограниченность времени и угрозу сущностным ценностям (например, суверенитет государства) наиболее часто в форме военной акции какого-либо противника. Со временем исследователи стали включать в поле своего внимания и другие типы кризисов, например, различные техно-

МОЗГОВАЯ Алла Викторовна, к.философ.н., ведущий научный сотрудник сектора риска и катастроф Института социологии РАН *(г. Москва)*. **E-mail:** mozgovai@yandex.ru

логические аварии, социальные перевороты и политические кризисы. Наряду с элементом внезапности в содержание понятия кризиса стали включать неопределённость, а понятие сущностных ценностей значительно расширилось.

Кризисная ситуация может переживаться как индивидом или группой, так и организацией, сообществом, государством. Аналитики говорят о трёх наиболее общих подходах, фокусирующихся на альтернативных уровнях анализа: *системный*, в рамках которого референтом кризиса является угроза стабильности международного порядка; *конфронтационный*, где два или более акторов конфликтной коммуникации являются референтами кризиса; *управленческий*, фокусирующийся на процессах на уровне сообщества, государства. Эта модель анализа кризиса его референтами считает лиц, принимающих решения и несущих ответственность за разрешение той или иной проблемы **[14, p. 5]**.

Как наиболее распространённое определение можно привести следующее: кризис – это ситуация, обусловленная изменением внешних или внутренних факторов среды и отличающаяся тремя характерными чертами: угрозой тем или иным базовым ценностям, крайне ограниченным временем для разрешения ситуации, высоким уровнем неопределённости **[14, p. 5]**.

Сущность той или иной кризисной ситуации зависит от природы угрозы и типа базовых ценностей, оказывающихся под угрозой. Угроза военного насилия, например, может привести к кризису системы национальной безопасности; экономический кризис грозит подорвать материальные и политические ценности. «Кризисники» работают в рамках парадигмы управления. Признанный в научном сообществе методолог в области изучения рисков и кризисов Борис Порфирьев подчёркивает: «Промедление или отсутствие эффективного ответа на старые и новые угрозы и вызовы продолжает приводить к возникновению катастроф и бедствий» **[10, с. 11]**. Длительный период выхода из проблемной ситуации он называет «кризисом принятия решения», а тип таких событий – «кризисной ситуацией», что отражает затяжной характер процесса разработки и реализации управленческих или политических решений. Добавим к этому положению вывод, основанный на исследовании и анализе реальных практик поиска решений по выходу из кризисов, суть которого состоит в том, что характер решений зависит от потенциала влияния субъектов-участников кризисной ситуации; более того, процесс идет «скачками», от «победы» интересов одного субъекта к нарастанию напряжённости носителей противоположного интереса и формированию очередной проблемной ситуации. Между тем, продуктивное разрешение кризиса возможно только через коммуникацию субъектов с целью поиска зоны социально приемлемого риска, то есть приемлемого для основных социальных субъектов: производителей, потребителей рисков, органов власти, реализующих управленческие решения. В последнее десятилетие социологи накопили достаточный багаж эмпирических данных для обоснования выводов относительно социальных аспектов взаимодействия этих субъектов на региональном и локальном уровнях, в том числе и в ситуациях противостояния экологических и экономических интересов **[1; 12]**. В следующем разделе статьи анализируется специфика развития и поиска управленческих решений в затяжном кризисе, субъектами которого являются население, градообразующее предприятие, власть; предметом – охрана здоровья и окружающей среды; объектом – противостояние экологических, экономических, социальных интересов.

Экологическое бедствие: социально-управленческий аспект кризиса

Диагностика ситуации в 1994 г.

Краткая характеристика кризисной ситуации. К началу девяностых годов прошлого века в одном из средних российских городов, имеющем градообразующее предприятие с крайне вредным для здоровья населения и окружающей среды производством, сложилась следующая ситуация. Совершенно очевидными и наглядными стали последствия многолетнего воздействия вредоносного производства на состояние окружающей среды и здоровья жителей города, в особенности детей.

Население города в лице «зелёного» движения смогло сформулировать и представить свои требования по защите здоровья жителей и окружающей среды от многолетнего вредного влияния градообразующего предприятия. Посредством давления на местную и региональную администрацию «зелёным» и поддерживающим их жителям города удалось добиться частичного прекращения работы сложного комплекса предприятий градообразующего комбината. Однако предотвратить акционирование его различных элементов не удалось. Часть занятых на комбинате потеряла работу, а найти новую в городе практически невозможно. Это вызвало в свою очередь недовольство и протесты со стороны рабочих и членов их семей. При этом акции комбината, принадлежавшие рабочим, за бесценок скупались лицами, заинтересованными в продолжении функционирования предприятия на основе новой формы собственности. Администрация города в соответствии с «Законом РФ о государственной экологической экспертизе» подготовила свои предложения, суть которых сводилась к необходимости признать город зоной экологического бедствия, что в соответствии с Законом РФ «Об охране окружающей природной среды» дало бы финансовые и иные возможности вывода города из состояния кризиса.

Город Карабаш, о котором идет речь, расположен в восточных предгорьях Южного Урала в Саймановской долине на водоразделе рек Аткус и Сак-Элга, впадающей в р. Миасс. Город и его окрестности относятся к старейшему Уральскому горнорудному району, начало промышленного освоения которого началось в первой половине XVIII в.

К середине девяностых годов двадцатого столетия город Карабаш представлял собой типичную для горнозаводского Урала геотехническую систему, включающую в себя как сам комбинат, так и действующие шахту, породные и шлаковые отвалы, старые и новые хвостохранилища, отстойники шахтных вод, подсобные транспортные и тепло-энергетические предприятия. В эту же систему входили и кварталы жилой застройки. В городе преобладал и продолжает преобладать в настоящее время одноэтажный жилой фонд, за исключением нескольких пятиэтажных домов на северо-западе.

Крайне неблагоприятная экологическая обстановка сложилась в результате выбросов карабашского медеплавильного комбината. Выбросы в природную окружающую среду содержали серу, медь, цинк, свинец, серебро, золото, кадмий, мышьяк, ртуть.

На момент разработки проекта заключения Государственной экологической экспертизы (1994–1995 гг.) фиксировалась следующая ситуация. За время работы комбината с дымовыми выбросами в *атмосферу* поступило 12 млн. тонн вредных веществ, среди которых преобладали серосодержащие вещества. По степени загрязнения воздуха диоксидом серы за весь период наблюдений по среднегодовому и среднесуточному показателю этот район соответствовал статусу зоны экологического

бедствия. То же можно сказать по свинцу. *Почва* лесных массивов подвержена химической эрозии. Прервана естественная возобновляемость флоры. Березовые и сосновые леса, некогда характерные для этих мест, вымерли или деградировали. Деградация растительности особенно интенсивно происходила в 50–70 годах XX века. К 90-м годам склоны гор оголились, травяной покров отступил от города на километры. В городе островки растительности сохранились лишь там, где люди выращивали сельхозпродукцию, которая загрязнена мышьяком, ртутью, свинцом. *Поверхностные воды* по степени загрязнения медью, цинком, железом в десятки и сотни раз превышали предельно допустимые концентрации. Рассчитанный формализованный суммарный показатель химического загрязнения по пяти максимально превышающим предельно допустимые концентрации загрязняющим веществам 3-го и 4-го классов опасности (медь, цинк, железо, фенол) оказался равным 1018. В соответствии с принятыми критериями это равносильно ситуации в зоне экологического бедствия. *Здоровье населения.* Особенно рельефно влияние неблагоприятного состояния окружающей природной среды сказывается на состоянии здоровья детей. Так, перинатальная смертность в городе выше, чем в контрольных общностях. Детская заболеваемость выше в полтора-два раза. Ведущими видами патологии являлись болезни нервной системы и органов чувств, костно-мышечной системы, эндокринные заболевания и расстройства питания, нарушение обмена и иммунитета, болезни кожи и органов кровообращения. Снижение показателей физического развития фиксировалось в 5-8 раз чаще, чем в контрольных общностях **(Заключение экспертной комиссии по рассмотрению материалов оценки степени экологического неблагополучия окружающей среды и состояния здоровья населения и проекта Федеральной целевой программы первоочередных неотложных мер на 1996–2000 годы по выводу территории г. Карабаша Челябинской области из состояния экологического бедствия и оздоровлению населения. Заключение утверждено Приказом Министра охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ от 25.06.96 за номером 299)**.

Социологический опрос населения как элемент оценки воздействия техногенных факторов на социальную среду. Опыт работы в кризисных регионах показывает, что рано или поздно возникает вопрос о научно-обоснованной оценке влияния тех или иных неблагоприятных техногенных факторов на социальную среду. Комплект документов, представляемых на государственную экологическую экспертизу, должен в обязательном порядке содержать специальный раздел, посвященный именно социальным показателям. Практика собственной работы, а также анализ опыта работы других научных и практических центров убедили нас в том, что, во-первых, необходимо провести репрезентативный социологический опрос населения, во-вторых, в качестве основной задачи такого исследования должен выступать анализ показателей качества жизни общности, проживающей в условиях повышенного риска по отношению к здоровью и состоянию окружающей среды.

В г. Карабаше совместно с администрацией в рамках комплексной работы по оценке воздействия деятельности комбината на окружающую природную и социальную среду под руководством автора статьи был организован (ответственный исполнитель – сотрудник сектора проблем риска и катастроф Института социологии РАН Шлыкова Е.В.) и проведен репрезентативный выборочный опрос жителей. Количество опрошенных составило 302 человека. Работа проводилась методом личностного интервью («лицом к лицу») по формализованному инструментарию. Подробно результаты социологического исследования рассматриваются

в ряде публикаций **[5; 6; 7]**; в данной статье предложены обобщенные выводы.

Анализ результатов исследования показал, что массовое сознание в целом и различных групп населения города в частности характеризуется экологической напряжённостью как дополнительным к общей социальной напряжённости фактором. Серьёзные проблемы обнаруживаются буквально во всех сферах жизни населения, начиная от здоровья и заканчивая социальной защищённостью. Причём ключевая проблема, то есть та, от решения которой будет зависеть решение всех остальных, это эколого-экономическое противоречие, суть которого состоит в отсутствии эффективного механизма согласования интересов экономически прибыльного производства и интересов реабилитации окружающей среды и здоровья населения, которым нанесён и продолжает наноситься непоправимый ущерб.

Так, значительная часть населения оценивала своё здоровье как плохое, более половины имеют хронические заболевания. Причём типология заболеваний указывает на прямую связь с бедственным состоянием экологии: заболевания органов дыхания, внутренних органов, неврологические заболевания, сердечно-сосудистые расстройства. Респонденты, имеющие несовершеннолетних детей, отмечали высокий уровень их заболеваемости, в частности лорингическими расстройствами, аллергией. Более 70% опрошенных (в некоторых группах до 90%) утверждали, что их здоровье за последние 2–3 года ухудшилось, что выражалось в повышении давления, болях в суставах, сердечно-сосудистых расстройствах, общем ухудшении самочувствия. Причём большая часть опрошенных связывала ухудшение самочувствия с бедственным состоянием экологии. До 80% респондентов фиксировали ухудшение состояния окружающей среды в городе за последние годы.

У всех категорий высока неудовлетворённость состоянием окружающей среды, уровнем социальной защищённости, высок и уровень восприятия риска. Однако есть группы, в которых эти оценки выше, чем в среднем по массиву: люди с более высоким уровнем образования, коренные жители по сравнению с приезжими, семейные и разведённые, имеющие несовершеннолетних детей. Значительная часть трудоспособного и высокообразованного населения, находящегося в активном репродуктивном возрасте и имеющего неплохое здоровье (которое тем не менее ухудшилось за последние годы) собиралась покинуть город. Причины – бедственное состояние экологии, отсутствие работы или угроза потерять работу, ухудшение здоровья детей.

Что можно сказать о городе и его жителях по результатам уже этого краткого описания социального самочувствия людей? Жители наряду с общими социально-экономическими тяготами россиян несли тяжёлое дополнительное бремя экологического стресса. Фактически они жили в зоне экологического бедствия, к которому привели годы безнравственной экологической политики, а переходная, нестабильная социально-политическая и экономическая ситуация в стране в середине девяностых годов прошлого века как бы «прорвала» предел уязвимости сообщества жителей небольшого города, столкнувшегося с нерешаемостью своих социальных проблем стандартными средствами.

Нерегулируемая и бесконтрольная приватизация градообразующего предприятия без учёта экологического фактора грозила самому существованию города как поселенческой общности, Те же, кто становился основными акционерами, в большинстве своём не проживали в городе.

Население города было поставлено на грань *физического* выживания в самом прямом смысле этого слова. Более того, ужасающая деградация окружающей среды нанесла *духовный* ущерб нынешним и будущим

поколениям, фактически отняв у них «малую родину», заставив думать о необходимости бежать из родных мест в поисках лучшей доли для себя и детей. Отсутствие работы, проблемы с финансированием социальной инфраструктуры ряд категорий населения поставили на грань *жизненной* катастрофы.

Очевидно, что стандартными, имеющимися и апробированными методами управленческого воздействия разрешить сложившуюся ситуацию не представлялось возможным.

Администрация города и администрация области в соответствии с Законом РФ о Государственной экологической экспертизе подготовили соответствующие материалы и в 1996 г. представили их в государственные органы. Расчёт был на то, что Государственная экспертиза признает часть города зоной экологического бедствия, а часть города зоной чрезвычайной экологической ситуации. Такое решение давало бы целый ряд преимуществ, в частности финансовых возможностей для выхода из кризисной ситуации.

Правовые и экономические ограничения в разрешении кризиса. В Заключении, утвержденном Приказом министра охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ от 25.06.96 за номером 299, содержался однозначный вывод: «по показателям состояния здоровья, степени загрязнения почвы, поверхностных и подземных вод, изменения геологической среды и деградации наземных экосистем ситуация в г. Карабаш согласно ст.59 Закона РФ «Об охране окружающей природной среды» соответствует статусу зоны экологического бедствия» **(Заключение экспертной комиссии по рассмотрению материалов оценки степени экологического неблагополучия окружающей среды и состояния здоровья населения и проекта Федеральной целевой программы первоочередных неотложных мер на 1996–2000 годы по выводу территории г. Карабаша Челябинской области из состояния экологического бедствия и оздоровлению населения)**.

Далее в соответствии с Законом следовало ожидать соответствующего Постановления правительства или Указа Президента с тем, чтобы было открыто финансирование по той или иной программе. Однако уже на этапе прохождения через экспертизу обнаружились сложности и принципиальная правовая неопределённость самой ситуации. А именно.

В городе сложилась сложная обстановка с распределением имущественных прав на Карабашский медеплавильный комбинат: лицензирование и приватизация месторождения и иных объектов комплекса производились организациями, территориально и административно не связанными с городом, а в ряде случаев и с Челябинским регионом. Таким образом, первоначально вследствие непродуманной природоохранной политики, а затем вследствие повсеместной приватизации даже без попыток решения проблем реабилитации территории, город Карабаш оказался в правовом и финансовом тупике.

На момент проведения государственной экспертизы отсутствовал юридический механизм, определяющий порядок взаимодействия федеральных органов, субъектов федерации, отраслевых министерств и ведомств, а также их правопреемников и акционерных обществ с территориями, претендующими на отнесение к зонам чрезвычайной экологической ситуации или экологического бедствия по определению доли инвестиций каждого в процесс реабилитации территорий.

Попытаемся проанализировать, по какому сценарию должен и мог бы развиваться процесс разрешения кризисной ситуации после отнесения территории города к зоне экологического бедствия. Вопрос должен был поступить на рассмотрение правительства и президента. Однако

именно с этого момента в России началась перманентная смена правительств, реструктуризация министерств, комитетов, затем парламентские выборы и выборы президента, полномасштабная война в Чечне, взрывы в различных городах и т.д. Проблемы города Карабаша при этих условиях так и не попали в поле зрения ни одного из сменяющих друг друга правительств.

Социально-политический аспект кризиса. Описанная кризисная ситуация типична для пореформенной России. За годы советской власти на карте страны появилось немало городов-заводов. Идеология создания таких городов с монопроизводством, где трудоспособное население почти полностью занято на градообразующем предприятии, была характерна для эпохи тоталитаризма. Подобные города-заводы имели союзное, реже – республиканское значение.

Реструктуризация экономики, акционирование (приватизация), не подкреплённые соответствующими нормативными документами, приводили зачастую к тому, что государство практически не имело правовой базы для ограничения деятельности предприятий, наносящих непоправимый вред окружающей среде и здоровью населения. С другой стороны, даже в тех случаях, когда местные власти были способны удержать ситуацию под контролем, возникала масса проблем из-за неразработанности механизма распределения финансовой ответственности между центром и периферией. Жители таких городов становятся заложниками кризисной ситуации, выхода из которой, как представляется, нет.

После разработки заключения Государственной экологической экспертизы медеплавильное производство в Карабаше полулегально продолжало функционировать, лоббировать юридическое узаконивание статуса зоны экологического бедствия для города практически было некому. Субъектами разрешения кризиса, как ни парадоксально это может показаться, становятся его носители, люди, проживающие в городе. Трудоспособные и имевшие сбережения жители из города уезжали в поисках лучшей доли; слабые и неимущие – вымирали. Чем в это время занимались представители власти различных уровней известно только им самим.

На 1996 год определить ситуацию в городе Карабаш – самом загрязненном городе планеты и единственном городе в бывшем СССР, официально признанном зоной экологического бедствия, – справедливо как неуправляемый кризис. Неуправляемый он отнюдь не потому, что никто не знает, как разрешить имеющее место эколого-экономическое противоречие. Неуправляем он потому, что нет социального субъекта, способного принять ответственность за разрешение кризисной ситуации.

Хроника регулирования кризиса: 1997–2016 гг.

Анализ ситуации в период 1997–2008 гг. Динамика кризиса рассматривалась на основе подбора и изучения материалов прессы и интернет-ресурсов **[2; 3; 4; 8; 11; 13 и др.]**. Итак, с 1991 г. производство на КМЗ стало сворачиваться. В начале 1996 г. в связи с Заключением Государственной экологической экспертизы действовавший на то время губернатор Челябинской области подписал решение об остановке Карабашского медеплавильного комбината. Выбросы вредных веществ практически прекратились, но социальная ситуация обострилась до крайности: в городе безработица превысила областной уровень в разы, люди в массовом порядке, потеряв работу и вместе с ней средства к существованию, уезжали, часть оставшихся спивались. Население бедствовало, средств на реабилитацию природной и социальной среды не было. Официально, несмотря на наличие заключения Государственной экспертной комиссии, Карабаш не был признан зоной экологического бедствия, что потребовало бы переселения жителей с загрязнённой территории. Но

борьба за статус имела свои результаты. Совместными усилиями жителей, депутатов, городских и областных властей удалось привлечь и внимание, и некоторые федеральные средства для нормализации экологической ситуации на базе Постановления Правительства РФ «О комплексе мероприятий по оздоровлению окружающей среды и населения г. Карабаш Челябинской области на 1998–2000 годы». Однако расчёты на поддержку из госбюджета не оправдались. Содержание «безработного» города оказалось не под силу ни федеральной, ни тем более областной казне. Типичным для жителей города в этот период стали пьянство и сбор цветных металлов с территории медного комбината, который был почти полностью разграблен. За годы простоя медного комбината статистика смертности и заболеваемости, мягко говоря, не улучшилась.

Чтобы предотвратить переход кризиса в иное качественное состояние – социальную катастрофу – весной 1997 года правительство Челябинской области утвердило «Программу развития цветной металлургии», основной задачей которой было возрождение металлургического производства в городе: 15 января 1998 года было создано ЗАО «Карабашмедь». Нашёлся и инвестор: к восстановлению комбината подключился его главный потребитель – соседний Кыштымский медеэлектролитный завод. За два года инвестором было вложено 5 млн. долларов в восстановление производства, и у людей вновь появилась работа. На средства инвестора в городе были решены и некоторые социальные проблемы: отремонтированы здания городской больницы и детского дома, отстроено жильё для ветеранов и переселенцев из санитарно-защитной зоны. По признанию гендиректора завода, инвестиции в оздоровление города и модернизацию производства были не благотворительностью, а жизненной необходимостью. Однако для экологизации производства и реального улучшения экологической обстановки в городе по оценкам специалистов требовалось более 50 млн. долларов.

Летом 2000 г. действовавший на то время губернатор области заявил, что правительство области намерено разработать целевую программу развития города Карабаш, направленную на оздоровление населения и экологической обстановки, улучшение качества воды, строительство жилья и ремонт дорог. Был разработан проект технологической и экологической модернизации производства комбината «Комплекс по утилизации отходов медеплавильного производства».

Тем не менее, реального оздоровления среды обитания не наблюдалось, нарастала напряженность и недовольство населения. Жители вновь вышли на митинги. По инициативе правительства области в городе проходит расширенное совещание с участием представителей власти, специалистов, общественности. Определяется комплекс мер по стабилизации социально-психологической ситуации, временный компромисс был найден за счёт повышения уровня информированности населения и снижения объёмов производства при неблагоприятных метеоусловиях.

Весной 2003 г. экологическую ситуацию в городе Карабаш рассматривал Высший экологический совет Госдумы РФ, но реальной помощи от федерального центра не последовало, хотя члены Совета признали необходимость привлечения средств федерального бюджета для оздоровления социальной и экологической обстановки в городе. Более того, в этом же 2003-ем году жители Карабаша столкнулись с новым потрясением: сменился собственник комбината. Контрольный пакет акций «Карабашмеди» и Кыштымского медеэлектролитного завода перешел к президенту торгово-промышленной палаты Екатеринбурга, который высказал намерение на базе Карабашского медеплавильного производства сформировать новый медный холдинг, охватывающий Челябинскую, Свердловскую, Оренбургскую, Новгородскую области России – Русскую

медную компанию. Возник закономерный вопрос: будут ли учитываться экологические проблемы города инвестором, выходцем из другого региона.

Население в 2004 г. после безуспешных попыток привлечь внимание областных властей к факту игнорирования новыми собственниками экологических проблем города обратилось с открытым письмом к Президенту России Владимиру Путину, собрав более двух тысяч подписей. Эта акция привлекла внимание российских и зарубежных средств массовой информации, ситуацию взяли под контроль уполномоченный по правам человека при Президенте России, Администрация Президента РФ, признав требования жителей города вполне обоснованными.

Проект «Комплекс по утилизации отходов медеплавильного производства», разработанный ещё при предыдущем собственнике, был принят за основу и дополнен Русской медной компанией. На заседании Совета безопасности Челябинской области осенью 2005 г. губернатор в частности заявил: «Впервые почти за сто лет существования медеплавильного производства в г. Карабаше руководство предприятия вложило более 50 млн. долларов только в очистные сооружения» **[4]**.

В 2006 г. в Карабаше был запущен новейший, не имеющий аналогов в России плавильный агрегат – печь Ausmelt (Австралия) и началось строительство обогатительной фабрики для вторичной переработки шлаков. Новая обогатительная фабрика способна перерабатывать более 600 тысяч тонн шлаков в год, что позволяло в обозримом будущем ликвидировать накопившиеся почти за столетнюю историю предприятия отходы. Планировалось, что продукция фабрики будет использоваться не только в собственном металлургическом производстве, но пойдет на продажу. Переработка шлаков становилась безотходной, что в совокупности с замкнутой системой водоотвода, введённой в 2004 г., позволяло максимально снизить негативное воздействие на окружающую среду. Вторую очередь обогатительной фабрики планировалось ввести в 2010 г.

Русская медная компания, начиная с момента вступления в права собственности на ЗАО «Карабашмедь», демонстрировала заинтересованность в контакте с населением, представителями органов власти, СМИ, понимание того, что долгосрочные интересы крупного бизнеса требуют серьёзного внимания к проблемам охраны окружающей природной и социальной среды, что их игнорирование затрудняет выход на зарубежные рынки. Для иностранного крупного бизнеса уже давно стало аксиомой, что вложения в экологическую безопасность есть одновременно и вложения в собственный имидж и репутацию. Русская медная компания профинансировала разработку коммуникационной программы по освещению проекта экологической реабилитации ЗАО «Карабашмедь» и города Карабаш (исполнитель ЦКТ «Пропаганда»). Программа позволила добиться признания общественностью, элитами региона и федерального центра положительных результатов проекта по улучшению экологической обстановки на предприятии и в городе. На Всероссийской конференции «Новая государственная экологическая политика в региональном секторе экономики» (2006 г.) ЗАО «Карабашмедь» был вручен диплом «Лидер природоохранной деятельности в России». Экологи отметили, что за период 2004–2006 гг. предприятие смогло достичь значительных успехов в сфере охраны окружающей среды, в частности полностью исключить выбросы твердых частиц и пыли от металлургического производства, сброс технической воды в городской пруд, снизить выбросы сернистого ангидрида до уровня 0,2 ПДК.

Резюмируя, отметим, что были все основания констатировать факт успешного разрешения многолетнего ползучего кризиса, причем основной объем усилий не без давления населения и властных структур взял

на себя крупный бизнес, располагавший волей и средствами для реализации заявленной программы экологизации производства.

2016 г.: кризис разрешён? Осуществлённые в 2014–2015 г. коллегами социологические исследования в ряде староуральских городов, в том числе в Карабаше показали, что экологические проблемы все так же остро стоят в городах с монопроизводством. Загрязнение среды обитания для населения является главной жизненно важной проблемой. В Карабаше модернизация производства идет медленно; информированность населения и по поводу экологической ситуации, и относительно процесса модернизации производства низкая. Муниципальная власть практически не располагает ресурсами влияния на градообразующее предприятие **[9]**. Анализируя сложившиеся отношения между социальными субъектами, Т.А. Орешкина констатирует: «модель муниципального управления в природоохранной сфере является субъект-объектной, наблюдается рассогласование интересов населения и экономических акторов» **[9, с. 81]**. То есть и в 2016 г. кризис, наличие, социальную сущность и субъектов которого мы определили в 1992 г. как эколого-экономическое противоречие, всё ещё не разрешён.

Результаты анализа.

Какие уроки можно извлечь из анализа социальной сущности и динамики описанной выше кризисной ситуации? Проблемы взаимодействия интересов развития экономики и сохранения среды обитания по отношению к стране в целом и отдельным регионам никогда не были особенно популярными среди сил, формирующих приоритеты социальной политики. Сейчас положение еще в большей степени осложнилось. В ситуации, когда в силу целого ряда причин в общественном сознании идеалы экономической выгоды становятся всё более популярными, экологическая культура населения практически утеряна, а экологическое сознание всё ещё находится на уровне деклараций, наше бездействие может привести к экологическим катастрофам, последствия которых станут необратимыми.

Социологическая методология анализа социальных явлений и процессов, методы эмпирической социологии, использование социально-управленческих технологий в этой связи представляются важнейшим вкладом этой области социального познания в изменение социальной практики. Такая потребность постепенно осознается.

Автор имеет значительный опыт экспертной, экспериментальной и проектной работы в «рискованных» регионах: городах, промышленные предприятия которых работают фактически на уничтожение среды обитания будущих поколений (Чапаевск, Карабаш, Байкальск); в диверсификационных регионах, где в случае закрытия шахт люди рискуют потерять жизненную перспективу (Кузбасс, Донбасс); в регионах, где суть кризисной ситуации составляет эколого-экономическое противоречие (Магнитогорск, Омск, Астрахань, Ямал).

Везде, по крайней мере, первоначально, вопрос ставился с точки зрения «технократического тоталитаризма», предлагались и обсуждались проекты программ перепрофилирования предприятий, предложенных в ответ на закрытие производства природоохранными органами. Тезис социолога, состоявший в том, что выход из кризиса надо искать вместе с жителями города, а возможно и области, специалистами понимался буквально: *технологию* перепрофилирования надо обсуждать с населением. Очень трудно было убедить оппонентов хотя бы попытаться вникнуть в суть того, о чем говорит эксперт-социолог. Тем не менее, к концу обсуждения часть участников дискуссии осознавала, что речь идет о *программе социально-экономического развития поселенческой общности,* что в подобной программе перепрофилирование предприятия и его

техническая сторона являются лишь одним из элементов. Главное же состоит в том, что и как надо сделать, чтобы учесть интересы всех категорий населения, чтобы не только выживание, но и развитие города, территориальной общности перестало напрямую зависеть от наличия комбината, чтобы появились альтернативные экологически опасному производству рабочие места.

Такой подход как бы переворачивает привычное представление о кризисном управлении, поскольку в качестве ключевой проблемы выводит не отдельные элементы инфраструктурной или технологической перестройки, а социальный уклад, стиль жизни общности. Заметим, что подобный взгляд на идеологию кризисного управления (управления риском) может дать только социологический дискурс. Подчеркнём также, что встречи с жителями городов по поводу проектов программ перепрофилирования предприятий показывали, что население мыслит более «социологично», нежели большинство специалистов: идею изменения идеологии с перепрофилирования или модернизации производства на социально-экономическое развитие территориальной общности на общем сходе высказывали сами жители. Впрочем, это понятно: основной жизненный интерес высококвалифицированного специалиста – сохранить интересную и высокооплачиваемую работу, возможно и посредством смены места жительства. Для других категорий населения, напротив, важным оказывается сохранение «малой родины», среды обитания.

Опыт работы в кризисных регионах убеждает в том, что решать проблему можно только комплексно, разрабатывая программу социально-экономического развития региона (городской общности), развивая альтернативные градообразующему предприятию формы занятости населения. Подобного рода программа представляет собой нормативно-управленческий документ, но жизнеспособным этот документ будет при условии грамотной научной (в том числе социологической) поддержки и обоснования и при условии участия в разработке программы тех субъектов, интересов которых она непосредственно касается. В частности, если учитываются только технологические аспекты перепрофилирования градообразующих предприятий и не анализируется пространство интересов различных групп и категорий населения города-завода, – проблема не будет решена. Люди, общности, их потребности, интересы, нормы, ценностные ориентации, традиции, родственные и социальные связи, – вот реальные двигатели социального и экономического развития, а вовсе не гиганты индустрии и мифические государственные интересы.

Важнейшим социальным субъектом, от которого зависит направленность разрешения эколого-экономического противоречия, являются гражданские движения и общественные организации, составляющие суть гражданского общества. Возрождение территориальных, поселенческих общностей в этой связи представляется совершенно необходимым. В свою очередь, нельзя говорить о возрождении той или иной общности в отрыве от экологии, понимаемой в самом широком смысле. Пока мы не поймем той истины, что приоритеты экономического развития должны базироваться на концепции экологизации производства и потребления, перехода к устойчивым формам развития, а не «охраны природы», до тех пор все мы будем оставаться заложниками грядущей экологической катастрофы. Повышение степени востребованности социально-инженерной функции социологии со стороны общества, на наш взгляд, внесло бы определённый вклад в преодоление отчуждённости населения от процесса принятия решений. Неспособность предотвратить угрозу техногенной катастрофы ассоциируется населением с деятельностью недоступной для него и развивающейся по своим собственным законам системы государственного или местного управления.

В заключение отметим: рефлексия опыта работы в области изучения последствий бедствий и катастроф, способов преодоления кризисов и выхода из чрезвычайных ситуаций убеждает нас, что социологический и социально-управленческий дискурс в этой сфере в конечном итоге должен базироваться на концепции устойчивого развития, основное содержание которой состоит в необходимости стремиться соотносить темпы роста и направления развития экономики с природными возможностями страны в целом и отдельных регионов в частности. В значительной степени именно игнорирование принципов устойчивого развития обусловливает неэффективное управление процессами, имеющими место в условиях бедствий и катастроф, а также в реабилитационный период.

◆

Литература

1. Власть и общество в регионах России: практики взаимодействия: [монография] [Электронный ресурс]. / отв. ред. И.А. Халий. Электрон. текст. дан. (объем 2 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2015. 183 с. илл. 1 CD-ROM.

2. Дышать станет легче // Челябинский рабочий. 27.05.2004. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chrab.chel.su/archive/27-05-04/5/A132233.DOC.html (дата обращения: 15.01.2008 г.).

3. Информационная реабилитация г. Карабаша и ЗАО «Карабашмедь». [Электронный ресурс]. URL: http://www.propaganda.ru/ru/portfolio/projects/1_6.html./ (дата обращения: 15.01.2008 г.).

4. Кому нужен мертвый Карабаш? // Российская газета. 2.10.2005. [Электронный ресурс]. URL: http://www.advis.ru/php/print_news.php?id=051a0c06-ae4b-da11-af34-00c026a27f04 (дата обращения: 15.01.2008 г.).

5. Мозговая А.В. Технологический риск и экологическая составляющая качества жизни населения. Возможности социологического анализа. М.: Диалог-МГУ,1999. 92 с.

6. Мозговая А.В. Экологически устойчивое развитие и образ жизни: социологический подход // Россия: риски и опасности «переходного» общества / Институт социологии РАН. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 60–83.

7. Мозговая А.В. Экологически устойчивый образ жизни: факторы становления // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 104–111.

8. Об опыте создания обогатительной фабрики на ЗАО «Карабашмедь» // Технадзор. 7.09.2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tnadzor.ru/publications/detail.php?ID=1781 (дата обращения: 15.01.2008 г.).

9. Орешкина Т.А. Основные проблемы старопромышленных городов Урала // Актуализированные ценности современного российского общества: [монография] [Электронный ресурс]. / отв. ред. И. А. Халий. Электрон. текст. дан. (объем 2,2 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с. илл. 1 CD-ROM. С. 39–84.

10. Порфирьев Б.Н. Кризисы и риски современного развития. Место и роль стратегических рисков // Стратегические риски развития России: оценка и прогноз (сборник научных трудов) / Отв. ред. Б.Н. Порфирьев. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 9–31.

11. Последняя надежда на президента // Аргументы и факты – Челябинск. 11.02.2004. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chelpress.ru/newspapers/aif/current/2/22.shtml (дата обращения: 15.01.2008 г.).

12. Чирикова А.Е. Социальная политика в монопрофильном городе: корпорация и власть // Социальная политика бизнеса в российских регионах: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отд. глобал. пробл.; Отв. ред. Лапина Н.Ю. М., 2005. С. 137–185.

13. Экология не должна быть разменной картой в политических играх // Губерния. 2.08.2001. [Электронный ресурс]. URL: www.Kmez.ru/smi/econedol.shtml (дата обращения: 15.01.2008 г.).

14. Stern E.K. Crisis Decision making: A Cognitive Institutional Approach. Stockholm: University of Stockholm, 1999.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vlast' i obshhestvo v regionakh Rossii: praktiki vzaimodejstviya: [monografiya] [EHlektronnyj resurs]. / otv. red. I.A. KHalij. EHlektron. tekst. dan. (ob"em 2 Mb). M.: Institut sotsiologii RAN, 2015. 183 s. ill. 1 CD-ROM.

2. Dyshat' stanet legche // CHelyabinskij rabochij. 27.05.2004. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.chrab.chel.su/archive/27-05-04/5/A132233.DOC.html (data obrashheniya: 15.01.2008 g.).

3. Informatsionnaya reabilitatsiya g. Karabasha i ZAO «Karabashmed'». [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.propaganda.ru/ru/portfolio/projects/1_6.html./ (data obrashheniya: 15.01.2008 g.).

4. Komu nuzhen mertvyj Karabash? // Rossijskaya gazeta. 2.10.2005. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.advis.ru/php/print_news.php?id=051a0c06-ae4b-da11-af34-00c026a27f04 (data obrashheniya: 15.01.2008 g.).

5. Mozgovaya A.V. Tekhnologicheskij risk i ehkologicheskaya sostavlyayushhaya kachestva zhizni naseleniya. Vozmozhnosti sotsiologicheskogo analiza. M.: Dialog-MGU,1999. 92 s.

6. Mozgovaya A.V. EHkologicheski ustojchivoe razvitie i obraz zhizni: sotsiologicheskij podkhod // Rossiya: riski i opasnosti «perekhodnogo» obshhestva / Institut sotsiologii RAN. M.: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 1998. S. 60–83.

7. Mozgovaya A.V. EHkologicheski ustojchivyj obraz zhizni: faktory stanovleniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1999. № 8. S. 104–111.

8. Ob opyte sozdaniya obogatitel'noj fabriki na ZAO «Karabashmed'» // Tekhnadzor. 7.09.2007. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.tnadzor.ru/publications/detail.php?ID=1781 (data obrashheniya: 15.01.2008 g.).

9. Oreshkina T.A. Osnovnye problemy staropromyshlennykh gorodov Urala // Aktualizirovannye tsennosti sovremennogo rossijskogo obshhestva: [monografiya] [EHlektronnyj resurs]. / otv. red. I. A. KHalij. EHlektron. tekst. dan. (ob"em 2,2 Mb). M.: Institut sotsiologii RAN, 2015. 273 s. ill. 1 CD-ROM. S. 39–84.

10. Porfir'ev B.N. Krizisy i riski sovremennogo razvitiya. Mesto i rol' strategicheskikh riskov // Strategicheskie riski razvitiya Rossii: otsenka i prognoz (sbornik nauchnykh trudov) / Otv. red. B.N. Porfir'ev. M.: IEH RAN, 2010. S. 9–31.

11. Poslednyaya nadezhda na prezidenta // Argumenty i fakty – CHelyabinsk. 11.02.2004. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.chelpress.ru/newspapers/aif/current/2/22.shtml (data obrashheniya: 15.01.2008 g.).

12. CHirikova A.E. Sotsial'naya politika v monoprofil'nom gorode: korporatsiya i vlast' // Sotsial'naya politika biznesa v rossijskikh regionakh: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. TSentr nauch.-inform. issled. global. i region. probl. Otd. global. probl.; Otv. red. Lapina N.YU. M., 2005. S. 137–185.

13. EHkologiya ne dolzhna byt' razmennoj kartoj v politicheskikh igrakh // Guberniya. 2.08.2001. [EHlektronnyj resurs]. URL: www.Kmez.ru/smi/econedol.shtml (data obrashheniya: 15.01.2008 g.).

14. Stern E.K. Crisis Decision making: A Cognitive Institutional Approach. Stockholm: University of Stockholm, 1999.

УДК 338.57

Ступникова А.В.
Stupnikova A.V.

Интеграция рынка овощей юга Дальнего Востока РФ с российским и китайским рынками

Integration of the vegetable market of the south Russian Far East with the Russian and Chinese markets

Исследование проводилось в два этапа, на первом рассчитывалась волатильность относительных ИПЦ на овощи, на втором для исследуемых рынков оценивался эффект границы. Полученные результаты не подтвердили гипотезу о большей степени интегрированности рынка овощей южных дальневосточных регионов РФ с китайским рынком по сравнению с российским рынком. Однако установлено, что рынок овощей северо-восточных провинций Китая является более интегрированным с рынком овощей приграничных регионов Дальнего Востока РФ, чем китайский национальный рынок.

Ключевые слова: *рынок овощей, интеграция рынка, концепция пространственного рыночного равновесия, волатильность ИПЦ, эффект границы*

◆

The study included two phases, the first calculated relative volatility of the CPI for vegetables, for the second study evaluated the effect of border markets. The results did not confirm the hypothesis of a greater degree of integration of the vegetable market south of the Far Eastern regions of Russia with the Chinese market, compared with the Russian market. However it revealed that market vegetables of China's northeastern provinces is more integrated with the market vegetables border regions of the Russian Far East, than the Chinese national market).

Key words: *vegetable market, market integration, the concept of spatial market equilibrium, CPI volatility, the effect of the border*

В условиях нарастающей интернационализации важнейшей задачей государства является сохранение пространственной рыночной интеграции, предполагающей связанность отдельных сегментов рынка **[2]**. Обеспечение пространственной рыночной интеграции является условием оптимального функционирования рыночной системы страны, поскольку эффективное распределение ограниченных ресурсов, предотвращающее ослабление экономического роста, возможно лишь в условиях интегрированного рынка. Рыночная интеграция также предполагает конкурентоспособность рынка и эффективность ценообразования **[10; 11]**.

Высокая волатильность цен на внутреннем рынке, то есть их чрезмерная изменчивость по отношению к ценам на иных локальных рын-

СТУПНИКОВА Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры коммерции и товароведения Амурского государственного университета *(г. Благовещенск)*. **E-mail:** stupnikovaann@gmail.com

ках страны, свидетельствует о низком уровне интегрированности рынков **[9]**.

Анализ цен на региональном уровне и их сопоставление между собой позволяет выявить регионы, характеризующиеся наибольшей волатильностью цен.

Проведённые исследования свидетельствуют о том, что регионы Дальнего Востока РФ характеризуются особым поведением цен. Так, в 2003–2012 гг. дальневосточные регионы характеризовались наибольшей волатильностью цен на продовольственные товары. При этом высокими показателями волатильности характеризовались не только труднодоступные регионы ДВФО, но и вполне доступные южные приграничные регионы **[7]**. Особенность дальневосточных рынков также подтверждают результаты исследования К.П. Глущенко, согласно которым ДВФО является регионом, в долгосрочной перспективе стремящимся к дезинтеграции на национальном уровне **[1]**.

Возможной причиной сложившейся ситуации на Дальнем Востоке, наряду с влиянием монополистов, ограниченностью локальных рынков и низким эффектом масштаба, является влияние рынка Китая.

Географические особенности южных регионов Дальнего Востока предопределяют их активную внешнеторговую деятельность с китайскими провинциями. Так, например, для Амурской области, региона, имеющего самую протяжённую среди всех субъектов РФ границу с Китаем, в период 2000–2013 гг. доля Китая во внешнеторговом обороте варьировалась в пределах от 69,7% в 2004 г. до 88,1% в 2012 г., при этом удельный вес Китая в импорте изменялся в пределах от 72,7% в 2003 г. до 93,7% в 2008 г. Для остальных приграничных дальневосточных регионов Китай также является важным внешнеторговым партнёром, занимая значительную долю во внешнеторговом обороте.

Существенные поставки с Китая в приграничные дальневосточные регионы РФ могут являться тем фактором, который и определяет особое поведение цен в них. Для изучения данного вопроса в качестве объекта исследования был определён рынок овощей. Выбор рынка объясняется значительными поставками овощей с Китая в южные регионы Дальнего Востока РФ. Так, например, для Амурской области, согласно данным Федеральной таможенной службы, овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды занимают наибольшую долю в структуре импорта продовольственных товаров **[3]**.

Таким образом, учитывая высокие поставки овощей с Китая, предполагается, что рынок овощей юга Дальнего Востока более интегрирован с китайским рынком, а не с российским. А поскольку овощи импортируются преимущественно с северо-восточных провинций Китая, наибольшее влияние на процессы формирования и поведения цен оказывают рынки провинций Хэйлунцзян, Шаньдун, Цзянсу и Хэбэй.

Для проверки выдвинутой гипотезы были определены задачи исследования: оценить уровень интегрированности рынка овощей южных дальневосточных регионов с российским, китайским рынком и рынком овощей северо-восточных провинций Китая, основных производителей и поставщиков овощей на дальневосточный рынок. Сопоставление полученных результатов позволит сделать выводы относительно влияния внешних рынков на процессы формирования и поведения цен в южных регионах Дальнего Востока РФ.

Методика исследования

Исследование проводилось в рамках теоретической концепции пространственного рыночного равновесия. Результаты исследований пространственного рыночного равновесия, нашли своё отражение в мо-

дели Энке-Самуэльсона-Такаямы-Джаджа (ESTJ model). Смысл модели заключается в том, что если между двумя рынками происходит товарообмен, то арбитражная деятельность субъектов рынка, представляющая собой покупку товара в тех сегментах рынка, где он дешевле, для перепродажи в тех, где цена выше и осуществляемая с целью извлечения дохода, приведёт к уникальному равновесию, при котором цены на разных рынках будут различаться лишь на величину транспортных издержек арбитража, т.е. будет выполняться закон единой цены в слабой форме. Модель одновременно определяет межрегиональные торговые потоки и региональные цены, по которым товары предлагаются поставщиками или покупаются потребителями в каждом регионе в состоянии равновесия **[8]**.

Исследовательская работа проходила в два этапа, на первом этапе рассчитывалась волатильность относительных ИПЦ на овощи, на втором на исследуемых рынках тестировалось выполнение закона единой цены путём оценки эффекта границы.

Оценка пространственного поведения цен на овощи проводилась с использованием показателя волатильности, рассчитываемого как стандартное отклонение натуральных логарифмов относительных ИПЦ на овощи:

$$V(Ln(\frac{Pj}{Pk})) = \sqrt{\frac{1}{n}\sum_{t=1}^{n}(Ln(\frac{Pjt}{Pkt} - (Ln(\frac{Pj}{Pk})))^2}, \qquad (1)$$

где t – показатель времени; n – количество периодов времени, в течение которых фиксировались ценовые данные; $\frac{Pjt}{Pkt}$ – относительный ИПЦ на овощи, рассчитываемый как отношение ИПЦ на овощи на рынке j в период времени t, к ИПЦ на овощи на рынке k в период времени t.

Оценка эффекта границы осуществлялась с целью выявления степени влияния фактора границы на изменчивость цен на исследуемых рынках. Для оценки эффекта границы строились регрессионные модели, аналогичные предложенной К. Энгелем и Д. Рожерсом **[8]**. Для оценки эффекта границ для межнациональных рынков, регрессионная модель имела вид:

$$\sigma\,(q^i_{jkt}) = c + \beta_1 \ln dist_{jk} + \beta_2\, dc + \varepsilon_{jk}, \qquad (2)$$

где dist – расстояние в км между регионами,

dc – фиктивная переменная, которая оценивает эффект границы, она принимает 0 для пар регионов, расположенных в одной стране, и 1 для пар, расположенных в разных странах,

$\sigma\,(q^i_{jkt})$ – волатильность индексов цен, рассчитанная как стандартное отклонение относительных индексов цен $\sigma\,(q^i_{jk})$, где $q^i_{jk} = \log\,(Q_{jkt})$.

В свою очередь относительные индексы цен рассчитаны как:

$Q^i_{jkt} = P^i_{jt} / (S_t * P^i_{kt})$

где P^i_{jt} – индекс цен на товар i в регионе j в период времени t,

P^i_{kt} – индекс цен на товар i в регионе k в период времени t.

S_t – обменный курс.

Для оценки эффекта границ для субнациональных рынков использовалась регрессионная модель:

$$\sigma\,(q^i_{jkt}) = c + \beta_1 \ln dist_{jk} + \beta_2\, dm + \varepsilon_{jk}, \qquad (3)$$

где dist – расстояние в км между регионами,

dm – фиктивная переменная, которая оценивает положение регионов, она принимает 1 для пар регионов, один из которых относится к группе южных приграничных регионов, а другой не входит в эту группу, и 0 для пар, либо входящих в группу дальневосточных южных регионов, либо не входящих в неё,

σ (q^i_{jkt}) – волатильность индексов цен, рассчитанная как стандартное отклонение относительных индексов цен σ (q^i_{jk}), где $q^i_{jk} = \log (P^i_{jt}/P^i_{kt})$.

Результаты исследования

Оценка пространственного поведения цен

На первом этапе исследования проводилась оценка волатильности относительных индексов цен на овощных рынках южных регионов Дальнего Востока РФ и рынков всех китайских провинций. Исследуемыми рынками с российской стороны выступали рынки административных центров приграничных регионов Дальнего Востока РФ – рынки городов Благовещенск, Хабаровск, Чита, Владивосток, Биробиджан. Китайский рынок был представлен рынками 32 городов, административных центров китайских провинций. В качестве исходных ценовых данных выступали ежемесячные ИПЦ на овощи в период с 2008 по 2013 год. ИПЦ рынков овощей южных дальневосточных регионов были взяты с сайта Федеральной службы государственной статистики, данные об ИПЦ китайских рынков брались с сайта Центра китайской статистической информации Университета Мичиган **[4, 5]**.

Особенность расчёта показателей волатильности при исследовании межнациональных рынков заключалась в необходимости учёта обменной ставки курсов валют. Данные об ежедневных курсах валют были получены с сайта Центрального банка РФ, на основе которых были рассчитаны ежемесячные курсы валют.

В начале были посчитаны показатели волатильности для каждого из приграничных дальневосточных рынков в отдельности. В исследуемый период времени наименее волатильным по отношению к китайским рынкам оказался рынок овощей Забайкальского края (0,07272), наиболее волатильным – рынок ЕАО (0,07822) *(рис. 1)*. Поскольку разница между наибольшим и наименьшим показателем волатильности цен оказалась не столь существенной (0,0055), можно сделать вывод об относительно схожем поведении цен в дальневосточных приграничных регионах по отношению к ценам китайского рынка.

Далее составлялась общая база для расчёта показателей волатильности для каждой из 154 пар рынков (городской рынок южного региона Дальнего Востока РФ / городской китайский рынок). После расчёта 154 показателей волатильности для каждой пары рынков было посчитано среднее значение показателя волатильности относительных индексов цен на овощи, которое составило 0,0766.

Аналогичная процедура расчёта показателей волатильности относительных ИПЦ на овощи была проведена для рынков северо-восточных провинций Китая Хэйлунцзян, Шаньдун, Цзянсу и Хэбэй. Для обеспечения сопоставимости ценовых данных, использовались ИПЦ на овощи китайских городов Харбин, Цзинань, Нанкин и Шицзячжуан.

Расчёт показателей волатильности отдельно для каждого дальневосточного южного региона, показал, что наименее волатильным по отношению к овощным рынкам северо-восточных провинций Китая является рынок овощей Забайкальского края (0,07219), наиболее волатильным – рынок Хабаровского края (0,07815) *(рис. 2)*. Так же, как и при оценке влияния всего китайского рынка, разница между наибольшим и наименьшим показателем волатильности цен оказалась незначительной (0,006).

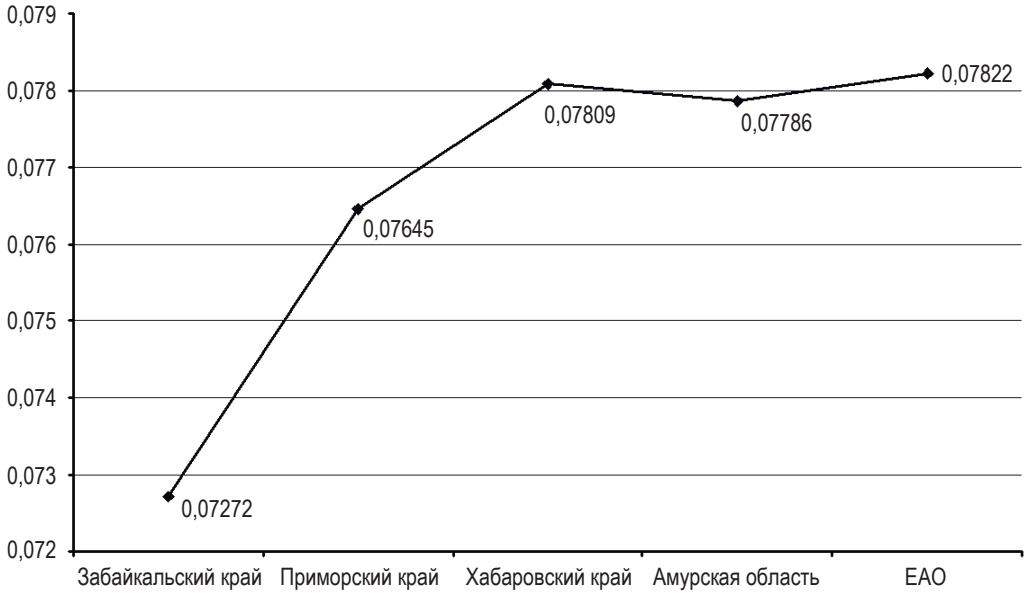

Рис. 1. Волатильность относительных (к китайскому рынку) индексов цен на овощи на рынках южных регионов Дальнего Востока РФ.
Источник: составлено автором.

Общее количество показателей волатильности, посчитанных для каждой пары рынков (городской рынок приграничного региона Дальнего Востока РФ / северо-восточный китайский городской рынок), составило 20, на основе которых было рассчитано среднее значение показателя волатильности равное 0,0764.

Также были посчитаны показатели волатильности для внутринациональных рынков. Расчёт показателей отдельно для каждого приграничного региона Дальнего Востока РФ, показал, что наименее волатильными по отношению к национальному рынку являются рынки овощей Амурской области (0,03798) и Забайкальского края (0,03779), наиболее волатильным рынок ЕАО (0,04426) *(рис. 3)*.

Таким образом, на основе проведённой оценки волатильности относительных ИПЦ на овощи внутринациональных и межнациональных рынков можно сделать вывод о том, что поведение цен в южных регионах Дальнего Востока РФ более схоже с поведением цен на российском национальном рынке овощей, нежели с поведением цен в целом на китайском рынке овощей и поведением цен северо-восточных провинций Китая в частности. Волатильность индексов для северовосточных китайских рынков и приграничных дальневосточных рынков оказалась немного меньше по сравнению с аналогичным показателем, рассчитанным для китайского рынка в целом и южных дальневосточных рынков *(рис. 4)*.

Оценка эффекта границы

Применение оценки эффекта границы в качестве способа тестирования выполнения закона единой цены позволило определить степень интегрированности южных дальневосточных рынков с национальными российским и китайским рынками овощей, а также с рынками овощей северо-восточных провинций Китая.

Для этого были построены регрессионные модели для трёх групп рынков. Оценка моделей проводилась по методу наименьших квадратов с помощью программы Ewies 7 *(Таблица 1)*.

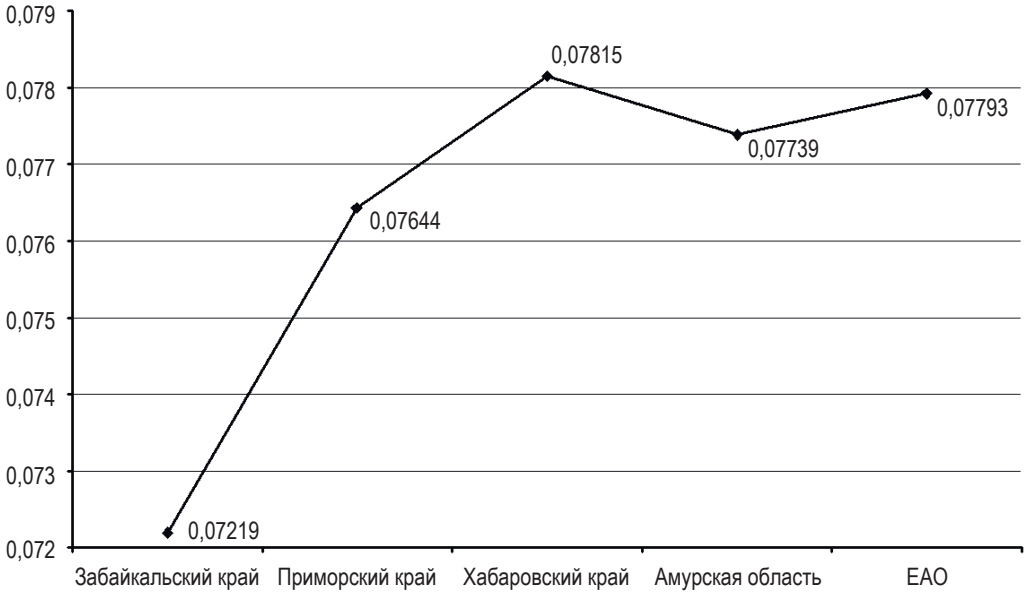

Рис. 2. Волатильность относительных (к северо-восточным китайским рынкам) индексов цен на овощи на рынках южных регионов Дальнего Востока РФ.
Источник: составлено автором.

Все оцениваемые параметры оказались значимыми на однопроцентном уровне, за исключением параметра расстояния регрессионного уравнения, составленного для южных дальневосточных рынков и северо-восточных китайских рынков, который оказался значимым лишь на десятипроцентном уровне.

Результаты оценки влияния фиктивной переменной на волатильность цен свидетельствуют о том, что пространственное положение рынков – это положительный фактор при исследовании всех трёх групп рынков.

Эффект границы для южных дальневосточных рынков овощей и китайского национального рынка составил 0,007075, что в 1,2 раза превышает значение параметра при переменной расстояния. Соответственно, изменчивость цен между рынками овощей южных регионов Дальнего

Таблица 1. Оценка влияния факторов расстояния и пространственного положения на интеграцию рынков.

Рынки	Показатели		
	ln $dist_{jk}$	Dm(Dc)	Adj. R^2
Юг Дальнего Востока РФ – КНР	0,00599***	0,007075***	0,128724
Юг Дальнего Востока РФ – Северо-восточные провинции КНР	0,004047*	0,000784***	0,126127
Юг Дальнего Востока РФ – РФ	0,003867***	0,000392***	0,133235

Примечание: * – 10%, ** – 5 %, *** – 1 % уровни значимости.
Источник: составлено на основе: **[4; 5; 6].**

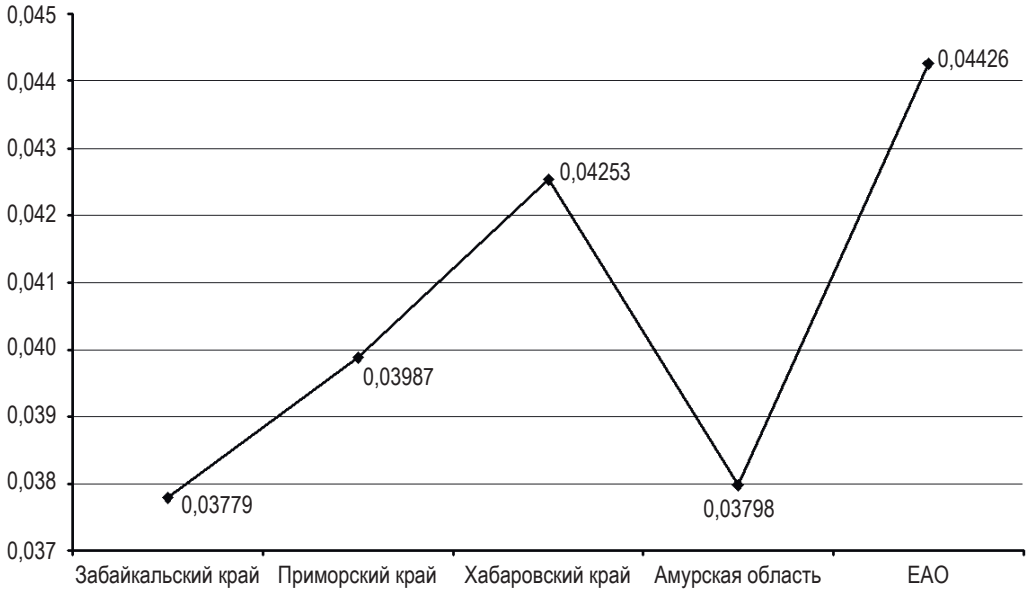

Рис. 3. Волатильность относительных (к рынкам субъектов РФ) индексов цен на овощи на рынках южных регионов Дальнего Востока РФ.
Источник: составлено автором.

Востока и Китая в большей степени объясняется наличием национальной границы, нежели расстояниями между ними.

Оценка эффекта границы для рынков овощей южных дальневосточных регионов и четырёх северо-восточных китайских провинций свидетельствует о том, что фактор расстояния в 5,2 раза больше влияет на изменчивость цен по сравнению с фактором границы. При этом эффект границы для приграничных дальневосточных рынков овощей и северо-восточных китайских рынков оказался в 9 раз меньше по сравнению с эффектом границы для приграничных дальневосточных рынков овощей и всего китайского рынка.

Оценка эффекта границы для рынка овощей южных дальневосточных регионов и национального российского рынка свидетельствует о том, что влияние фактора расстояния на волатильность цен почти в 10 раз превышает влияние фактора пространственного положения. Кроме того эффект границы для приграничных дальневосточных регионов и национального российского рынка оказался в 18 раз ниже по сравнению с эффектом границы для приграничных дальневосточных регионов и китайского национального рынка и в 2 раза меньше по сравнению с данным показателем рассчитанным для приграничных дальневосточных регионов и северо-восточных китайских провинций.

Заключение

По полученным результатам исследования могут быть сделаны следующие выводы:

♦ дальневосточный приграничный рынок РФ в общем так же, как и каждый из пяти исследуемых рынков в отдельности, демонстрирует достаточно схожую волатильность цен на овощи по отношению как к рынкам северо-восточных провинций Китая, так и к китайскому национальному рынку овощей;

♦ волатильность цен на овощи для южных дальневосточных рынков РФ почти в 2 раза больше по отношению к китайскому националь-

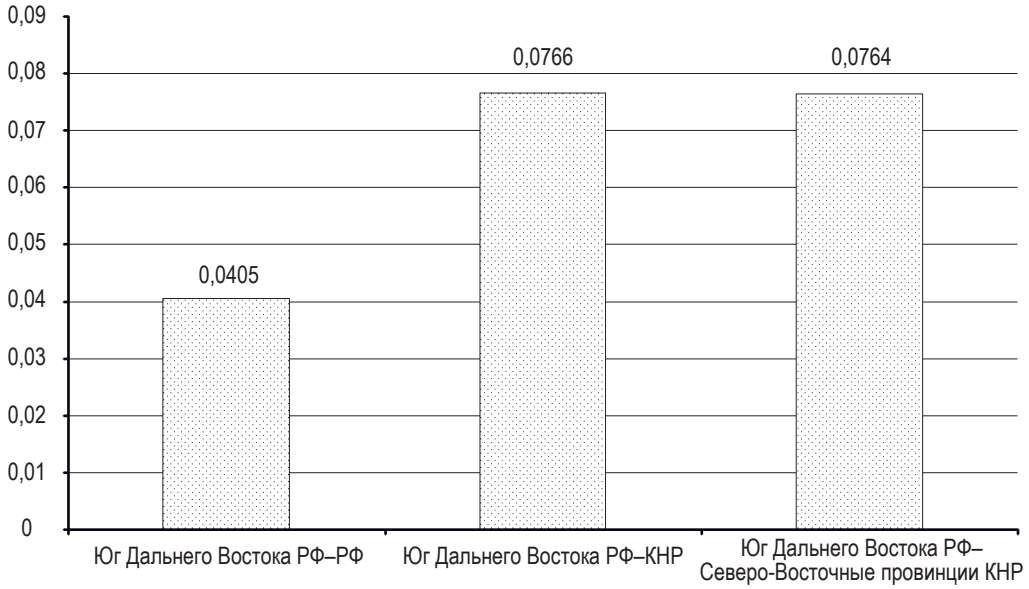

Рис. 4. Волатильность относительных индексов цен на овощи на внутринациональных и межнациональных рынках.
Источник: составлено автором.

ному рынку овощей, а также к рынкам северо-восточных провинций Китая, нежели к российскому национальному рынку овощей;

♦ самая высокая волатильность цен на овощи как по отношению к российскому, так и по отношению к китайскому рынку соответствует ЕАО, самая низкая – Забайкальскому краю;

♦ полученные значения эффекта границы подтверждают, что рынок овощей южных регионов Дальнего Востока РФ более интегрирован с национальным рынком овощей, нежели с китайским рынком в целом и с рынком северо-восточных китайских провинций в частности;

♦ рынки провинций Китая, являющихся главными производителями и поставщиками овощей, оказывают большее влияние на формирование и поведение цен на овощных рынках приграничных регионов Дальнего Востока РФ, чем китайский национальный рынок и, соответственно, являются более интегрированными с ними.

Главным результатом исследования является определение того, что рынок овощей юга Дальнего Востока более интегрирован с российским овощным рынком, а не с китайским. И хотя Китай, безусловно, оказывает влияние на поведение цен на овощи в приграничных регионах Дальнего Востока РФ, по полученным результатам исследования оно не столь существенное, как предполагалось. Возможно, это связано с тем, что в последнее время значительная доля овощей, особенно таких, как огурцы, томаты, морковь производятся на внутренних региональных рынках, при этом выращиванием этих овощей занимаются, в том числе граждане КНР. Кроме того возросли поставки овощей в дальневосточные регионы и из других стран, например, большая доля импортируемого лука завозится из Узбекистана. Соответственно, для выявления причин особенного поведения цен в южных регионах Дальнего Востока РФ должны быть проведены дополнительные исследования

◆

Литература

1. Глущенко К.П. Динамика распределения региональных цен в 2001–2010 гг. [Электронный ресурс]. - htpp: // www.regconf.hse.ru (Дата обращения: 12.01.2016 г.).

2. Глущенко К.П. Модели и методы исследования пространственной интеграции рынков товаров: Автореф. дис. … д-ра экон. наук: 08.00.13 [Текст]. Новосибирск, 2008. 33 с.

3. Материалы официального сайта Федеральной таможенной службы. [Электронный ресурс]. URL: http:// www.customs.ru (дата обращения 14.12.2015 г.).

4. Материалы официального сайта Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (дата обращения 23.12.2015 г.).

5. Материалы официального сайта Центра китайской статистической информации Университета Мичиган. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadatacenter.org (дата обращения 08.10.2015 г.).

6. Материалы сайта тарифов Почты России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.postcalc.ru (дата обращения 20.12.2015 г.).

7. Ступникова А.В. Пространственное поведение цен в Российской Федерации в 2003–2012 гг. [Текст] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3(33). С. 248–261

8. Barrett C.B. Spatial Market Integration // The New Palgrave Dictionary of Economics. London: Palgrave Macmillan, 2008.

9. Engel C., Rogers J.H. How Wide Is the Border? // American Economic Review. 1996. Is. 5. Pp. 1112–1125.

10. Fackler P., Goodwin B. Spatial Price Analysis // Handbook of Agricultural Economics. 2001. Vol 1B Marketing, Distribution and Consumption. Pp. 971–1024.

11. Helliwell J., Genevievve V. Measuring Internal Trade Distances: A New Method Applied to Estimate Provincial Border Effect in Canada // Canadian Journal of Economics. 2001. № 34. Pp. 1024–1041.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Glushhenko K.P. Dinamika raspredeleniya regional'nykh tsen v 2001–2010 gg. [EHlektronnyj resurs]. - htpp: // www.regconf.hse.ru (Data obrashheniya: 12.01.2016 g.).

2. Glushhenko K.P. Modeli i metody issledovaniya prostranstvennoj integratsii rynkov tovarov: Avtoref. dis. … d-ra ehkon. nauk: 08.00.13 [Tekst]. Novosibirsk, 2008. 33 s.

3. Materialy ofitsial'nogo sajta Federal'noj tamozhennoj sluzhby. [EHlektronnyj resurs]. URL: http:// www.customs.ru (data obrashheniya 14.12.2015 g.).

4. Materialy ofitsial'nogo sajta Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru (data obrashheniya 23.12.2015 g.).

5. Materialy ofitsial'nogo sajta TSentra kitajskoj statisticheskoj informatsii Universiteta Michigan. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.chinadatacenter.org (data obrashheniya 08.10.2015 g.).

6. Materialy sajta tarifov Pochty Rossii. [EHlektronnyj resurs]. URL: http:// www.postcalc.ru (data obrashheniya 20.12.2015 g.).

7. Stupnikova A.V. Prostranstvennoe povedenie tsen v Rossijskoj Federatsii v 2003–2012 gg. [Tekst] // EHkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2014. № 3(33). S. 248–261

8. Barrett C.B. Spatial Market Integration // The New Palgrave Dictionary of Economics. London: Palgrave Macmillan, 2008.

9. Engel C., Rogers J.H. How Wide Is the Border? // American Economic Review. 1996. Is. 5. Pp. 1112–1125.

10. Fackler P., Goodwin B. Spatial Price Analysis // Handbook of Agricultural Economics. 2001. Vol 1B Marketing, Distribution and Consumption. Rr. 971–1024.
11. Helliwell J., Genevievve V. Measuring Internal Trade Distances: A New Method Applied to Estimate Provincial Border Effect in Canada // Canadian Journal of Economics. 2001. № 34. Pp. 1024–1041.

УДК 908(470.4)

Берестова Е.М., Васина Т.А., Субботина А.М.
Berestova E.M., Vasina T.A., Subbotina A.M.

Социокультурные аспекты развития здравоохранения в Камско-Вятском регионе в XIX – начале XX в.

Social partnership and processes of social and cultural transformation in the Kama and Vyatka Region (second half of XIX – early XX century)

В статье анализируется процесс социокультурных изменений в Камско-Вятском регионе России в период XIX – начала XX в., связанных с развитием системы медицинской помощи населению. Выявляется роль земских учреждений, государства, военного и горного ведомств, православной церкви в обеспечении доступности системы здравоохранения разным категориям местных жителей, профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями, преодолении негативных проявлений в отношениях с медицинским персоналом. Делается вывод о сложном переплетении традиционных и современных элементов в культурных ориентациях проживающих в регионе народов при обращении за медицинской помощью в изучаемый период.

Ключевые слова: *история России, Камско-Вятский регион, здравоохранение, Камские заводы, земство, православное духовенство*

◆

The authors analyzes the process of social and cultural transformation in the Kama and Vyatka region of Russia on the example of the development of health system in the XIX – early XX century. The article defines the role of different organizations (government institutions, zemstvo and the Orthodox Church) in ensuring availability of medical care. The analysis of ethnographic, statistical and other sources allows to make a conclusion about the formation of complex cultural situation. Traditional and modern elements formed a contradictory combination in the life of the local population.

Key words: *Russian history, Kama and Vyatka region, zemstvo, social and cultural transformation, healthcare, Kamsky plants, Orthodox clergy*

Период XIX – начала XX в. характеризовался постепенными изменениями в культуре России и отдельных её регионов. Основное направление изменений связано с проникновением в народную среду

Статья выполнена в рамках проекта № 15-13-6-6 «Модернизационные стратегии социальных трансформаций российской периферии (XVIII – начало XXI в.)» Программы УрО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

БЕРЕСТОВА Екатерина Михайловна, к.и.н., заведующая кафедрой культурологии и менеджмента в культуре Удмуртского государственного университета *(г. Ижевск)*. **E-mail:** kaberestova@mail.ru

ВАСИНА Татьяна Анатольевна, к.и.н., старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН *(г. Ижевск)*. **E-mail:** tatjasch@mail.ru

СУББОТИНА Анна Михайловна, к.и.н., доцент кафедры культурологии и менеджмента в культуре Удмуртского государственного университета *(г. Ижевск)*. **E-mail:** anmisu@yandex.ru

культуры научной, что создавало интересные переплетения традиций и инноваций. Особенно заметно это было в сфере образования. В области здравоохранения предпринятые шаги были менее масштабны, но не менее значимы. В дело активного воздействия на население включились разные организации (церковь, земства, ведомства и др.). В Камско-Вятском регионе, к которому относится территория Удмуртии (Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский уезды Вятской губернии), этот процесс отличался своей спецификой, связанной с разнородным составом населения.

В XIX в. основную часть жителей территории Удмуртии составляла полиэтничное крестьянство, в среде которого преобладали вполне традиционные взгляды на здоровье и болезнь. Как отмечает Г.Е. Верещагин, удмурты в XIX в. для лечения заболеваний обращались чаще к деревенским знахарям и знахаркам, нежели в больницу. И только исключительные случаи могли заставить их пойти к фельдшеру **[3, с. 43]**. Народная медицина удмуртов того периода основывалась на широком использовании лекарств на основе трав и магии (заговоры, обереги, обряды). Г.Е. Верещагин описывает обряд, связанный с верой в то, что на женщину может наслать болезнь кукла, с которой она играла в детстве. В связи с этим в некоторых местах было принято для лечения женских заболеваний хоронить куклу в земле, муравейнике, бросать на старом (дохристианском) кладбище **[3, с. 46]**.

Г.Е. Верещагин объясняет предпочтение народных целителей среди удмуртского населения языковыми трудностями в общении с врачами и фельдшерами. Можно сделать более широкое предположение о том, что местное население испытывало недоверие ко всему чужому. Имела значение и финансовая сторона вопроса. До начала XX в., когда сеть земских медицинских учреждений значительно расширилась, крестьянин должен был преодолеть значительное расстояние для обращения за профессиональной медицинской помощью, или ждать, когда врач посетит ближайший населённый пункт в ходе объезда территории. В результате, как отмечает Г.Е. Верещагин, к врачу шли поздно, когда болезнь переходила в тяжёлую или хроническую фазу и лечение оказывалось малоэффективным **[3, с. 62-63]**.

Квалифицированная медицинская помощь была доступна в городах и заводских посёлках. В населённых пунктах при Камских заводах (Камско-Воткинском железоделательном, Ижевских оружейном и железоделательном) Сарапульского уезда для лечения разных категорий рабочих и служащих были созданы заводские госпитали – медицинские учреждения горного и военного ведомств. В начале XIX в. были введены в эксплуатацию госпитальные здания, включавшие комплекс построек медицинского и хозяйственного назначения. Воткинский госпиталь имел больничные палаты на 70 мест, аптеку, аптекарский огород, баню, кладовые **(ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 597. Л. 4)**. Ижевский госпиталь в дореформенное время был рассчитан на 150 мест и включал 3 корпуса, соединённых коридорами, флигель (где располагались баня и прачечная), лабораторию, домик для анатомирования, ещё одну баню и два погреба с амбаром **(ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1545. Л. 28 об.)**. Госпитали находились на казённом обеспечении. Кроме того, на счёт госпиталей поступал определённый процент с жалованья заводских служащих, а также половина заработка пациентов и полагавшийся им провиант, которые удерживались на время лечения.

Право на получение медицинской помощи имели лица, числившиеся в заводском штате (мастеровые, оружейники, непременные (урочные) работники, нижние чины, военнослужащие и прочие, занятые на производстве либо получавшие содержание от заводов), а также члены

их семей. Остальные жители (купцы, мещане, крестьяне, дворовые и иные «вольнопроживающие») не могли рассчитывать на лечение в медучреждениях горного и военного ведомств **[2, с. 76]**.

В начале XIX в. Камские заводы испытывали некоторые затруднения в пополнении медицинских кадров: госпитальные служители назначались из отставных мастеровых. При нехватке вспомогательного персонала штаб-лекарю, заведующему госпиталем, приходилось не только наблюдать больных в палате, но и выдавать лекарства в аптеке **(ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 597. Л. 4 об.)**. Поэтому, например, при воткинской малой горной школе в помощь лекарю была организована подготовка лекарских и аптекарских учеников, от которых требовалось знание латыни и умение составлять лекарства по рецептам.

Штатное расписание Камско-Воткинского завода 1847 г. включало 46 чел.: старшего и младшего лекарей, 7 фельдшеров, 2 лекарских учеников, аптекаря, 2 аптекарских учеников, комиссара (ответственного за материальную часть), повивальную бабку, ветеринарного врача, 26 госпитальных служителей, предусматривались должности письмоводителя, трубочиста и профоса (отвечающего за чистоту в помещениях) **(ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5535. Л. 38–38 об.)**.

При ижевском госпитале, по данным на 1829 г., числились штаб-лекарь, лекарь, 3 фельдшера (старший и 2 младших), в аптеке – гезель (помощник аптекаря) и аптекарский ученик **[13, с. 81–82]**. В 1832 г. на службу была взята повивальная бабка **(ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1883. Л. 5–5 об.)**. В дореформенный период в госпитале трудились штаб-лекари Д.К. Зоммер, И.Т. Воскобойников, Е.М. Федосов, Г.В. Имшенецкий, И.С. Рябцов, Ф.И. Чистосердов, старший лекарь И.С. Метаниев, младшие лекари Ф.М. Островский, Н.И. Сагин, С.А. Шмигиро, А.В. Кочетков, А.Л. Малевский, аптекари А.К. Бояновский, С.И. Мезенцев, М.Е. Бахман, Ф.И. Боне, фельдшер П.А. Пушин, акушерка А.А. Пинаева, ветеринар А.И. Баршевский; при воткинском – штаб-лекари Е.Е. Зюзич, И.Т. Воскобойников, М.К. Родоросскамский, доктор медицины и хирургии С.Ф. Тучемский, лекари Л.Я. Морозов, Я.А. Мейер, Д.П. Страхов, провизоры В.И. Бервальд, К.К. Бояновский, Н.Ю. Петер, фельдшер О.Г. Жарихин, повивальные бабки М. Бояршикова и Е.Т. Сосиновская, ветеринар К.А. Яроцкий и др.

Деятельность врачей заключалась не только в ежедневном приёме больных, но и в изучении специфики и причин заболеваний, просветительской работе. Так лекари ижевского госпиталя выделили эндемические болезни, изучили влияние на их возникновение ландшафта, климата и образа жизни заводского населения. Они отметили, что сырой климат, туманы, испарения от болот и речек способствуют распространению лихорадок и «горячек», ревматизма, болезней пищеварительной и дыхательной систем; плохое освещение (свечи и лучины) и шум в цехах (стук молотов) приводят к болезням глаз и нарушению слуха и т.д. **(ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1379. Л. 18 об.)** Разрабатывались диеты для больных: С.Ф. Тучемским в 1840 г. было предложено ввести первую и вторую ординарные порции, а слабую и кисельную разделить на три вида каждую **(ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 4609. Л. 1–3 об.)**.

Дополнительно в 1852 г. в Камско-Воткинском заводе был сформирован Комитет общественного здравия, цель которого заключалась в организации профилактических мер по предупреждению эпидемий и падежей скота, а также в просвещении заводского населения. В частности, комитет способствовал популяризации «Наставления, как предохранять себя от холеры во время эпидемий» (автор – С.Ф. Тучемский), правил содержания домашнего скота, правил гигиены человека и т.д.

После отмены крепостного права и обязательной службы на предприятиях медико-социальные условия жизни индустриальных рабочих изменились. В переходный период можно было наблюдать некоторое ухудшение ситуации. Мастеровые, оружейники и непременные (урочные) работники были переведены из горного и военного ведомств в гражданское (в категорию сельских обывателей) и фактически лишились права на лечение в заводских госпиталях.

В деревнях и сёлах Удмуртии значительная часть работы по распространению санитарно-гигиенических знаний возлагалась на приходское духовенство. Для этого с 1840 г. по 1867 г. в период обучения в духовной семинарии будущие священнослужители знакомились с основами медицины. Как отмечает А.В. Власова, в российском обществе преобладало мнение, что именно священник является наиболее авторитетной фигурой для своих прихожан: «…Прежде всего, резко бросается в глаза… зависимость народа от своего батюшки, указывающая на преданность церкви. И действительно, без батюшки у народа ничего не делается, особенно, что касается его важнейшей духовно-нравственной стороны жизни» **[4, с. 16]**. Руководство православной церкви также полагало, что священники и члены причта, будучи нередко единственными образованными людьми на территории прихода, должны уметь оказывать первую помощь при несчастных случаях и, главное, способствовать медицинскому просвещению прихожан. Так, в указе Вятской духовной консистории № 9033 от 27 ноября 1856 г., по представлению главного медика Министерства государственного имущества, приходским священникам предлагалось усилить просветительскую работу среди удмуртов и марийцев в связи с распространением глазных болезней. Для этого духовенство должно было внушать своим прихожанам правила гигиены, убеждать оставить свои привычки сидеть под дымом и при первых признаках болезни обращаться к врачам, а не к знахарям **(ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 286. Л. 59–69)**.

В 1867 г. преподавание медицины в семинариях было прекращено из-за отсутствия пособий. Вместо этого сельские священники стали централизованно обеспечиваться народными лечебниками, брошюрами с практическими наставлениями для просвещения крестьян и оказания им помощи **[7, с. 238]**. Периодические издания духовного ведомства также не оставляли без внимания проблемы санитарно-гигиенического просвещения. В частности, на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» публиковались заметки, посвящённые деятельности духовенства во время эпидемий и организации работы по борьбе с болезнями **[9, с. 964–968; 8, с. 898–903]**. По предписанию Вятского епархиального начальства сельское духовенство было обязано приобретать и распространять среди населения брошюру «Наставления, как помогать во внезапных несчастных случаях, угрожающих жизни» **(ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 3. Д. 271. Л. 62)**.

Особое внимание духовное ведомство уделяло распространению медицинских знаний среди коренного населения. Сотрудники созданной в 1875 г. Переводческой комиссии при братстве Святого Гурия в Казани перевели на удмуртский язык и опубликовали серию брошюр медицинского характера: «Бережённого бог бережёт (наставления, как уберечься от заболевания холерой)», «Советы матерям об оспопрививании детей» (1897 г.), «О трахоме» (1898 г.), «Поучения о воспитании и обучении детей» **[16, с. 28–34]**.

Некоторые приходские священники и сами занимались врачебной практикой. Из отчётов благочинных священников известно, что медицинскую помощь своим прихожанам оказывали священники с. Старый Мултан П. Тукмачев, с. Большие Учи П. Авраамов. с. Нижний Лып

А. Пинегин, с. Котловки П. Сенилов, с. Чутырь В. Раевский, с. Гольяны П. Мышкин, с. Сада А. Попов **[1, с. 181]**.

Но, несмотря на предпринимаемые усилия, в середине XIX в. смертность населения края оставалась высокой. В 1861–1865 гг. из 50 губерний европейской части России Вятская губерния занимала место в последней десятке. На 1000 жителей в ней умирало 42 человека. Детская смертность достигала 40 и больше процентов от всех родившихся **[14, с. 189–196]**.

Значительную роль в увеличении смертности, особенно среди детей, играли заболевания инфекционного характера: оспа, тиф, скарлатина, коклюш, дифтерия, корь, дизентерия, холера и др. На их долю приходилось до 30% и более от общего количества умерших.

Высокий уровень инфекционных заболеваний, который периодически приобретал эпидемический характер, был связан как с несвоевременным обращением к профессиональной медицинской помощи, так и с особенностями хозяйствования, культуры, гигиенических навыков местного населения. Врачи отмечали, что причинами распространения эпидемий оспы и тифа являются недостаточная вакцинация, несовершенство больничного оборудования, нехватка медицинских специалистов и экономические условия крестьянской жизни **(ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 67. Л. 268)**. Рост эпидемий наблюдался в зимне-весенние месяцы, когда запасы хлеба у крестьян заканчивались. Несоблюдение рекомендуемых гигиенических норм в жилищах, дворах, водоёмах, следование ритуалам, которые не учитывали фактор заражения от больного, трупа, его одежды и т.п., плохое питание и скученность были благоприятной средой для распространения инфекционных болезней. Неслучайно неурожаи и голод начала 1890-х гг. сопровождались крупной эпидемией холеры в крае. Характеризуя масштабы и причины эпидемии тифа в середине 1860-х гг., «Памятная книжка Вятской губернии» писала, что значительное число заболевших было в партиях политических ссыльных, перевозившихся по Сибирскому тракту, где преобладают теснота, холод и сырость этапных зданий. В городах тиф получил распространение в низком классе людей, живущих в дурных, тесных и сырых помещениях, испытывающих недостаток средств и физическое истощение. В сельской местности больше пострадали женщины, поскольку они чаще проводят время дома. В крестьянских избах зимой содержат и скот, от чего в них «неопрятность и грязь» **[12, с. 86–87]**.

Улучшение ситуации земские учреждения, введённые в крае в 1867 г., видели в обеспечении доступности медицинской помощи за счёт развития сети специализированных учреждений и персонала, преодоление недоверия и даже враждебности крестьян. В 1913 г. на территории Удмуртии население обслуживали 36 земских больниц и приёмных покоев на 816 кроватей, 49 земских врачей, 207 фельдшеров, 55 акушерок, 20 оспопрививателей **[15, с. 90]**. В 1869 г. на 1000 жителей к услугам медицинского персонала обратилось 2 человека. В 1913 г. спрос вырос уже до 750 человек **[15, с. 92]**.

Важную роль в развитии медицины в крае продолжали играть заводские госпитали. В Камско-Воткинском заводе к началу XX в. бесплатная медицинская помощь оказывалась только постоянным рабочим предприятия, а их семьи лечились за счёт кассы горнозаводского товарищества; временные рабочие и внештатные служащие получали помощь в земской больнице. Госпиталь по-прежнему размещался в деревянном одноэтажном здании начала XIX в., имел 8 палат (70 коек) и барак для заразных больных (20 мест); функционировали амбулатория, аптека; оказывалась акушерская помощь **[17, с. 180, 191, 193]**. В 1883 г. здесь работали врач, 3 фельдшера, повивальная бабка и аптекарь; лечи-

лись 779 чел., наблюдались амбулаторно 3920 чел. **[6, с. 123]**. В 1884 г. медучреждение возглавил И.А. Спасский, ранее трудившийся земским врачом в Ижевске.

В Ижевском заводе в связи с реорганизацией – переводом предприятия с 1865 г. в арендно-коммерческое управление и созданием в 1866 г. хозяйственного отделения – изменилась и структура здравоохранения. Арендаторы содержали приёмный покой, здесь работал врач (доктор медицины И. Заксендаль), старший и младший фельдшеры, служитель **(ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1999. Л. 36)**. В 1879–1884 гг. численность занимавших койки больных составляла до 23 чел., а приходящих – до 660 чел. в месяц **(ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2555. Л. 12)**. Покой функционировал до середины 1884 г. и был закрыт в связи с возвращением Ижевских оружейного и сталеделательного заводов в ведение государства.

Параллельно при хозяйственном отделении существовал Ижевский местный военный лазарет. Решение о преобразовании госпиталя в лазарет было принято в 1865 г. в связи с предстоящим освобождением рабочих от обязательной службы на производстве и переводом их из военного ведомства в гражданское (с 1867 г.). Окончательно ижевский госпиталь был упразднён приказом по военному ведомству с 1 января 1873 г. (но фактически действовал до середины июня).

Первоначально лазарет располагался в здании госпиталя, которое к тому времени обветшало, дважды горело (в 1865 и 1878 гг.) и не отвечало необходимым санитарным условиям. Новое помещение было введено в эксплуатацию только в декабре 1886 г.: в северном и южном флигелях устроены 6 палат для больных, приёмная, комната дежурного фельдшера, канцелярия (кабинет врача), перевязочная, операционная, аптека, комнаты для служителей, кухня, кладовые, умывальная, туалет **(ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3045. Л. 43)**.

По Положению о лазаретах от 15 июля 1869 г. ижевский лазарет попадал в категорию небольших медицинских военных заведений. Он был рассчитан на 20 мест (18 для мужчин и 2 для женщин). Денежные средства выделялись из расчёта 25 коп. в сутки на больного. Право на лечение имели воинские чины Ижевской местной артиллерийской команды, Ижевского отдела Казанского окружного артиллерийского склада, полковые ученики, новобранцы и т.д., а сельские обыватели заводского селения и округи получали медицинскую помощь в земской больнице. Рабочие предприятия, по Положению о вольнонаёмных мастеровых и рабочих в артиллерийских технических заведениях от 15 августа 1870 г., имели право пользоваться советами врача, отпуском медикаментов и лечением за счёт казны в течение двух месяцев **(ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2555. Л. 2)**. В 1894 г. медицинское учреждение насчитывало 50 коек: 14 хирургических, 10 для внутренних болезней, 5 кожных, 3 венерических, 4 глазных, 14 инфекционных **(ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3045. Л. 1–3 об.)**. Количество больных в тот год составляло: на стационарном лечении – 1196 чел., на амбулаторном – 185 нижних чинов и 11015 рабочих **(ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3045. Л. 75)**. К 1901 г. в лазарете служили старший врач, 3 младших врача, заведующий, 5 младших медицинских фельдшеров, 2 младших аптечных фельдшера, 3 писаря, надзиратель с помощником, повар, хлебопёк, чернорабочий, 7 лазаретных служителей **(ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3488. Л. 98–101)**. В пореформенное время здесь трудились младший врач И.А. Кострицъ (заведовал госпиталем в переходный период), старшие врачи лазарета И.И. Андржеевский, А.В. Михайловский, Б.К. Бурланд, Д.М. Сакович, В.Ф. Велямович, младший врач Ф.Е. Игнатьев и др.

Врачи края и земские учреждения особое внимание уделяли разработке и принятию мер для профилактики и быстрого реагирования на

эпидемические вспышки. Этим целям служили санитарная и эпидемическая организации. Роль санитарных выполняли образованные незадолго до Первой мировой войны земско-медицинские советы. Впервые вопрос о том, чтобы ввести эпидемического врача в число своих служащих, Вятское губернское земское собрание подняло в 1889 г. К 1914 г. губернская эпидемическая организация состояла из 12 эпидемических врачей (одного – губернского и 11 уездных), 11 эпидемических фельдшеров, 11 дезинфекторов **[5, с. 110]**. Для эпидемических больных содержались отделения в земских больницах. Открывались временные больницы на местах эпидемий, куда срочно отправлялись врачи и фельдшерский персонал.

Наиболее целенаправленный характер из профилактических мер носило оспопрививание. В доземское время оспопрививатели набирались в качестве натуральной повинности из крестьянских мальчиков, прошедших обучение у врачей. Более профессиональный подход был на заводах. В Ижевском заводе эпидемии прекратились к концу 1850-х гг. За заслуги в деле оспопрививания выдавались награды Вольного экономического общества: фельдшер Ф.Я. Ведерников был награждён серебряной медалью (в 1847–1864 гг. он привил свыше 13 тыс. детей разных сословий) **(ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1696. Л. 1–2, 5)**, а фельдшер П.А. Пушин – золотой.

С 1811 г. на основании положения Комитета Министров «О распространении прививания коровьей оспы в губерниях» открывались комитеты по прививанию предохранительной оспы. В их задачи входило ведение учёта лиц, не прошедших вакцинацию, проведение профилактических прививок, обеспечение оспопрививателей необходимой вакциной и инструментами, обучение оспопрививанию. В Камско-Воткинском заводе оспенный комитет появился в 1812 г. В его состав вошли врачи госпиталя, помощник управляющего заводом, горный исправник, вальдмейстер, полицмейстер и протоиерей. Оспопрививание в заводском селении и отделениях непременных работников проводили И.Т. Воскобойников и М.К. Родоросскамский, а в 1827–1830 гг. под руководством С.Ф. Тучемского было привито 2770 младенцев **(ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 3950. Л. 1–1 об.)**. За заслуги в деле оспопрививания серебряных медалей Вольного экономического общества были удостоены лекарский ученик А. Лушников, фельдшер О.Г. Жарихин (привил 4922 младенца и повторно ещё 500 подростков, создал депо прививочного материала), урядник А.Е. Иванов (в 1846–1858 гг. привил 8469 чел.) **(ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7250. Л. 79об.–80; Д. 7495. Л. 1-2)**.

В земский период профилактика оспы преимущественно была сосредоточена в руках медицинского персонала, что привело к сокращению штата оспопрививателей. Вакцину получали за пределами Вятской губернии. С 1870-х гг. было организовано также собственное её производство. Прививки ставили детям грудного возраста. Преобладал способ надреза руки ланцетом. В конце XIX в. постепенно стала внедряться вакцинация с помощью укола (в Малмыжском уезде и др.). Эффективность прививок была достаточно низкая. До 40% из них были неудачными, что требовало повторной вакцинации. Несмотря на все усилия, полного охвата прививками всех новорождённых достичь не смогли. Часть населения весьма негативно относилась к этой процедуре. Врачи отмечали стойкое нежелание прививать своих детей среди старообрядцев. Поэтому полностью изжить оспу из края не удавалось. Вопрос об обязательности оспопрививания неоднократно поднимали местные земства, но положительного решения он не нашёл.

Специальное внимание врачей вызывало достаточно широкое распространение сифилиса в крае. Среди причин указывались трудовые

миграции населения, распространение добрачных и внебрачных отношений среди отдельных групп местного населения (в частности, удмуртов), проституция, несвоевременное обращение за медицинской помощью **(ГАКО. Ф. 616. Оп. 6. Д. 41. Л. 237–240)**. Среди мер борьбы были просвещение путём распространения пособий, переведённых на языки народов региона, добровольный и принудительный (для некоторых категорий) осмотр, выделение коек на стационарное лечение и др.

Масштабная эпидемия холеры начала 1890-х гг. сделала актуальным вопрос о более серьёзном подходе к мерам профилактики и предупреждения вспышек инфекционных заболеваний. Эта тема стала главной на состоявшемся в 1893 г. VI съезде врачей Вятской губернии. По итогам обсуждений в 1895 г. были опубликованы «Обязательные постановления для населения Вятской губернии о мерах охранения народного здравия». Они были составлены губернским земством с учётом рекомендаций врачей и получили утверждение губернатора. В 1913 г., переработанные и дополненные, они были переизданы. В Постановлениях регламентировались захоронение трупов животных, сброс мусора и нечистот, соблюдение чистоты питьевой воды и водоёмов, изготовление и продажа пищевых продуктов и напитков, определялись санитарные нормы в отношении промышленных предприятий, общественных учреждений, домохозяйств. На население возлагались обязанности по информированию о случаях заболевания, предоставлению помещений для эпидемических больных, осуществлению дезинфекционных работ и оказанию содействия органам власти и медицинскому персоналу **[10; 11]**.

Эпидемическая ситуация ухудшилась в годы Первой мировой войны. Этому способствовали перемещение больших масс людей, сложные материальные условия жизни, мобилизация медицинского персонала. Количество заболеваний росло, увеличивалась нагрузка на врачей, число которых наоборот сокращалось. Всё это вызвало необходимость принятия дополнительных противоэпидемических мер. В их числе открытие «заразных бараков», привлечение временного персонала, обучение оспопрививанию учителей и другой местной интеллигенции (на основании вышедших в 1915 г. «Правил о курсах подготовки к оспопрививанию лиц немедицинского звания»), санитарные осмотры поездов, беженцев, вакцинация от тифа всех, кто выписывался из земских госпиталей и др.

В целом, если не брать во внимание экстремальные условия Первой мировой войны, можно сделать вывод о том, что в Камско-Вятском регионе, как и во всей европейской части России, в начале XX в. наметились определённые результаты в изменении взаимоотношений населения и медицинского персонала. Доступность профессиональной помощи жителям края многократно возросла. Были выработаны методы профилактики и борьбы с инфекционными заболеваниями. Спрос на медицинские услуги свидетельствует о преодолении, по крайней мере, у части населения края недоверия к врачам и фельдшерам. Всё это способствовало небольшому, но хорошо просматриваемому, снижению смертности с 42,2% в 1861–1865 гг. до 36,7% в 1911–1913 гг. **[14, с. 189–191]**. Народная традиция поддержания здоровья испытывала давление со стороны научной медицины, но продолжала успешно сосуществовать с ней.

◆

Литература

1. Берестова Е.М. Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века): Социально-культурная деятельность. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 232 с.

2. Васина Т.А. Медико-социальные условия жизни индустриальных рабочих Ижевского завода в XIX веке // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2011. Вып. 1. С. 75–82.

3. Верещагин Г.Е. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 204 с.

4. Власова А.В. Социальная деятельность Русской православной церкви на Урале во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ижевск. 2011. 16 с.

5. Журналы Вятского губернского земского собрания 46-й очередной сессии 1–19 декабря 1913 г. Вятка, 1914. Т. 1. 298 с.

6. Календарь Вятской губернии на 1885 год. Вятка, 1884. 332, 6 с.

7. Кузнецов С.В. Культура русской деревни // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 384 с.

8. Наставления о мерах личного предохранения от холеры // Вятские епархиальные ведомости. 1910. № 29. С. 898–903.

9. О слепоте и о мерах предупреждения её в народе // Вятские епархиальные ведомости. 1909. № 35. С. 963–968.

10. Обязательные постановления для населения Вятской губернии о мерах охранения народного здравия. Вятка, 1995. 32 с.

11. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1913 год. Вятка, 1913. 210, 191, 306 с. Отд. I.

12. Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 годы. Вятка, 1866. 120, 294, 18 с. Отд. III.

13. Положение для Ижевского оружейного завода. СПб., 1829. 92 с.

14. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М.: Госиздат, 1956. 352 с.

15. Субботина А.М. Земство и удмуртская крестьянская община. Инновационный потенциал народной агрикультуры. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. 188 с.

16. Фролова Г.Д. Удмуртская книга. История книгопечатания. Современная книга. Ижевск: Удмуртия, 1982. 232 с.

17. Хлопин Г.В. Казённые заводы и рудники Урала в санитарно-врачебном отношении // Горный журнал. 1916. № 6. Т. II. С. 172–209.

18. Штат и положение для Камско-Воткинского железоделательного завода. СПб., 1828. 185 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Berestova E.M. Pravoslavnaya tserkov' v Udmurtii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka): Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost'. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 2005. 232 s.

2. Vasina T.A. Mediko-sotsial'nye usloviya zhizni industrial'nykh rabochikh Izhevskogo zavoda v XIX veke // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya. 2011. Vyp. 1. S. 75–82.

3. Vereshhagin G.E. Sobr. soch.: V 6 t. T. 2: Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoj gubernii Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 1996. 204 s.

4. Vlasova A.V. Sotsial'naya deyatel'nost' Russkoj pravoslavnoj tserkvi na Urale vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. Avtoref. dis. … d-ra ist. nauk. Izhevsk. 2011. 16 s.

5. ZHurnaly Vyatskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 46-j ocherednoj sessii 1–19 dekabrya 1913 g. Vyatka, 1914. T. 1. 298 s.

6. Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1885 god. Vyatka, 1884. 332, 6 s.

7. Kuznetsov S.V. Kul'tura russkoj derevni // Ocherki russkoj kul'tury XIX veka. T. 1. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1998. 384 s.
8. Nastavleniya o merakh lichnogo predokhraneniya ot kholery // Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. 1910. № 29. S. 898–903.
9. O slepote i o merakh preduprezhdeniya eyo v narode // Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. 1909. № 35. S. 963–968.
10. Obyazatel'nye postanovleniya dlya naseleniya Vyatskoj gubernii o merakh okhraneniya narodnogo zdraviya. Vyatka, 1995. 32 s.
11. Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1913 god. Vyatka, 1913. 210, 191, 306 s. Otd. I.
12. Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1866 i 1867 gody. Vyatka, 1866. 120, 294, 18 s. Otd. III.
13. Polozhenie dlya Izhevskogo oruzhejnogo zavoda. SPb., 1829. 92 s.
14. Rashin A.G. Naselenie Rossii za 100 let. M.: Gosizdat, 1956. 352 s.
15. Subbotina A.M. Zemstvo i udmurtskaya krest'yanskaya obshhina. Innovatsionnyj potentsial narodnoj agrikul'tury. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 2010. 188 s.
16. Frolova G.D. Udmurtskaya kniga. Istoriya knigopechataniya. Sovremennaya kniga. Izhevsk: Udmurtiya, 1982. 232 s.
17. KHlopin G.V. Kazyonnye zavody i rudniki Urala v sanitarno-vrachebnom otnoshenii // Gornyj zhurnal. 1916. № 6. T. II. S. 172–209.
18. SHtat i polozhenie dlya Kamsko-Votkinskogo zhelezodelatel'nogo zavoda. SPb., 1828. 185 s.

УДК 341.1/8

Горян Э.В.
Goryan Eh.V.

Ликвидация калечащих женщин практик (FGM) в Дагестане в контексте борьбы с насилием в отношении женщин в России: приверженность международным стандартам или апелляция к культурным традициям?

The elimination of female genital women practices (FGM) in Dagestan in the context of combating violence against women in Russia: a commitment to international standards or an appeal to the cultural traditions?

Автор исследует причины неэффективности национального механизма защиты прав человека, в частности, в аспекте борьбы с насилием в отношении женщин на Северном Кавказе. Особое внимание уделено международным обязательствам Российской Федерации в данной сфере, которые не соблюдаются по причине культурных традиций.

Ключевые слова: *права человека, насилие в отношении женщин, международные соглашения, культурные традиции, FGM*

◆

Author researches reasons of national mechanism's ineffectiveness of human rights protection and elimination of violence against women in Northern Caucasus in particular. The attention is paid to international obligations of Russian Federation in this sphere which are breached for reason of cultural traditions.

Key words: *human rights, violence against women, international treaties, cultural traditions, FGM*

Доклад правозащитной организации «Правовая инициатива по России» **[19]**, подготовленный старшим юристом Ю.А. Антоновой и к.п.н., президентом «Центра исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие» (г. Ростов-на-Дону) С.В. Сиражудиновой, опубликованный в августе 2016 г., вызвал резонанс среди общественности и политиков. Комментарии, поступившие в ответ на доклад и варьирующиеся от отрицания изложенной в нем проблемы и высмеивания авторов до призывов экстремистского характера, свидетельствуют о замалчивании проблемы органами власти и медицинскими учреждениями Северного Кавказа, низком уровне образования в сексуальной сфере и правовой культуры российского общества в целом. Несмотря на факт публикации С.В. Сиражудиновой результатов социологического исследования в Республике Дагестан с последующим концептуальным осмыслением социологических, антропологических и культурологических концепций, а также характеристикой причин и детерминант практики женского обрезания **[27]**, что является первым

ГОРЯН Элла Владимировна, к.ю.н., доцент кафедры частного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток)*. **E-mail:** crs@isras.ru

научным исследованием проблемы в отечественной литературе, ни учёные, ни политики не обратили на него внимания.

Проблема защиты прав женщин и девочек в сфере репродуктивного здоровья – калечащие операции на гениталиях женщин (female genital mutilation, FGM – англ.) или, иными словами, женское «обрезание» (далее по тексту – FGM) является последние тридцать лет актуальной для западного общества: смешение культур, происходящее в мире как в результате миграции, так и существования многонациональных и поликонфессиональных государств, приводит к «переносу» социальных норм из традиционных культур в современные, что не всегда оказывает положительный эффект на общество. Если ранее проблема FGM рассматривалась исследователями в аспекте защиты прав женщин и детей в развивающихся странах (преимущественно африканских и ближневосточных), то сейчас она занимает ключевые позиции в научных исследованиях и средствах массовой информации государств Европы и Северной Америки. В России FGM выступает в качестве одного из проявлений насилия в отношении женщин и распространено как в северокавказском регионе, так и среди мусульман, представленных мигрантами.

Цель данной статьи заключается в исследовании практических аспектов выполнения Российской Федерацией взятых на себя международно-правовых обязательств, в частности, насколько государственный аппарат, представленный конкретными должностными лицами, претворяет в жизнь идеи, отображённые в ратифицированных международных соглашениях, т.е. реализует конкретные правовые предписания, закреплённые в нормах международного права, а также в выявлении причин и путей ликвидации подобных нарушений.

С целью получения наиболее достоверных научных результатов был использован ряд общенаучных (системно-структурный, формально-логический и герменевтический методы) и специальных юридических методов познания (историко-правовой и сравнительно-правовой методы). Так, с помощью системно-структурного метода исследовался международно-правовой механизм обеспечения прав женщин в сфере личной неприкосновенности. Формально-логический метод использовался для уяснения содержания норм международного права, регулирующих отношения в исследуемой сфере. В значительной мере этот метод дополнялся сравнительно-правовым методом, который позволил определить и сравнить содержание правовых норм в разных правовых системах. Герменевтический метод использовался для определения эволюции содержания международных правовых актов с момента констатации проблемы FGM, а также для определения отношения органов власти, общества, религиозных организаций к рассматриваемой проблеме в условиях членства в ООН и Совете Европы. С помощью историко-правового метода проблема борьбы с FGM рассматривалась в контексте уточнения содержания международных правовых актов на протяжении последних лет. Использование этих методов имело комплексный характер.

В зарубежной научной литературе проблема FGM как часть более общей проблемы борьбы с насилием отношении женщин и детей рассматривается как в юридическом аспекте **[37; 40]**, так и в более широком аспекте миграционной политики и здравоохранения Швейцарии **[42]**, Финляндии **[39]**, Нидерландов **[38]**, Италии **[34]** и пр. Представляют интерес монографии, авторы которых избрали междисциплинарный подход в освещении проблемы FGM как части глобальной проблемы защиты прав женщин и детей **[31; 32; 41]**, а также вышедшее в 2016 г. Руководство для социальных служб по защите детей **[36]**.

В современной юридической литературе проблеме насилия в отношении женщин уделяется недостаточно внимания. Большинство ис-

следований посвящены уголовно-правовым аспектам данной проблемы, международно-правовые исследования акцентированы на характеристике международно-правовых и национальных механизмов защиты прав женщин, уделяют внимание этому явлению и криминологи. Кроме указанной работы С.В. Сиражудиновой **[27]**, следует отметить работы А.И. Волковой, уделившей внимание сравнительно-правовому аспекту данной темы **[2]**, и Н.А. Голованова, рассматривающей ликвидацию FGM в контексте имплементации Российской Федерации Стамбульской конвенции 2011 г. **[5]**.

Все вышеуказанное и объясняет актуальность данного исследования.

Насилие в отношении женщин определяется как любой акт насилия, совершённый на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни **[8]**. Универсально признанным является тезис об обязанности государств предотвращать такие нарушения прав человека, набирает силу тенденция возложения ответственности на государства за насилие в семье, которое рассматривается как нарушение основных прав человека. При определении причин насилия в отношении женщин исследователи (К. Миллет, К. Родина) отмечают такое свойство общества, как его патриархальность: основным орудием подавления личности при патриархате выступает семья, в которой власть основана на социально сконструированном различии и противопоставлении полов. Непропорциональность размеров власти мужчин и женщин поддерживается сексистской социализацией и образованием, равно как и влиянием религии и средств массовой информации **[25, с. 17]**.

На международном уровне государства до сих пор не могут согласовать положения соответствующего договора о ликвидации насилия в отношении женщин. Пока что международные документы носят рекомендательный, программный характер. Очень важно, что в Декларации об искоренении насилия в отношении женщин 1993 г. отображён тезис о недопустимости государств ссылаться на любые обычаи, традиции или религиозные мотивы для уклонения от выполнения своих обязательств в отношении искоренения насилия в отношении женщин (ст. 4), призвав государства принимать все необходимые меры, особенно в области образования, в целях изменения социальных и культурных моделей поведения мужчин и женщин и искоренения предрассудков, обычаев и другой практики, основанных на идеях неполноценности или превосходства одного из полов или на стереотипных представлениях о роли мужчин и женщин (п. 4j).

О недопущении оправдания нарушения прав женщин «культурными традициями» было указано на четвёртой Конференции по положению женщин 1995 г. и закреплено в её заключительных документах: Пекинской декларации и Платформе действий **[21]**. Так, в разделе D «Насилие в отношении женщин» Платформы действий отмечается, что насилие в отношении женщин в течение всей их жизни обусловлено главным образом культурными традициями, в частности негативным воздействием определённых традиционных методов или обычаев и всех актов экстремизма, связанного с различиями по признаку расовой принадлежности, пола, языка или религии, что способствует сохранению подчинённого статуса женщины в семье, на работе, в общине и в обществе. Насилие в отношении женщин усугубляется социальным давлением, главным образом чувством стыда, не позволяющим женщинам сообщать об определённых актах, которые совершаются по отношению к ним; отсутствием

у женщин доступа к юридической информации, помощи или защите; отсутствием законов, фактически запрещающих насилие в отношении женщин; неспособностью реформировать существующее законодательство; недостаточными усилиями со стороны государственных органов по содействию распространению информации о существующих законах и обеспечению их соблюдения; и отсутствием просветительских и других мер по устранению причин и последствий насилия. Сцены насилия в отношении женщин в средствах массовой информации, в частности изображающие изнасилование или сексуальное порабощение, а также использование женщин и девочек в качестве объектов сексуального вожделения, включая порнографию, являются факторами, способствующими сохранению такого насилия и негативно сказывающимися на обществе в целом и на детях и молодёжи в частности.

Платформа устанавливает стратегические цели на пути решения проблем, определяя виды деятельности, которые должны осуществляться правительствами государств, акцентируя внимание на 1) осуждении насилия в отношении женщин и отказе от ссылок на любые обычаи, традиции или религиозные мотивы в целях уклонения от выполнения своих обязательств в отношении его искоренения (п. 124.a); 2) принятии всех необходимых мер, особенно в области образования, в целях изменения социальных и культурных моделей поведения мужчин и женщин и искоренении предрассудков, обычаев и любой другой практики, основанных на идеях неполноценности или превосходства одного из полов или на стереотипных представлениях о роли мужчин и женщин (п. 124.k).

Особого внимания, по мнению международного сообщества, заслуживает такая социальная группа, как девочки: будучи наиболее уязвимой частью женского населения, они во многих странах подвергаются дискриминации, начиная с самого раннего возраста, в детстве, и достигнув совершеннолетия. Это связано с культурными и социальными причинами: 1) калечащие операции на женских половых органах; 2) предпочтение сыновей – что приводит к умерщвлению новорождённых девочек и выбору пола ребёнка до рождения и женскому инфантициду; 3) ранние браки, включая браки в детском возрасте; 4) насилие в отношении женщин; 5) сексуальная эксплуатация, половое принуждение; 6) дискриминация в отношении девочек при распределении продовольствия и другие виды практики, влияющие на здоровье и благополучие. В результате этого, меньшее число девочек по сравнению с мальчиками доживают до взрослого возраста (п. 259). Кроме того, в обществе господствуют установки, что девочки должны быть на последнем месте, что наносит ущерб их самоуважению (п. 260). Связанный с дискриминацией по признаку пола процесс образования, включая школьные программы, учебные и методические материалы, поведение учителей и взаимоотношения в классе, закрепляет существующее неравенство полов (п. 261). Авторы Платформы подчеркнули роль средств массовой информации (п. 262) в формировании дискриминационных социальных установок путём распространения противоречивой и вводящей в заблуждение информации относительно роли полов.

В Платформе была выделена особая стратегическая цель, поставленная перед всеми государствами, – ликвидация негативных культурных традиций и практики в отношении девочек (L. 2). Для этого правительства должны: а) поощрять и поддерживать неправительственные организации и общинные организации в их усилиях по содействию изменению негативных традиций и практики в отношении девочек; б) разрабатывать учебные программы, подготавливать методические материалы и учебники, которые будут информировать взрослых о пагубных последствиях отдельных традиционных видов практики или обы-

чаев для девочек; в) разрабатывать и принимать школьные программы, методические материалы и учебники, направленные на повышение уровня самосознания, улучшение жизни и расширение возможностей получения работы для девочек, особенно в тех областях, в которых женщины традиционно не были в достаточной степени представлены, таких как математика, наука и техника; и главное, г) принимать меры к тому, чтобы традиции, религия и формы их выражения не являлись основой для дискриминации девочек (п. 276).

В 2013 г. Комиссия ООН по положению женщин приняла путём консенсуса Согласованные выводы по ликвидации и предотвращению всех форм насилия в отношении женщин и девочек **[29]**. Комиссия настоятельно призвала государства решительно осудить все формы насилия в отношении женщин и девочек и отказаться от ссылок на любые обычаи, традиции или религиозные мотивы в целях уклонения от выполнения своих обязательств в отношении его искоренения в соответствии с Декларацией об искоренении насилия в отношении женщин (п.14). Для этого необходимо: 1) осуществить обзор и пересмотр, изменение или отмену всех законов, постановлений, стратегий, практики и обычаев, носящих дискриминационный характер по отношению к женщинам или влекущих за собой дискриминационные последствия для них; 2) обеспечить соответствие положений множественных правовых систем (в тех странах, где они существуют) международным обязательствам и принципам в области прав человека, включая принцип недискриминации **[12]**.

Однако во время обсуждения проекта Согласованных выводов, не все государства единодушно поддержали эти положения. Так, представители Ирана, Судана, Ливии, Египта, России и Ватикана ссылались на традиционные и религиозные причины. Представители Египта, где в тот момент доминирующей политической силой выступало религиозно-политическое движение «Братья-мусульмане», заявили, что подобные тезисы «разрушат общество» – речь идёт о предоставлении египетским женщинам равных возможностей в управлении семейным бюджетом, свободы передвижения без сопровождения мужчин, а также об искоренении практики подвергать девочек калечащим операциям на женских гениталиях **[12]**.

Аргументы указанных государств, в том числе и России, касались неприятия по причине традиционных ценностей таких вопросов, как права сексуальных меньшинств, сексуального образования подростков, доступа к контрацепции и абортам, а также признания изнасилованием принуждение женщины к сексу со стороны мужа **[12]**.

Несмотря на призывы международного сообщества не оправдывать нарушения прав женщин, в том числе и насилие, культурными и религиозными причинами, представители России, тем не менее, постоянно апеллируют к традициям, которые, по их мнению, присущи российскому обществу. В качестве основания для аргументации приемлемости или неприемлемости гарантирования тех или иных прав человека, в данном случае женщин, были взяты тезисы из Послания Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г.: «Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность, и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность. Попытки государства вторгаться в сферу убеждений и взглядов людей – это, безусловно, проявление тоталитаризма» **[22]**. Однако сторонники ограничения прав человека, ссылающиеся на нравственность, не позволяющую признать существование как прав сексуальных меньшинств, так и право женщин

на аборт, проигнорировали тезис о недопустимости установления нравственности законом, о тоталитарности таких попыток.

Подобные аргументы были использованы представителями власти и общественности Российской Федерации как при обсуждении необходимости подписания и ратификации Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (так называемой Стамбульской конвенции) **[13]**, так и при обсуждении законопроекта «О предупреждении и профилактике семейно-бытового насилия», подготовленного Советом при президенте РФ по правам человека и развитию гражданского общества **[9]**. Однако по данным МВД, в России до 40% всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье. В 2013 г. от преступных посягательств погибло более 9 тысяч женщин, более 11 тысяч женщин получили тяжкий вред здоровью. В 2014 г. более 25% зафиксированных в стране убийств были совершены в семье, и тогда же зарегистрировано почти 42 тысячи преступлений в отношении членов семьи. За шесть месяцев 2015 г. уже зафиксировано около двух тысяч убийств и более пяти тысяч фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Ежегодно 26 тысяч детей становятся жертвами преступных посягательств, из них около 2 тысяч погибают, 8 тысяч получают телесные повреждения, ещё 2 тысячи детей и подростков, спасаясь от жестокого обращения со стороны родителей, кончают жизнь самоубийством **[3]**. К сожалению, в официальных источниках не удалось найти статистическую информацию по республикам Северного Кавказа по данным категориям преступлений. По утверждению исследователей, реальная статистика не отражает существующего состояния дел, поскольку в большинстве случаев потерпевшие не обращаются в правоохранительные органы, а если и обращаются, то зачастую из заявления не принимаются или производство по уголовным делам прекращается **[1]**.

Стамбульская конвенция предусматривает также конкретные обязательства государств по ликвидации практики FGM, которые заключаются (ч. 2 ст. 4): в осуждении всех форм дискриминации в отношении женщин и своевременном принятии необходимых законодательных и других мер для предупреждения дискриминации, в частности отмены законов и отказе от практики, которые являются дискриминационными в отношении женщин. Статья 18 возлагает на участников Стамбульской конвенции обязанность принять необходимые законодательные или иные меры, в соответствии со своим внутренним законодательством, для обеспечения того, чтобы имелись соответствующие механизмы для реализации эффективного сотрудничества между всеми соответствующими государственными учреждениями, включая судебную систему, прокуратуру, правоохранительные органы, местные и региональные органы власти, а также неправительственные организации и иные соответствующие организации и органы, в целях защиты и оказания поддержки жертвам и свидетелям всех форм насилия, подпадающих под сферу действия конвенции, включая направление жертв в общие и специализированные службы поддержки.

В конвенции дано определение FGM (ст. 38), которое рассматривается как вид гендерного насилия, которое должно быть криминализировано (п. (a): удаление, инфибуляция или совершение любой другой мутиляции на всех или части больших половых губах, малых половых губах или клиторе. Кроме того, конвенция обязывает государств-участников принять меры к уголовному преследованию лиц, принуждающих или предоставляющих женщин для того, чтобы она подверглась любому из актов FGM (п. (b), а также подстрекающих, принуждающих или предоставляющих девушек для того, чтобы они подверглись любому из

актов FGM (п. (c). В качестве женщин конвенция рассматривает девочек и девушек в возрасте до 18 лет (п. (f) ст. 4).

Для успешной борьбы с такой практикой необходимо исследование всех факторов, стимулирующих её устойчивость. Недавние исследования показали, что FGM как ритуал не всегда являются социальной нормой, поддерживаемой всеми членами общества **[33, с. 1446]** – приверженность этой жестокой практике зависит от индивидуальных убеждений (например, от веры в положительное влияние женского обрезания на верность мужу), поэтому для борьбы с ритуалом необходимо изучать все разнообразие индивидуальных верований и предрассудков.

Несмотря на практическое отсутствие массовой миграции из стран Африки в Российскую Федерацию, считается, что женскому населению нашего государства подобные практики не угрожают. Однако распространение и поддержку среди мусульманских общин республик Северного Кавказа получает FGM первого типа. В религиозных СМИ даётся богословское и медицинское обоснование этой практики **[16]**, однако официальные данные о распространённости указанной процедуры, равно как и о лицах, которые осуществляют её (медицинские работники или иные лица), отсутствуют. По словам представителей общественной организации «Матери Дагестана за права человека», масштаб пропаганды FGM очень большой **[23]**. Согласно докладу «Правовой инициативы», практика FGM распространена преимущественно локально в таких районах, как Цунтинский и Бежтинский участок, Ботлихский район, Цумадинский и Тляратинский районы. Среди старшего поколения женское обрезание, практиковавшееся там до 1970–1990-х гг., встречается и в Гумбетовском, и в Унцукульском районах. Южный Дагестан (Табасаранский и Агульский районы) в географию данного исследования не попал, но эксперты-врачи отмечали, что и там встречается достаточно большой процент **[19, с. 43]**.

Учитывая опыт Египта, где FGM был запрещён (за исключением случаев медицинской необходимости, и медицинские работники таким образом оправдывали подобные операции), необходимо законодательное регулирование таких операционных вмешательств. Кроме того, велик приток мигрантов из республик Средней Азии, в которых активно действуют радикальные течения ислама. Не стоит игнорировать деятельность вербовщиков ИГИЛ (запрещённая в РФ террористическая организация), которые обращают в радикальный ислам молодых юношей и девушек, становящихся наиболее активными приверженцами религии и исповедующих так называемый «настоящий» ислам. Примечательно, что, по мнению опрошенных женщин, которые стали жертвой FGM и практикуют FGM в отношении своих дочерей, бессмысленно препятствовать распространению подобной практики, поскольку она связана с традициями и этнической культурой. Более того, эту практику необходимо сохранять и распространять посредством разъяснения и беседы с религиозными деятелями **[19, с. 45]**.

Поэтому борьба с подобными явлениями должна осуществляться в тесном взаимодействии религиозных деятелей с органами власти, образования, здравоохранения, общественными правозащитными организациями. Но прежде всего следует признать наличие проблемы – существование и пропаганду подобных традиций и религиозных ритуалов.

Развитые страны озаботились проблемой FGM ещё в 80-е гг. XX века: в Швеции эта практика была криминализована в 1982 г., в Великобритании – в 1985 г., в США – в 1997 г., в ФРГ – в 2010 г. Однако российский законодатель до недавнего времени **[20]** такой проблемы или не видел, или предпочитал не обращать на неё внимания. Возможен и третий вариант – определённая лояльность к властям субъектов РФ в

данном вопросе в обмен на поддержание внутренней политики национальной безопасности. По утверждению С.В. Сиражудиновой **[27, с. 54]** в России практика FGM чаще встречается среди последователей шафиитского мазхаба, хотя она прижилась только у отдельных этносов. Официальное дагестанское духовенство и салафиты приветствуют эту практику и оправдывают данный обычай пользой для женщины, отображая свою позицию в информационных ресурсах. В противовес ей на международных сайтах распространена информация о слабости хадисов, указывающих на женское обрезание: ливанский аятолла М.Х. Фадлалла выпустил фетву о его запрете, так как форма, в которой оно совершается, наносит вред психике, здоровью и сексуальным возможностям женщины. Однако имамы салафитских мечетей официально утверждают, что женщин нужно подвергать такой практике; согласно экспертному опросу, салафиты и традиционные мусульмане (представители официального духовенства) едины во мнении о желательности (и даже необходимости) женского обрезания **[19, с. 45; 27, с. 54]**.

В Дагестане женское обрезание сохранилось как обряд, закреплённый традициями и связанный с религией, несущий смысл инициации, контроля над женщиной и ограничения её сексуальности. Подобная практика обусловлена стремлением подчинить женщину (принести её в жертву мужчине с единственной целью, «чтобы она не гуляла»). Живя и развиваясь в замкнутых локальных традиционных обществах, неподдающихся никакому регулированию, преодолеть дискриминацию женщинам очень трудно **[27, с. 54-55]**.

Вышесказанное свидетельствует, что под прикрытием «традиционных ценностей» в российском обществе массово распространяются и оправдываются явления, которые Российская Федерация официально осудила, присоединившись к основным международно-правовым актам: это и FGM **[23]**, и убийства из «соображений чести» **[1]**, и попытки снижения брачного возраста у женщин в некоторых субъектах Российской Федерации **[6]**, и браки по принуждению **[17]**. О проблеме домашнего насилия и насилия в отношении женщин говорят в основном правозащитные общественные организации **[15; 19]**, в то время как представители органов власти, которые обязаны в своей правоприменительной деятельности придерживаться обязательств, взятых на себя российским государством согласно международным договорам (ст. 32) **[28]**, и защищать права человека, ссылаются на культуру, обычаи, религию и традиции в качестве оправдания неисполнения своих обязанностей.

Вопрос FGM в Дагестане впервые был вынесен на обсуждение органов власти 26 мая 2016 г. на заседании Общественного Совета по защите материнства при Главе Республики Дагестан Уполномоченным по защите семьи, материнства и прав ребёнка при Главе Республики Дагестан И. Мамутаевой, которая квалифицировала такую практику как нарушение прав ребёнка. Она обратилась к органам власти республики с требованием «контролировать этот вопрос, вести просветительскую работу» **[19, с. 35]**. Показательно, что заседание проводилось в закрытом режиме, поскольку, по словам И. Мамутаевой, «если таковой проблемы на самом деле нет, не стоит создавать ненужный шум. А если есть, то её надо пресекать и без лишних скандалов. Необходимо изучить ситуацию на местах и проводить работу с женским населением. Но преувеличивать масштабы проблемы не стоит. Проблема женского обрезания есть в двух-трёх, максимум – шести районах республики. А в Дагестане 55 муниципальных образований. Надо не раздувать из этого сенсацию, а работать с людьми на местах, перевести разговор в нормальное русло, чтобы они глупостями не занимались. И уж точно сюда не надо при-

писывать ислам. В мусульманских традициях никогда не было ничего подобного. Женское обрезание – это не про ислам, а про фанатизм» **[10]**.

Что касается других субъектов, которые обязаны в силу своих полномочий и общественного статуса показывать высокий уровень правовой культуры и реагировать надлежащим образом на нарушения прав граждан Российской Федерации, то представляет научный интерес позиция члена Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России И.А. Бердиева. Будучи председателем Координационного центра мусульман Северного Кавказа, который обязан противодействовать религиозному экстремизму и имеет высокий авторитет среди верующих своего региона, он признал существование обычая FGM и вначале выступил с его одобрением, предложив распространить на всех женщин **[18]**, однако через некоторое время обратил его в шутку, сопроводив высказываниями дискриминационного характера **[24]**.

Первый заместитель Председателя Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман РФ Р. Аббясов прокомментировал ситуацию относительно женского обрезания, указав на этнический характер традиции, однако не осудил и не призвал к искоренению практики **[26]**. Примечательно, что Совет муфтиев России также не сделал официального заявления по данному поводу с осуждением и запретом FGM, а также предупреждением применить меры ответственности к нарушителям, в частности, религиозным лицам, подстрекающим к осуществлению подобных практик.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что как официальные религиозные организации, так и представители органов власти следуют общей тенденции – замалчиванию проблемы FGM наряду с общей проблемой насилия в отношении женщин и детей. Так, член Совета по правам человека при Президенте РФ, председатель постоянной комиссии по социальным правам А. Соболева считает, что эта тема должна обсуждаться в узком кругу экспертов, чтобы не привести к росту популярности этой процедуры. По её мнению, общественное обсуждение FGM приведёт к росту домашнего насилия в радикальных общинах и распространению в других субъектах федерации. Недоумение вызывает её тезис о том, что законодательным запретом эту традицию не искоренить, так как обрезание детям делают с согласия родителей **[4]**. Сказанное свидетельствует о неосведомлённости некоторых членов Совета по правам человека при Президенте РФ о Стамбульской конвенции, подписание и ратификация которой позволит имплементировать соответствующий нормативный механизм защиты прав женщин и детей от насилия, включая FGM. Кроме того, в рамках Совета Европы были разработаны рекомендации борьбы с подобными практиками.

Поэтому проблему мы видим в плоскости культуры российского общества и представителей государственного аппарата вообще и правовой культуры в частности. Невежество, отсутствие элементарных познаний в анатомии и медицине, игнорирование мировых и европейских тенденций защиты прав человека, презрение к международному праву – все эти качества присущи подавляющей части российского общества. До сих пор большая часть российских граждан и соответственно должностных лиц органов власти разных уровней игнорируют положения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, гласящие, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы» **[14]**, как и преамбулу Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации», подчёркивающую, что «Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает

свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств» **[28]**. Игнорирование цитированных положений приводит к нарушению прав человека, свидетельствует о нигилистических проявлениях в правовой культуре общества и «отбрасывает» государство в прошлое. Права человека, как высшей социальной ценности российского государства, попираются с ссылкой на «особый исторический путь», приверженность которому высказывает 55% российских граждан, в то время как всего 17% населения считают, что Россия должна идти «по общему для современного мира пути европейской цивилизации» **[11]**. Известный социолог Л. Гудков объясняет эту ситуацию неприятным и всячески подавляемым осознанием того, что Россия не готова стать современным, развитым и правовым обществом и государством, как страны Запада. Он отмечает, что такое правосознание «характерно для всех обществ, принадлежащих к культуре догоняющей модернизации, но в Советском Союзе это усиливалось ещё и коммунистической идеологией, а также идеей, что Коммунистическая партия создаёт невиданное в истории новое общество, нового человека, что коммунизм – это нечто исключительное. КПСС рассматривала себя как партию миссионерского типа, а через какое-то время это пропагандистское клише было принято обществом как основной лозунг. Это клише закрепилось в общественном сознании и сегодня проявляется в ощущении собственной исключительности, особости, непохожести на других» **[7]**. Вышеуказанное позволяет говорить о существовании особой культурологической концепции международного права – российской концепции международного права, что ставит РФ в один ряд с КНР **[35, с. 240]**, КНДР и многими исламскими государствами, настаивающими на необходимости толковать и применять нормы международного права с учётом своих собственных культурных, религиозных и иных особенностей, что приводит, в конечном счёте, к неустойчивости миропорядка и профанации идеи международного права как такового.

Подводя итог вышесказанному считаем необходимым как можно быстрее подписать и ратифицировать Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием от 11.05.2011 г. (Стамбульскую конвенцию), имплементировать её положения в законодательство, а также налаживать взаимодействие органов власти, религиозных и общественных организаций и медицинских учреждений в сфере защиты прав женщин и детей. Речь идёт о создании национального правового механизма защиты прав женщин и детей от всех форм насилия, который должен включать как нормативные, так и институциональные элементы. Следует обратить внимание на важность образования, правового воспитания и поддержки религиозных учений, осуждающих и не допускающих предрассудков, обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов, стереотипности роли мужчин и женщин, а также тех, которые отрицательно влияют на здоровье детей. Для этого необходимо как минимум изменение Концепции государственной семейной политики, Концепции государственной молодёжной политики как Российской Федерации, так и её субъектов, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ.

◆

Литература

1. Ахмедова М. Я не хочу убивать свою дочь / М. Ахмедова // Expert Online: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/2015/12/17/ya-ne-hochu-ubivat-svoyu-doch/ (дата обращения: 18.07.2016 г.).

2. Волкова А.И. Влияние калечащих операций на женских половых органах на права человека девочек и женщин / А.И. Волкова // Евразийский юридический журнал. 2014. № 7. С. 92–95.

3. В «Новой газете» вышло интервью со Светланой Айвазовой об агрессии в семье, истоках и профилактике семейного насилия // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/2778/ (дата обращения: 18.07.2016 г.).

4. В СПЧ займутся проблемой женского обрезания на Кавказе // Говорит Москва: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://govoritmoskva.ru/news/89368/ (дата обращения: 23.08.2016 г.).

5. Голованова Н.А. Домашнее насилие в свете Стамбульской конвенции 2011 г. / Н.А. Голованова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 3. С. 555–562.

6. Горюнова О. Свадьба как особый случай / О. Горюнова // Российская газета. Федеральный выпуск № 6853 (282). [Электронный ресурс]. URL: http://rg.ru/2015/12/14/brak.html (дата обращения: 18.07.2016 г.).

7. Гудков Л. Особый исторический путь россиян / Л. Гудков // Новое время: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://nv.ua/opinion/gudkov/osobyy-istoricheskiy-put-rossiyan--47048.html (дата обращения: 18.07.2016 г.).

8. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года // Организация Объединённых Наций: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 18.07.2016 г).

9. Елена Мизулина раскритиковала законопроект о профилактике семейного насилия // Информационно-правовой портал Гарант.ру. [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/news/580810/ (дата обращения: 18.07.2016 г.).

10. Интизар Мамутаева – о своём уходе с поста детского омбудсмена в Дагестане и проблеме женского обрезания // ЮГА.ру: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://www.yuga.ru/articles/society/7526.html (дата обращения: 23.08.2016 г.).

11. Исторический путь России / Левада-центр: Аналитический центр Юрия Левады. 21.04.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/old/21-04-2015/istoricheskii-put-rossii (дата обращения: 18.07.2016 г.).

12. Комиссия по положению женщин: Доклад о работе пятьдесят седьмой сессии (4-15 марта 2013 года) / Экономический и Социальный Совет. Официальные отчёты, 2013 год. Дополнение № 7 // Организация Объединённых Наций: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=E/2013/27&referer=http://www.unwomen.org/en/what-we-do/ending-violence-against-women/global-norms-and-standards&Lang=R (дата обращения: 18.07.2016 г.).

13. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Стамбул, 11.V.2011. // Совет Европы: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168046253f (дата обращения: 18.07.2016 г.).

14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ,

от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

15. Мазаева М. Многих убивают ещё до обращения к нам за помощью / М. Мазаева // Daptar.ru: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.daptar.ru/article/236/mnogih-ubivayut-esche-do-obras (дата обращения: 18.07.2016 г.).

16. Малинина М. Женское обрезание – варварская традиция? / М. Малинина // Islam.ru: исламский информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: http://www.islam.ru/content/obshestvo/45902 (дата обращения: 18.07.2016)

17. Милашина Е. Глава чеченского РОВД захотел жениться: требуется помощь / Е. Милашина // Новая газета, 30.04.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.novayagazeta.ru/columns/68304.html (дата обращения: 18.07.2016 г.).

18. Муфтий Северного Кавказа призвал обрезать всех женщин России // INTERFAX.RU: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.interfax.ru/russia/524002 (дата обращения: 23.08.2016 г.).

19. Отчёт «Правовой инициативы» по результатам качественного исследования «Производство калечащих операций на половых органах у девочек в Республике Дагестан» // Правовая инициатива по России: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.srji.org/resources/search/proizvodstvo-kalechashchikh-operatsiy-na-polovykh-organakh-u-devochek-v-respublike-dagestan/ (дата обращения: 23.08.2016 г.).

20. О внесении изменений в статью 136 Уголовного Кодекса Российской Федерации: законопроект № 1153660-6 от 19.08.2016 // Государственная дума: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 23.08.2016 г.).

21. Пекинская декларация и Платформа действий, принята на Четвёртой Всемирной конференции по положению женщин, Пекин, 1995 г. // Организация Объединённых Наций: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/BDPfA%20R.pdf (дата обращения: 18.07.2016 г.).

22. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/17118 (дата обращения: 18.07.2016 г.).

23. Почему в Дагестан вернулось «женское обрезание»? // Радио ООН. Отдел новостей и СМИ: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/188722/#.VwJoh_fCIbe (дата обращения: 18.07.2016 г.).

24. «Почему я пошутил? Потому что сейчас разврат везде»: Интервью муфтия Исмаила Бердиева, выступившего за обрезание женщин // Meduza: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://meduza.io/feature/2016/08/17/pochemu-ya-poshutil-potomu-chto-seychas-razvrat-vezde (дата обращения: 23.08.2016 г.).

25. Родина К.В. Искоренение насилия в отношении женщин в свете концепции прав человека / К.В. Родина // Теория и практика общественного развития. 2006. № 2. С. 17–24.

26. Рушан хазрат Аббясов: Женское обрезание – доисламская традиция // Совет муфтиев России: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.muslim.ru/articles/287/16053/ (дата обращения: 23.08.2016 г.).

27. Сиражудинова С.В. Женское обрезание в Республике Дагестан: социокультурные детерминанты и концептуальный анализ / С.В. Сиражудинова // Женщина в российском обществе. 2016. № 2(79). С. 48–54. DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.5.

28. О международных договорах Российской Федерации: федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // Собрание законодательства РФ, 17.07.1995, № 29, ст. 2757.

29. Agreed conclusions on the elimination and prevention of all forms of violence against women and girls. E/2013/27. E/CN.6/2013/11 // United Nations: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/womenwatch/

daw/csw/csw57/CSW57_Agreed_Conclusions_(CSW_report_excerpt).pdf (дата обращения: 18.07.2016 г.).

30. Beijing Declaration and Platform for Action: fifteen years later // United Nations: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/Beijing15_Backgrounder_FINAL.pdf (дата обращения: 18.07.2016 г.).

31. Cloward K. When Norms Collide: Local Responses to Activism against Female Genital Mutilation and Early Marriage / K. Cloward. – Oxford: Oxford University Press, 2016. 332 p.

32. Cook R.J., Dickens B.M. Reproductive Health and Human Rights: Integrating Medicine, Ethics, and Law / R.J. Cook, B.M. Dickens, M.F. Fathalla. – Oxford: Oxford University Press, Clarendon Press, 2003. 584 p.

33. Efferson C. Female genital cutting is not a social coordination norm / C. Efferson, S. Vogt, A. Elhadi, H. El F. Ahmed, E. Fehr // Science. 2015. Vol. 349. Iss. 6255. Pp. 1446–1447. DOI: 10.1126/science.aaa7978.

34. Farina P., Ortensi L.E. Estimating the number of foreign women with female genital mutilation/cutting in Italy / P. Farina, L.E. Ortensi, A. Menonna // European Journal of Public Health. 2016. Vol. P. 656–661.

35. Gorian E., Gorian K. Chinese conception of international law as the response to the challenges of today // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6. Issue 3. 2015. P. 236–241.

36. Hann G., Fertleman C. The Child Protection Practice Manual: Training practitioners how to safeguard children / G. Hann, C. Fertleman. Oxford: Oxford University Press, 2016. 312 p.

37. Jungari S.B. Female Genital Mutilation Is a Violation of Reproductive Rights of Women: Implications for Health Workers / S. B. Jungari // Health & Social Work. 2016. Vol. 41. P. 25–31.

38. Korfker D.G., Herschderfer K. Identifying women with female genital mutilation seen by midwives in the Netherlands / D.G. Korfker, K. Herschderfer, K.M. vd Pal-de Bruin // European Journal of Public Health. 2015. Vol.25. DOI:dx.doi.org/10.1093/eurpub/ckv171.022.

39. Koukkula M., Keskimäki I. Female genital mutilation/cutting among women of Somali and Kurdish origin in 2010-2012 in Finland / M. Koukkula, I. Keskimäki, P. Koponen, M. Mölsä, R. Klemetti // European Journal of Public Health. 2014. Vol.24. Iss. 2. DOI:dx.doi.org/10.1093/eurpub/cku162.014.

40. Lien I.-L., Schultz J.-H. Interpreting Signs of Female Genital Mutilation Within a Risky Legal Framework / I.-L. Lien, J.-H. Schultz // International Journal of Law, Policy and the Family. 2014. Vol. 28. P. 194–211.

41. Nussbaum M.C. Sex and Social Justice / M.C. Nussbaum. – Oxford: Oxford University Press, 1999. 488 p.

42. Thierfelder C., Tanner M., Kessler Bodiang C.M. Female genital mutilation in the context of migration: experience of African women with the Swiss health care system / C. Thierfelder, M. Tanner, C.M. Kessler Bodiang // European Journal of Public Health. 2005. Vol. 15. P. 86–90.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Akhmedova M. YA ne khochu ubivat' svoyu doch' / M. Akhmedova // Expert Online: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://expert.ru/2015/12/17/ya-ne-hochu-ubivat-svoyu-doch/ (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

2. Volkova A.I. Vliyanie kalechashhikh operatsij na zhenskikh polovykh organakh na prava cheloveka devochek i zhenshhin / A.I. Volkova // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 7. S. 92–95.

3. V «Novoj gazete» vyshlo interv'yu so Svetlanoj Ajvazovoj ob agressii v sem'e, istokakh i profilaktike semejnogo nasiliya // Sovet pri Prezidente Rossijskoj Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshhestva i pravam cheloveka: ofitsial'nyj

sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/2778/ (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

4. V SPCH zajmutsya problemoj zhenskogo obrezaniya na Kavkaze // Govorit Moskva: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://govoritmoskva.ru/news/89368/ (data obrashheniya: 23.08.2016 g.).

5. Golovanova N.A. Domashnee nasilie v svete Stambul'skoj konventsii 2011 g. / N.A. Golovanova // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2014. № 3. S. 555–562.

6. Goryunova O. Svad'ba kak osobyj sluchaj / O. Goryunova // Rossijskaya gazeta. Federal'nyj vypusk № 6853 (282). [EHlektronnyj resurs]. URL: http://rg.ru/2015/12/14/brak.html (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

7. Gudkov L. Osobyj istoricheskij put' rossiyan / L. Gudkov // Novoe vremya: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://nv.ua/opinion/gudkov/osobyy-istoricheskiy-put-rossiyan--47048.html (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

8. Deklaratsiya ob iskorenenii nasiliya v otnoshenii zhenshhin, prinyata rezolyutsiej 48/104 General'noj Assamblei ot 20 dekabrya 1993 goda // Organizatsiya Ob"edinyonnykh Natsij: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (data obrashheniya: 18.07.2016 g).

9. Elena Mizulina raskritikovala zakonoproekt o profilaktike semejnogo nasiliya // Informatsionno-pravovoj portal Garant.ru. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.garant.ru/news/580810/ (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

10. Intizar Mamutaeva – o svoyom ukhode s posta detskogo ombudsmena v Dagestane i probleme zhenskogo obrezaniya // YUGA.ru: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.yuga.ru/articles/society/7526.html (data obrashheniya: 23.08.2016 g.).

11. Istoricheskij put' Rossii / Levada-tsentr: Analiticheskij tsentr YUriya Levady. 21.04.2015. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.levada.ru/old/21-04-2015/istoricheskii-put-rossii (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

12. Komissiya po polozheniyu zhenshhin: Doklad o rabote pyat'desyat sed'moj sessii (4-15 marta 2013 goda) / EHkonomicheskij i Sotsial'nyj Sovet. Ofitsial'nye otchyoty, 2013 god. Dopolnenie № 7 // Organizatsiya Ob"edinyonnykh Natsij: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=E/2013/27&referer=http://www.unwomen.org/en/what-we-do/ending-violence-against-women/global-norms-and-standards&Lang=R (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

13. Konventsiya Soveta Evropy o predotvrashhenii i bor'be s nasiliem v otnoshenii zhenshhin i domashnim nasiliem. Stambul, 11.V.2011. // Sovet Evropy: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168046253f (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

14. Konstitutsiya Rossijskoj Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchyotom popravok, vnesyonnykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 04.08.2014, № 31, st. 4398.

15. Mazaeva M. Mnogikh ubivayut eshhyo do obrashheniya k nam za pomoshh'yu / M. Mazaeva // Daptar.ru: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.daptar.ru/article/236/mnogih-ubivayut-esche-do-obras (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

16. Malinina M. ZHenskoe obrezanie – varvarskaya traditsiya? / M. Malinina // Islam.ru: islamskij informatsionnyj portal. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.islam.ru/content/obshestvo/45902 (data obrashheniya: 18.07.2016)

17. Milashina E. Glava chechenskogo ROVD zakhotel zhenit'sya: trebuetsya pomoshh' / E. Milashina // Novaya gazeta, 30.04.2015. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.novayagazeta.ru/columns/68304.html (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

18. Muftij Severnogo Kavkaza prizval obrezat' vsekh zhenshhin Rossii // INTERFAX.RU: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.interfax.ru/russia/524002 (data obrashheniya: 23.08.2016 g.).

19. Otchyot «Pravovoj initsiativy» po rezul'tatam kachestvennogo issledovaniya «Proizvodstvo kalechashhikh operatsij na polovykh organakh u devochek v Respublike Dagestan» // Pravovaya initsiativa po Rossii: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.srji.org/resources/search/proizvodstvo-kalechashchikh-operatsiy-na-polovykh-organakh-u-devochek-v-respublike-dagestan/ (data obrashheniya: 23.08.2016 g.).

20. O vnesenii izmenenij v stat'yu 136 Ugolovnogo Kodeksa Rossijskoj Federatsii: zakonoproekt № 1153660-6 ot 19.08.2016 // Gosudarstvennaya duma: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: (data obrashheniya: 23.08.2016 g.).

21. Pekinskaya deklaratsiya i Platforma dejstvij, prinyata na CHetvyortoj Vsemirnoj konferentsii po polozheniyu zhenshhin, Pekin, 1995 g. // Organizatsiya Ob"edinyonnykh Natsij: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/BDPfA%20R.pdf (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

22. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 12 dekabrya 2012 goda [EHlektronnyj resurs]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/17118 (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

23. Pochemu v Dagestan vernulos' «zhenskoe obrezanie»? // Radio OON. Otdel novostej i SMI: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/188722/#.VwJoh_fCIbe (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

24. «Pochemu ya poshutil? Potomu chto sejchas razvrat vezde»: Interv'yu muftiya Ismaila Berdieva, vystupivshego za obrezanie zhenshhin // Meduza: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://meduza.io/feature/2016/08/17/pochemu-ya-poshutil-potomu-chto-seychas-razvrat-vezde (data obrashheniya: 23.08.2016 g.).

25. Rodina K.V. Iskorenenie nasiliya v otnoshenii zhenshhin v svete kontseptsii prav cheloveka / K.V. Rodina // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2006. № 2. S. 17–24.

26. Rushan khazrat Abbyasov: ZHenskoe obrezanie – doislamskaya traditsiya // Sovet muftiev Rossii: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.muslim.ru/articles/287/16053/ (data obrashheniya: 23.08.2016 g.).

27. Sirazhudinova S.V. ZHenskoe obrezanie v Respublike Dagestan: sotsiokul'turnye determinanty i kontseptual'nyj analiz / S.V. Sirazhudinova // ZHenshhina v rossijskom obshhestve. 2016. № 2(79). S. 48–54. DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.5.

28. O mezhdunarodnykh dogovorakh Rossijskoj Federatsii: federal'nyj zakon ot 15.07.1995 № 101-FZ (red. ot 12.03.2014) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 17.07.1995, № 29, st. 2757.

29. Agreed conclusions on the elimination and prevention of all forms of violence against women and girls. E/2013/27. E/CN.6/2013/11 // United Nations: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.un.org/womenwatch/daw/csw/csw57/CSW57_Agreed_Conclusions_(CSW_report_excerpt).pdf (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

30. Beijing Declaration and Platform for Action: fifteen years later // United Nations: ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/Beijing15_Backgrounder_FINAL.pdf (data obrashheniya: 18.07.2016 g.).

31. Cloward K. When Norms Collide: Local Responses to Activism against Female Genital Mutilation and Early Marriage / K. Cloward. – Oxford: Oxford University Press, 2016. 332 r.

32. Cook R.J., Dickens B.M. Reproductive Health and Human Rights: Integrating Medicine, Ethics, and Law / R.J. Cook, B.M. Dickens, M.F. Fathalla. – Oxford: Oxford University Press, Clarendon Press, 2003. 584 r.

33. Efferson C. Female genital cutting is not a social coordination norm / C. Efferson, S. Vogt, A. Elhadi, H. El F. Ahmed, E. Fehr // Science. 2015. Vol. 349. Iss. 6255. Pp. 1446–1447. DOI: 10.1126/science.aaa7978.

34. Farina P., Ortensi L.E. Estimating the number of foreign women with female genital mutilation/cutting in Italy / P. Farina, L.E. Ortensi, A. Menonna // European Journal of Public Health. 2016. Vol. P. 656–661.

35. Gorian E., Gorian K. Chinese conception of international law as the response to the challenges of today // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6. Issue 3. 2015. P. 236–241.

36. Hann G., Fertleman C. The Child Protection Practice Manual: Training practitioners how to safeguard children / G. Hann, C. Fertleman. Oxford: Oxford University Press, 2016. 312 r.

37. Jungari S.B. Female Genital Mutilation Is a Violation of Reproductive Rights of Women: Implications for Health Workers / S. B. Jungari // Health & Social Work. 2016. Vol. 41. P. 25–31.

38. Korfker D.G., Herschderfer K. Identifying women with female genital mutilation seen by midwives in the Netherlands / D.G. Korfker, K. Herschderfer, K.M. vd Pal-de Bruin // European Journal of Public Health. 2015. Vol.25. DOI:dx.doi.org/10.1093/eurpub/ckv171.022.

39. Koukkula M., Keskimäki I. Female genital mutilation/cutting among women of Somali and Kurdish origin in 2010-2012 in Finland / M. Koukkula, I. Keskimäki, P. Koponen, M. Mölsä, R. Klemetti // European Journal of Public Health. 2014. Vol.24. Iss. 2. DOI:dx.doi.org/10.1093/eurpub/cku162.014.

40. Lien I.-L., Schultz J.-H. Interpreting Signs of Female Genital Mutilation Within a Risky Legal Framework / I.-L. Lien, J.-H. Schultz // International Journal of Law, Policy and the Family. 2014. Vol. 28. P. 194–211.

41. Nussbaum M.C. Sex and Social Justice / M.C. Nussbaum. – Oxford: Oxford University Press, 1999. 488 r.

42. Thierfelder C., Tanner M., Kessler Bodiang C.M. Female genital mutilation in the context of migration: experience of African women with the Swiss health care system / C. Thierfelder, M. Tanner, C.M. Kessler Bodiang // European Journal of Public Health. 2005. Vol. 15. P. 86–90.

УДК 327.8

Шлапеко Е.А.
Shlapeko E.A.

Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве

Institute of public diplomacy and its place in cross-border social and cultural space

Статья посвящена институту общественной дипломатии и его значению для социокультурного развития приграничных территорий. Возрастающее влияние «мягкой силы» заставляет обратиться к специфике, ресурсам и инструментам общественных организаций по продвижению положительного имиджа региона и страны в целом. На основе контент-анализа проектов приграничного сотрудничества программ Европейского инструмента соседства и партнерства в 2007–2013 гг. выявлены основные направления и цели общественной дипломатии Северо-Запада России.

Ключевые слова*: общественная дипломатия, общественные организации, приграничный регион, социокультурное пространство, «мягкая сила», Северо-Запад России*

◆

Article is devoted to the institute of public diplomacy and its value for social and cultural development of border territories. The increasing influence of "soft power" forces to study specifics, resources and tools of non-governmental organizations for promotion of country's positive image. Russian and foreign approaches to the public organizations' activities as well as the direction of public diplomacy are considered in the article. The main directions and objectives of public diplomacy in the North-West Russia were identified on the basis of the content analysis of Russia – Finland cross-border cooperation projects within the European Neighborhood and Partnership Instrument in 2007–2013.

Key words*: public diplomacy, public organizations, border region, social and cultural space, North-West Russia*

Общественная versus публичная дипломатия

Основными трендами современной мир-системы стали взаимодополняющие друг друга объективные процессы – глобализации и регионализации, которые и явились причинами так называемой «локализации внешней политики государств» **[7, с. 66]**, а именно выхода субнациональных регионов, административных и неадминистративных акторов на международную арену. Глобализация несёт за собой повсе-

Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН № I.П13 фундаментальных научных исследований «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие» на 2016 г.

ШЛАПЕКО Екатерина Андреевна, к.полит.н., научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики Карельского научного центра РАН *(г. Петрозаводск)*. **E-mail:** shlapeko_kate@mail.ru

местную информатизацию, установление трансграничных коммуникационных сетей и интернационализацию приграничных территорий. В результате появляются трансграничные региональные структуры, целью которых становится сотрудничество на локальном уровне. Исходя из положений конструктивисткой теории, феномен трансграничности может быть определен как совокупность отношений между акторами различного уровня с целью развития интеграционных процессов на основе взаимозависимости, общих интересов и ценностей **[13, с. 17].** Социокультурное пространство трансграничного региона формируется как единое «глокальное» поле и представляет собой динамическую структуру, позволяющую социокультурному разнообразию двух сопредельных культур функционировать как единому целому **[5, с. 52].** Трансграничные социокультурные пространства по периметру российских границ имеют свою специфику в зависимости от географического расположения и исторически сложившихся практик взаимодействия.

Стабильный интерес к участию в международных интеграционных процессах проявляют общественные организации, становясь, в терминах Джозефа С.Ная, проводниками «мягкой силы», то есть, добиваясь целей с помощью привлекательности, а не подкупом и принуждением **[17, p. 53].** Исследователи отмечают, что каждое государство применяет «мягкую силу» в соответствии со своими ценностями: европейская модель акцентирует внимание на высоких социально-экономических показателях, американская стратегия подчеркивает привлекательность американского образа жизни, а китайский подход базируется на идеях коэволюции (соразвития), совместного построения гармоничного мира **[10, с. 210].** В России в последние годы осознали важность «мягкой силы», эффект которой заметен в долгосрочной перспективе, и приступили к созданию институтов публичной дипломатии. Считается, что Российский совет по международным делам повторил во многом структуру Совета по международным отношениям (США), а Фонд «Русский мир» создавался с учётом опыта Британского совета и немецкого Института им. Гёте.

Современная общественная и публичная дипломатия осуществляются наряду с классической дипломатией государства, способствуя формированию благоприятного для страны общественного, политического и делового климата за рубежом. Ряд исследователей употребляют понятия публичной и общественной дипломатии как синонимы. Автор термина 1965 г. Эдмунд Галлион под публичной дипломатией подразумевал процесс, посредством которого субъекты международных отношений достигают внешнеполитических целей, оказывая воздействие на иностранную общественность. Другие исследователи, в частности российские и китайские, под общественной дипломатией понимают исключительно дипломатию неправительственных организаций, в то время как к агентам публичной дипломатии относят политиков, деятелей культуры, науки и образования и средства массовой информации. Заметим, что СМИ, даже имея широкий охват аудитории, не создают той же меры доверия, что и личный человеческий контакт. Общественная дипломатия, в отличие от публичной, не подразумевает непосредственного государственного управления и представляет собой действия, инициированные и осуществляемые исключительно частными лицами **[6]**. Особая роль частных лиц и НКО во внешней политике состоит в том, что их отношения с зарубежными партнерами имеют тенденцию продолжаться независимо от межгосударственных отношений.

Однако объект и цели общественной и публичной дипломатии совпадают: объект – это международное общественное мнение, а

цель – создание позитивного имиджа и налаживание долговременных добрососедских взаимоотношений.

Такие структуры, как Фонд «Русский мир», Россотрудничество, Российский совет по международным делам, телеканал «Russia Today», «Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова» и другие созданы и финансируются государством. В частности, в «Концепции внешней политики РФ» отмечается, что необходимо «развивать, в том числе с использованием ресурса общественной дипломатии, международное культурное и гуманитарное сотрудничество как средство налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами» **[4].** Названные организации, в свою очередь, оказывают информационно-консультационную и финансовую поддержку некоммерческим организациям при реализации последними социальных, культурных, образовательных, научных проектов в сфере международных отношений.

Общественная дипломатия имеет и региональное измерение. Различные геополитические потрясения, а также процессы миграции влияют на мировоззрение жителей приграничных регионов, усиливают значение институтов гражданского общества и актуальность общественной дипломатии в сохранении мира и безопасности. Целью данной статьи является изучение института общественной дипломатии и определение масштабов и приоритетов сотрудничества некоммерческих организаций на примере приграничных регионов России и Финляндии.

Институты гражданского общества – это действительно огромный ресурс России: на сегодняшний день зарегистрировано более 100 тысяч общественных организаций, действуют 177 филиалов и представительств международных и иностранных НПО **[14]**. В то же время, государства опасаются, что общественные организации могут стать агентами влияния, транслировать оппозиционные настроения, лоббировать интересы других стран, тем самым подрывая государственные основы. Принятие федерального закона «об иностранных агентах» в 2012 г. в России привело к сокращению числа НКО на 33% **[9],** среди них те, которые получали зарубежное финансирование и вели политическую деятельность. Одной из таких организаций стал Совет министров северных стран, с 1997 г. выделявший средства на совместные проекты НКО северных стран и Северо-Запада России. В мае 2015 г. подписан закон о запрете деятельности иностранных или международных НКО, признанных нежелательными в силу угрозы основам конституционного строя, обороноспособности или безопасности страны. Филиалы и представительства международных организаций и иностранных НКО сократились с 240 в 2012 г. до 177 в 2015 г. **[9].**

В региональных приоритетах «Концепции внешней политики РФ» на первом месте находится сотрудничество с государствами-участниками СНГ и формирование Евразийского экономического союза, а затем следует партнерское взаимодействие в Евро-Атлантическом регионе **[4].** Таким образом, можно говорить о двух основных интеграционных направлениях во внешней политике и дипломатии России: евразийском векторе и европейском векторе.

Европейское и евразийское направления общественной дипломатии России

Европейское направление общественной дипломатии представлено большим числом НКО (Центральный и Северо-Западный федеральные округа лидируют по числу НКО **[9]**) и широким спектром возможностей со стороны Европейского Союза (образовательные программы, партнерства «Северного измерения», программы приграничного сотруд-

ничества и т.д.). Общественные организации представляют интересы разных слоев населения и работают в социкультурном пространстве по достижению социальных, благотворительных, культурных, образовательных, политических, научных и управленческих целей. Поэтому на Западе неправительственные структуры существуют за счет членских взносов, а не только на гранты от госдепартаментов. В России 15% НКО живут только за счет членских взносов, остальные стараются диверсифицировать источники финансирования **[14]**. Российские эксперты отмечают нехватку государственной поддержки НКО и бюрократические процедуры получения средств, так в среднегодовом бюджете российских НКО государственные вливания составляют менее 10%, в то время как в западных странах финансирование НКО со стороны государства в среднем превышает 40% **[2].**

Несмотря на недостаток финансовых ресурсов, в распоряжении у НКО имеются информационные и человеческие ресурсы. Общественные организации широко используют как каналы личного общения, так интернет-СМИ для увеличения аудитории: блоги, страницы, социальные сети В зависимости от уставных целей и задач они инициируют различные культурные, просветительские, спортивные и иные мероприятия, а также образовательные обмены. Трансграничные встречи приводят к возникновению сетей горизонтальных связей и контактов, вовлечению широкого круга участников, привлечению экспертного и академического сообщества.

В приграничных регионах значительную роль в поддержании стабильности в межэтнических отношениях играют общества дружбы и культурно-национальные автономии. Так, развитие побратимских связей и народной дипломатии обществ дружбы Республики Карелия с регионами Северной Европы заложило основу установлению двусторонних отношений на региональном уровне **[13, с. 17].** Через культурно-просветительскую деятельность эти организации пропагандируют достижения своих национальных культур, сохраняют традиции и развивают народное творчество. Например, Министерство культуры Республики Казахстан выпускает для казахской диаспоры специальные учебники, словари, учебно-методические пособия, аудио- и видеокассеты по интенсивному обучению казахскому языку **[1, с. 99].** Российские неправительственные организации также занимаются поддержкой соотечественников за рубежом, популяризацией русского языка и культуры за границей, проводят «Дни культуры» и научно-практические конференции, преодолевая существующие стереотипы и сближая народы. Таким образом, их деятельность носит пропагандистско-гуманитарный характер, способствуя повышению осведомленности о стране и привлечению людей в страну для туризма, учебы или бизнеса. Подготовленные в свое время в СССР иностранные кадры стали представителями научной, экономической и политической элиты в различных странах, во многом сформировав позитивный образ России за рубежом.

На пространстве Центральной Евразии дополнительным ресурсом является языковой фактор, так как большая часть населения все еще владеет русским языком. Сотрудничеству приграничных территорий России и стран СНГ способствуют родственные отношениями и дружеские контакты людей. С созданием Евразийского экономического сообщества активное обсуждение общих целей развития подкрепляется исследованиями историков, экономистов, политологов в рамках специально созданных научных центров: Национальный комитет по исследованию БРИКС (РФ), Евразийский Клуб МГИМО, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Казахстан) и др. Однако, к сожалению, в настоящее время следует выделить низкую информиро-

ванность населения о сути Евразийского союза, особенно в молодежной среде **[3].** В целях повышения общественной поддержки Евразийского союза общественные организации могли бы транслировать среди населения идеи евразийской интеграции, непосредственно активизировать общественный сектор в международных интеграционных процессах.

Помимо культуры и ценностей, общественные организации участвуют в международной коммуникации, продвигая актуальные темы через лидеров общественного мнения. По мнению П.А. Черномаз общественная дипломатия на границе Украины и России может быть использована для предотвращения или урегулирования конфликтов, поисков согласия и взаимоприемлемых решений **[11, с. 46].**

НКО способны выступать медиаторами, посредниками между государствами, государством и населением, различными группами населения. В связи с артикуляцией интересов существенной части общества, мнение лидеров общественных организаций признается авторитетным и учитывается властями и международными организациями при решении острых вопросов. НКО реализуют право законодательной инициативы, так национальная общественность Карелии инициировала разработку Закона Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в РК» (2003). Благодаря деятельности общественных организаций коренных народов Карелии, их представительству в различных международных и субрегиональных организациях, этнокультурное развитие коренных народов Карелии стало важной частью современной этнонациональной политики Республики Карелии.

Установление деловых контактов, торгово-экономических отношений между отдельными предприятиями также становится задачей общественных организаций. Например, Шведско-Карельский информационный бизнес-центр, созданный по решению региональных властей Республики Карелия и губернии Вестерботтен (Швеция), на протяжении семи лет осуществляет деятельность по поддержке малых и средних предприятий с использованием разнообразных средств, в том числе участия в выставках, ярмарках, бизнес-семинарах и встречах, а также посредством реализации малых проектов.

Неправительственные организации могут выступать генераторами новых подходов во взаимоотношениях, так участие в проектной деятельности предоставляет НКО конкурентное преимущество и возможность продвигать местные инициативы, использовать зарубежный опыт и привлекать дополнительные источники финансирования. Помимо общероссийских фондов проектная деятельность НКО поддерживается в рамках программ приграничного сотрудничества ЕС и совместных программ действий с различными странами. В Республике Карелия, находящейся на границе с Финляндией, за последние 20 лет накоплен значительный опыт осуществления международных проектов и прослеживается тенденция увеличения роли гражданского общества в проектной деятельности **[12, с. 45].**

НКО участвуют в проектах в сфере «мягкой безопасности» – экологии, туризма, здравоохранения, развития сельской местности, охватывающих почти все категории граждан, в том числе социально незащищенные. Неслучайно, что именно на международной конференции по социально-ориентированным экологическим проблемам сопредельных территорий было положено начало сотрудничеству в рамках евразия-региона «Наш общий дом – Алтай» на стыке четырех государств – России, Казахстана, Монголии и Китая. В частности, открытый китайский регионализм предполагает обеспечение международного и регионального окружения, благоприятного для дальнейшего мирного гармоничного

развития и устойчивого роста КНР **[15, с. 19].** Определенные трудности в реализации китайско-российских гуманитарных связей создают цивилизационные различия, а также огромная разница в национальных типах поведения. Тем не менее, изменения на уровни восприятия и усвоения ценностей возможны путем привлечения внимания общественности и экспертного сообщества к обсуждению актуальных проблем сотрудничества.

Направления и цели общественной дипломатии Северо-Запада России

Несмотря на антироссийские санкции, европейское направление приграничного сотрудничества Российской Федерации сохраняет статус передового и прогрессивного во многом благодаря реализации проектов приграничного сотрудничества по программам Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП). В приграничных регионах Финляндии и России по программам «Юго-восточная Финляндия – Россия», «Коларктик» и «Карелия» за период 2007–2013 гг. было осуществлено 172 проекта *(таблица 1)*. В них принимали участие НКО из Республики Карелия, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Мурманской и Архангельской областей, а также Ненецкого автономного округа. Собранные данные свидетельствуют о высокой активности НКО в международной деятельности, широком спектре компетенций и квалифицированности сотрудников. Так, международная коммуникация предполагает знание иностранных языков, осведомленность о специфи-

Таблица 1. Участие НКО Северо-западного федерального округа в проектной деятельности с Финляндией

Программы сотрудничества	Общее кол-во проектов	Кол-во проектов с участием НКО в качестве заявителей или партнеров	Бюджет млн. евро	Общие направления программ	Функции НКО в проектах
«Юго-восточная Финляндия – Россия»	55	34	57,1	Экономическое развитие; социальное развитие и гражданское общество.	– консультации; – организация и проведение мероприятий; – издательская деятельность; – экспертиза; – обучение.
«Коларктик»	51	30	72,4	Экономическое и социальное развитие; сотрудничество человек-человек и развитие самосознания/ идентичности.	
«Карелия»	66	45	46,4	Развитие трансграничного бизнес сотрудничества; привлекательная культурная среда; чистый и комфортный для проживания регион.	

Источник: составлено автором.

ке другой страны, умение налаживать контакт и договариваться. Направления приграничного сотрудничества, где участвуют НКО Северо-Запада, разнообразны, начиная от культурной среды и гражданского общества, заканчивая трансграничным бизнесом и устойчивым развитием.

В ходе контент-анализа были проанализированы справки о совместных российско-финляндских проектах за период 2007–2013 гг., которые размещены на официальном портале программ приграничного сотрудничества **[8]**. Портал позволяет использовать различные критерии поиска проектов и знакомиться с их кратким содержанием. Каждая справка представляет собой текст объемом до 2 000 знаков с информацией о ведущей организации, партнерах, сроках реализации, основных целях, мероприятиях и результатах проекта. Единицей анализа содержания проектов выступила тема, а единицей счета количество случаев упоминания. В качестве тем определены такие составляющие социокультурного пространства, как культура, образование, экология и туризм, а также группы, с которыми работают НКО – общественность и молодежь *(таблица 2)*. Важно отметить, что анализировались лишь проекты с участием общественных организаций.

Полученная информация позволяет сформировать общее представление о масштабах и приоритетах сотрудничества организаций российского Северо-Запада с партнерами из Финляндии. Среди направлений общественной дипломатии превалирует образование (словосочетания со словами «дистанционное», «непрерывное», «дополнительное»), затем следуют экология («экологический тип мышления», «экологические риски», «экологический мониторинг»), культура («новые культурные маршруты», «сохранение культурного наследная»), а также развитие туризма («туристический потенциал», «туристические услуги»). Большая часть российско-финляндских проектов ориентирована на привлечение молодежи к международному сотрудничеству, их образовательное и профессиональное развитие и популяризацию гражданской активности среди молодёжи.

Рассмотрим конкретные результаты нескольких проектов с участием НКО Северо-Запада. Например, проект развития этнокультурного туризма коренных народов Севера «НЕДА ОРДЫМ» объединил культурные ассоциации из Республики Коми, Ненецкого автономного

Таблица 2. Статистические распределения тематик приграничного сотрудничества НКО по программам ЕИСП

Тема/ Программа	Культура	Образование	Экология	Туризм	Общественность	Молодежь
«Юго-восточная Финляндия – Россия»	22	20	35	17	20	17
«Коларктик»	23	14	12	17	11	21
«Карелия»	22	44	28	24	31	24
Итого	67	78	75	58	62	62

Источник: составлено автором.

округа и Саамского региона Финляндии для маркетинга новых туристических продуктов и обучения предпринимателей в сфере туризма. Общественная организация инвалидов «Надежда» Архангельской области инициировала проект по налаживанию сотрудничества между людьми с ограниченными возможностями в Баренцевом регионе для обеспечения равноправных условий доступа к образованию, культуре, профессиональной ориентации, рынку труда и спорту. Карельский проект «Развитие приграничной инфраструктуры биотоплива» АНО «Центр энергетической эффективности» был направлен на увеличение доли местных возобновляемых видов топлива в топливно-энергетическом балансе, тем самым способствовал улучшению экологической ситуации в приграничных районах.

В связи с активным участием некоммерческих организаций в проектах представляется возможным разделить их по направлениям международной деятельности:

♦ Социально-ориентированные НКО (например, Российская благотворительная организация «Детские деревни – SOS», Региональная общественная организация инвалидов «Надежда» и др.).

♦ Организации по поддержке малого и среднего бизнеса, бизнес ассоциации и объединения (например, АНО «Мурманское региональное агентство поддержки малого и среднего бизнеса», Российская гильдия собственников и девелоперов (Санкт-Петербург)).

♦ НКО в сфере образования и культуры (например, Карельский фонд развития образования, Фонд развития творческих индустрий и культурного туризма, Ассоциация «Друзья Кинермы»).

♦ Организации по защите окружающей среды и устойчивому развитию (например, АНО «Центр энергетической эффективности», НП «Центр по проблемам Севера, Арктики и приграничного сотрудничества», Ассоциация центров по инжинирингу и автоматизации).

Анализируя цели проектов **[8; 17]**, можно определить общность интересов общественных организаций: поиск дополнительных источников, популяризация российских достижений в той или иной области, помощь в налаживании сотрудничества, расширение зарубежных контактов и экспертного знания, укрепление материально-технической базы. Чаще всего ведущими партнерами по проектам выступают финские организации, что связано не только с опытом проектной деятельности, но и финансовой отчетностью. Из-за разных правил закупок и налогообложения российские партнеры, за редким исключением, не берут на себя функцию ведущего партнера. Многие некоммерческие организации имеют положительную «проектную историю», что становится важным фактором при отборе проектов. НКО выступают учебными центрами для представителей различных профессиональных сообществ. В приграничном сотрудничестве с участием НКО преобладают молодежные и образовательные обмены и культурные события, затем проекты в социальной сфере, здравоохранении и туризме.

Программы приграничного сотрудничества Россия – Финляндия обеспечивают возможность усиления взаимодействия между людьми и расширения общественных контактов на местном уровне. Такая деятельность направлена не только на создание сетей сотрудничества и прямых связей между отдельными социальными группами и неправительственными организациями, но и на развитие местного самоуправления, повышение взаимопонимания, доверия и осведомленности.

Уже сложившиеся контакты НКО и высокая концентрация проектов приводит к консолидации локальных сообществ вокруг проблем территории и может способствовать управленческим и мировоззренческим изменениям **[13, с. 44].** Так, особенностью проектов на Севере Европы

стало их влияние на улучшение качества жизни, что заметно на примере международного сотрудничества в сфере образования, экологии, культуры и туризма. Усилиями самих организаций расширяется диапазон целей, содержания и методов деятельности общественной дипломатии. Трансграничное сотрудничество НКО позволяет наладить позитивное взаимодействие между людьми, учреждениями, городами, регионами и странами вне «большой политики» и политических противоречий. Подписанные в декабре 2016 г. Европейской комиссией, Российской Федерацией и Республикой Финляндия соглашения о финансировании программ приграничного сотрудничества на новый период 2014–2020 гг. еще раз подтверждают высокое значение, которое придают государства развитию приграничного сотрудничества.

Социокультурное пространство приграничных территорий трансформируется с увеличением количества пересечений границы, контактов между людьми, совместных акций, а его структура становится разнообразной, открытой к взаимодействию и принятию нового. Таким образом, общественная дипломатия может повышать общественную поддержку интеграционного вектора и увеличивать частоту контактов между регионами и странами или, наоборот, переориентировать интересы населения на другие геополитические центры притяжения. Особое значение приобретает общественная дипломатия на приграничных территориях, где необходимо сохранять климат доверия, устойчивые межнациональные отношения и использовать соседство для сбалансированного социокультурного развития приграничных территорий.

◆

Литература

1. Жундубаев М.К. Приграничное сотрудничество между Республикой Казахстан и Российской Федерацией на современном этапе: характер развития, проблемы и перспективы: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 [Текст]/ М.К. Жундубаев/ МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2014. 241 с.

2. Зонова Т.В. Публичная дипломатия и ее акторы // Архивный сайт МГИМО. [Электронный ресурс]. URL: http://old.mgimo.ru/news/experts/document226467.phtml (дата обращения: 17.06.2016 г.).

3. Интеграционный барометр ЕАБР // Евразийский банк развития. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eabr.org/general//upload/СП%20-%20izdania/2015/Barometr-2015/EDB_Centre_Report_33_Analytical_Summary_RUS.pdf (дата обращения: 4.06.2016 г.).

4. Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 4.01.2017 г.).

5. Кучинская Т.Н. Трансграничье как потенциальное пространство соразвития России и Китая//Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2012. № 11. С. 51–59.

6. Мухаметов Р. С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки, 2014, № 2 (128). С. 84–90.

7. Плотникова О.В. Международные отношения государств и международные связи регионов государств: общее и особенное // Власть. 2014. № 12. С. 65–69.

8. Проекты программ приграничного сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbcprojects.eu/ru (дата обращения: 4.12.2016 г.).

9. Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб./Росстат. М., 2015. 728 с.

10. Смирнова Ю.М., Гудилина Е.Н. Институт общественной дипломатии как выражение «Мягкой силы»: современное состояние и особенности реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2. С. 208–214.

11. Черномаз П.А. Возможности общественной дипломатии в трансграничном сотрудничестве// Общественная дипломатия как инструмент приграничного взаимодействия Евразийского союза: монография / [редкол.: В.П. Бабинцев и др.]. Белгород: «КОНСТАНТА», 2016. С. 44–46.

12. Шлапеко Е.А. Влияние внешних факторов на участие Республики Карелия в системе трансграничного сотрудничества в северной Европе: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 [Текст]/ Е.А. Шлапеко / Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург. 2013. 28 с.

13. Шлапеко Е.А. Международная проектная деятельность Республики Карелия как ресурс регионального развития// Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 3 (132). С. 42–45.

14. Юсупова Д. Что за зверь такой НКО?// Милосердию.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.miloserdie.ru/article/chto-za-zver-takoj-nko-2/ (дата обращения: 4.06.2016 г.).

15. Ярыгина О.А., Кучинская Т.Н. «Новый регионализм»: социокультурные практики Китая // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7–1. С. 19–20.

16. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs. 2004.191 p.

17. The Kolarctic CBC 2007–2013, [Electronic resource]. URL: http://www.kolarcticenpi.info (дата обращения: 04.12.2016 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. ZHundubaev M.K. Prigranichnoe sotrudnichestvo mezhdu Respublikoj Kazakhstan i Rossijskoj Federatsiej na sovremennom ehtape: kharakter razvitiya, problemy i perspektivy: dissertatsiya ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.04 [Tekst]/ M.K. ZHundubaev/ MGU imeni M.V. Lomonosova, Moskva, 2014. 241 s.

2. Zonova T.V. Publichnaya diplomatiya i ee aktory // Arkhivnyj sajt MGIMO. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://old.mgimo.ru/news/experts/document226467.phtml (data obrashheniya: 17.06.2016 g.).

3. Integratsionnyj barometr EABR // Evrazijskij bank razvitiya. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.eabr.org/general//upload/CII%20-%20izdania/2015/Barometr-2015/EDB_Centre_Report_33_Analytical_Summary_RUS.pdf (data obrashheniya: 4.06.2016 g.).

4. Kontseptsii vneshnej politiki RF ot 30 noyabrya 2016 g. // Ministerstvo inostrannykh del Rossijskoj Federatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (data obrashheniya: 4.01.2017 g.).

5. Kuchinskaya T.N. Transgranich'e kak potentsial'noe prostranstvo sorazvitiya Rossii i Kitaya//Rossiya i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstviya: sbornik Vostochnogo tsentra. 2012. № 11. S. 51–59.

6. Mukhametov R. S. Spetsifika obshhestvennoj diplomatii kak instrumenta vneshnej politiki gosudarstva // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3, Obshhestvennye nauki, 2014, № 2 (128). S. 84–90.

7. Plotnikova O.V. Mezhdunarodnye otnosheniya gosudarstv i mezhdunarodnye svyazi regionov gosudarstv: obshhee i osobennoe // Vlast'. 2014. № 12. S. 65–69.
8. Proekty programm prigranichnogo sotrudnichestva [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.cbcprojects.eu/ru (data obrashheniya: 4.12.2016 g.).
9. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2015: Stat.sb./Rosstat. M., 2015. 728 s.
10. Smirnova YU.M., Gudilina E.N. Institut obshhestvennoj diplomatii kak vyrazhenie «Myagkoj sily»: sovremennoe sostoyanie i osobennosti realizatsii // Srednerusskij vestnik obshhestvennykh nauk. 2015. № 2. S. 208–214.
11. CHernomaz P.A. Vozmozhnosti obshhestvennoj diplomatii v transgranichnom sotrudnichestve// Obshhestvennaya diplomatiya kak instrument prigranichnogo vzaimodejstviya Evrazijskogo soyuza: monografiya / [redkol.: V.P. Babintsev i dr.]. Belgorod: «KONSTANTA», 2016. S. 44–46.
12. SHlapeko E.A. Vliyanie vneshnikh faktorov na uchastie Respubliki Kareliya v sisteme transgranichnogo sotrudnichestva v severnoj Evrope: avtoreferat dis. ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.04 [Tekst]/ E.A. SHlapeko / Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, Sankt-Peterburg. 2013. 28 s.
13. SHlapeko E.A. Mezhdunarodnaya proektnaya deyatel'nost' Respubliki Kareliya kak resurs regional'nogo razvitiya// Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Obshhestvennye i gumanitarnye nauki». 2013. № 3 (132). S. 42–45.
14. YUsupova D. CHto za zver' takoj NKO?// Miloserdiyu.ru. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.miloserdie.ru/article/chto-za-zver-takoj-nko-2/ (data obrashheniya: 4.06.2016 g.).
15. YArygina O.A., Kuchinskaya T.N. «Novyj regionalizm»: sotsiokul'turnye praktiki Kitaya // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2013. № 7–1. S. 19–20.
16. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs. 2004.191 p.
17. The Kolarctic CBC 2007–2013, [Electronic resource]. URL: http://www.kolarcticenpi.info (data obrashheniya: 04.12.2016 g.).

УДК 339.923

Голобоков А.С.
Golobokov A.S.

Роль России и Китая в создании модели региональной энергетической безопасности в Северо-Восточной Азии

The role of Russia and China in creation of energy security regional model in North-East Asia

В статье рассматриваются вопросы создания модели энергетической безопасности в Северо-Восточной Азии в контексте реализации энергетических проектов России и Китая. Анализируются элементы стратегии двух основных участников энергетического рынка и их реализация в рамках соглашений и договорённостей на региональном и субрегиональном уровнях. Исследуются системные проблемы построения структуры региональной безопасности с участием России и Китая и возможности использования энергетических механизмов в рамках действующих и запланированных программ двустороннего и многостороннего сотрудничества. Оцениваются факторы использования ресурсного потенциала Дальнего Востока для гармоничного социально-экономического развития СВА.

Ключевые слова: *Россия, КНР, Восточный экономический форум, энергетическое сотрудничество, «Один пояс – один путь», российский Дальний Восток*

◆

The article regards the numerous questions of creation of the energy security model in North-East Asia in a context of Russian and Chinese energy projects functioning. Strategy elements of two major participants of Asian energy market and the realization of these strategies in the frame of different agreements and contracts on regional and sub regional levels are analyzing. System problems of building regional security structure with Russia and China participation and possibilities of using energy mechanisms in acting and planned programs of bilateral and multilateral cooperation. Factors of using Far East recourses potential for harmonic social-economic development of North-East Asia are estimating.

Key words: *PRC, Russia, energy cooperation, East economic forum, «One belt – one way», Russian Far East*

Политико-экономическое развитие Северо-Восточной Азии (СВА) тесно связано с созданием новой модели региональной энергетической безопасности, обеспечивающей условия, при которых потребитель имеет надёжный доступ к необходимой ему энергии, а поставщик – к её потребителям **[14].** Появление такой модели осложняется рядом факторов, основными из которых являются отсутствие единого подхода к добыче и использованию нефтегазовых ресурсов; падение мировых цен на нефть; экономический спад в Китае, блокирующий увеличение объёмов инвестиций и торговли; перспективы дальнейшего падения ВВП России на

ГОЛОБОКОВ Андрей Сергеевич, к.полит.н., доцент кафедры экономики и менеджмента Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток).* **E-mail:** golobokov_as@mail.ru

фоне ухудшившихся экономических условий; слаборазвитая транспортная инфраструктура и недостаточный объём геологоразведочных работ, сопровождающие дефицит и неэффективность использования внутренних инвестиционных ресурсов в СВА.

Одновременно с этим последние несколько лет наблюдалась значительная интенсификация на официальном уровне российско-китайского энергетического сотрудничества. Сюжеты, связанные с наращиванием энергетической мощи Китая и России, а также их отношениями и влиянием на систему региональной энергетической безопасности нашли достаточно широкое распространение в научной литературе и в СМИ. Однако остаются малоизученные аспекты, которые при должном освещении помогут понять механизмы повышения эффективности российско-китайского энергетического сотрудничества. В данной работе поставлена цель: рассмотреть вопросы создания модели энергетической безопасности в Северо-Восточной Азии в контексте реализации энергетических проектов России и Китая и оценить возможности использования ресурсного потенциала Дальнего Востока для гармоничного развития энергетического сотрудничества России, Китая и других сопредельных стран.

В 2014 г. были приняты два важнейших документа, имеющие стратегическое значение: пакет соглашений о расширении кооперации между компаниями России и Китая в области энергетики и тридцатилетний двусторонний договор поставки трубопроводного природного раза (СПГ) по «восточному» маршруту, заключённый в ходе двусторонней встречи В. Путина и Си Цзиньпиня в Шанхае. Результатом сотрудничества в нефтяной сфере стал запуск в работу трубопроводной ветки «Сковородино-Мохэ-Дацин», которая является ответвлением российского нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», реализованного с привлечением китайского займа. Из перспективных, но пока не реализованных проектов следует отметить проект поставки газа по восточному маршруту с Чаяндинского месторождения в Якутии, эксплуатация которого начнётся в 2018 г. в объёме 38 млрд. кубических метров в год **[11, с. 124–142]**; а также анонсирование строительства газопроводов «Сила Сибири» и «Сила Сибири-2» («Алтай»).

На Саммитах БРИКС и ШОС в 2015 г. В. Путин отметил необходимость наполнять энергетическое сотрудничество конкретными проектами **[13]**; а на Восточном экономическом форуме, прошедшем во Владивостоке в 2015 г., проявилась позиция правительства, облегчающая допуск иностранных компаний к освоению стратегических месторождений углеводородов на российской территории. На экономическом форуме, прошедшем в феврале 2016 г. в г. Красноярске, вице-премьер правительства РФ А. Дворкович пригласил китайские компании к полномасштабному участию в освоении стратегических газовых и нефтяных месторождений и созданию транспортной инфраструктуры в Сибири и на Дальнем Востоке России **[1]**.

Указанные события свидетельствуют о существенной корректировке Россией энергетической политики, разработанной в середине 2000-х гг. и демонстрируют очевидное стремление руководства страны к значительному расширению влияния в Северо-Восточной Азии посредством реализации энергетических проектов. Согласно энергетической стратегии России на период до 2035 г., Москва стремится к диверсификации энергетических потоков для снижения зависимости от европейского рынка и закрепления на растущем энергетическом рынке СВА. Одновременно с этим Россия стремится расширить долю нефтегазовой сферы в своей региональной экономике. Энергетическая стратегия России предусматривает развитие на территории Дальнего Востока про-

ектов генерации и транспортировки энергии, основной целью которых является освоение природных ресурсов усилиями крупных корпораций в форме государственно-частного партнёрства **[16].**

В число интересов энергетической политики России на пространстве СВА входит модернизация существующих энергетических мощностей внутри страны, в КНР и Центральной Азии; использование таких неправительственных организаций как Энергетического Клуба и Делового Клуба Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) для многосторонних переговоров и создания единого энергетического рынка; развитие образовательных проектов ШОС, БРИКС и российско-китайских соглашений в разработке новых стратегий и привлечении кадров высшей квалификации; наращивание инновационно-модернизационного вектора экономического развития энергетики России и Китая; а также проработка нормативной основы и информационного сопровождения энергетических проектов в центрально-азиатском регионе. Некоторые российские и китайские эксперты выдвигают тезис о возможности формирования системного российско-китайского энергетического альянса, способного со временем решить задачу создания энергетического кольца Северо-Восточной Азии **[7]**.

В свою очередь, Китай выстраивает в Северо-Восточной Азии собственную систему региональной безопасности и с этой целью создаёт структуру производства, в большей степени соответствующую задачам его модернизации и технического обновления. Наблюдается как активное непосредственное государственное регулирование, так и воздействие на рынок через государственные активы в корпоративном секторе, такие, как Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC). Решая задачу выравнивания социально-экономического развития прибрежных и континентальных районов, КНР осуществляет комплексную поддержку разработки национальных месторождений и нефтегазовых проектов за рубежом (в частности, в Центральной Азии).

Несмотря на то, что Китай самостоятельно обеспечивает львиную долю своих энергетических потребностей, по нефти у него наблюдается высокая степень зависимости от импорта. По данным Управления США по энергетической информации в 2020 г. уровень зависимости Китая от импортных нефтяных ресурсов составит 62,8 %, а в 2025 г. достигнет 68,8 % **[8, с. 51]**. Рост импорта при наличии собственных запасов обусловлен тем, что, во-первых, темпы экономического роста КНР превышают темпы развития нефтегазовой инфраструктуры в стране; во-вторых, основные месторождения углеводородов сосредоточены на западе КНР, а экономический рост локализован в прибрежных юго-восточных провинциях Китая; в-третьих, стоимость освоения, добычи и транспортировки углеводородов на месторождениях КНР зачастую превышает стоимость импортируемых энергоносителей из Центральной Азии.

Энергетическая стратегия Китая предусматривает диверсификацию энергоресурсов посредством увеличения доли природного газа, использования существующих нефтегазовых месторождений в Китае и роста поставок из Центральной Азии и России для минимизации транзитных рисков. В ситуации падения мировых цен на нефть Китай в конце 2015 г. увеличил собственную добычу сланцевого газа в провинции Сычуань, что позволило властям Китая наложить давно планируемые ограничения на добычу в стране каменного угля. Действуя в соответствии с приоритетными направлениями, изложенными в китайской стратегии энергетической безопасности: «экономия», «технологические инновации», «диверсифицированное сотрудничество» **[17]**, Китай разнообразил поступление энергоресурсов разработкой месторождений в Таримской впадине и впадине Ордос, постройкой нефтеперерабатыва-

ющих предприятий в Карамае, Урумчи, Ланьчжоу и Куньмине и в течение ближайших 5–10 лет будет в состоянии обеспечить энергетическую безопасность в западных и юго-западных областях страны.

Поскольку КНР не вошла в группу стран-энергопотребителей Международного энергетического агенства (МЭА), а также не принадлежит к числу стран-участников ОПЕК, особенности участия Китая в многостороннем сотрудничестве по энергетике связаны, в основном, с собственными инициативами по формированию финансовых институтов и зон свободной торговли в зонах стратегических интересов АТР и СВА. Китай играет ключевую роль в формировании Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) с участием 16 стран **[18]**. В 2014–2015 гг. Пекин инициировал формирование двух новых финансовых институтов: Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития БРИКС (со штаб-квартирами в Пекине и Шанхае соответственно). Основной программой, включающей в себя задачу обеспечения евроазиатской энергетической безопасности является выдвинутая Си Цзиньпином в 2013 г. инициатива «Один пояс – один путь», которая должна связать наименее обеспеченный регион Китая – Синьцзян-Уйгурский автономный район – с Центральной Азией, Ираном, Турцией и Европой.

Таким образом, для решения своих энергетических задач Китай ориентируется на универсальную архитектуру региональной энергетической безопасности, которая будет опираться на сеть финансовых инструментов, неформальных контактов государственных, деловых и академических кругов.

Анализируя перспективы политико-экономических отношений России и КНР, западные учёные, полагают, что китайская и российская стратегии являются частью «политики силы», растущей с ослабеванием Запада и связанной с притязаниями на часть регионального пространства **[19, p. 2]**. Отмечается, что в стратегии России произошла переоценка роли регионализма, в связи с чем российское руководство пытается риторически противостоять «европоцентристской» идеологии и отделить отношения с Китаем от всех остальных отношений в регионе из-за слишком большой экономической зависимости Дальнего Востока России от КНР **[20, pp. 138–148]**.

В то же время, очевидно, что в своём выстраивании моделей энергетического сотрудничества в СВА оба государства неизбежно столкнутся с системными проблемами. Россия как относительно новый игрок на азиатском региональном поле после «поворота на Восток» и поиска дополнительных источников развития дальневосточного направления экономики встретилась с очень осторожной позицией ряда стран СВА, а также с достаточно сильной конкуренцией в энергетике со стороны стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Китай, которому в реализации предложенных моделей регионализма предстоит системная работа со всеми потенциальными партнёрами, по территории которых пролягут «новые шёлковые пути», неизбежно встретит на этом пути противодействие ряда крупных акторов и будет нуждаться в союзниках, и здесь важно учитывать новую ситуацию его стратегического сближения с РФ **[15, с. 9]**.

В условиях обоюдной заинтересованности в снижении конкуренции за центрально-азиатские энергоресурсы и поступательном развитии региона Россия и Китай в последние два года демонстрировали положительную динамику в обеспечении энергетической безопасности. Как показало заключённое в 2015 г. новое соглашение между российской компанией «Росатом» и китайскими компаниями в строительстве Тяньваньской АЭС, сотрудничество в области атомной энергетики продолжает оставаться для России одним из ключевых факторов энергетической

стратегии в КНР **[5]** В свою очередь, китайская корпорация «Кэжуй» спланировала в течение 2016 г. закрепиться в России с новыми технологиями бурения скважин, оценивая конкуренцию на российском рынке как не слишком высокую **[9]**.

Одновременно с этим, оба государства испытывают «дефицит безопасности» на фоне обострения «системных дисбалансов в мировой экономике, в финансах, в торговле,.. размывания традиционных нравственных и духовных ценностей» **[2]**. При этом негативное влияние на ход двустороннего российско-китайского энергетического сотрудничества оказывают не только антироссийские санкции, удорожание ряда профильных услуг в КНР и девальвация российского рубля. Наряду с экономическим спадом в Китае, блокирующим увеличение объёмов инвестиций и торговли по «газовым» контрактам 2014 г., следует отметить отсутствие значимого прогресса по «западному» трубопроводу «Алтай»; несоответствие задач региональных программ развития приграничных регионов в России и Китае; слаборазвитую программу приграничного сотрудничества между дальневосточными областями России, северо-востоком Китая и другими региональными экономическими державами на фоне диспропорций в российской региональной экономике.

Уязвимая цена на газ и недоработанные соглашения о финансировании, фактически привязанные к контрактам на уровне государственных корпораций, не допускают в область энергетики субъекты регионального бизнеса, как с российской, так и с китайской стороны. Большинство проектов, реализуемых с привлечением китайских инвестиций, посвящены добыче и переработке природных ресурсов на территории России, что не в полной мере отвечает российским интересам по развитию производства на Дальнем Востоке. К примеру, с декабря 2013 г. через пограничный переход Махалино-Хунчунь осуществлялась перевозка из России в Китай только одного рода груза – угля **[6].** Как следствие, полностью отсутствует интерес китайских инвесторов к проектам Республики Саха (Якутия), Камчатского, Приморского и Хабаровского краёв, Сахалинской области и Чукотского автономного округа **[10]**. Кроме того КНР пока занимает наименьшую из трёх стран (Япония – 79,9 %, Республика Корея – 19 %, Китай – долю 1,1 %) долю в поставках природного газа в форме СПГ, которые осуществляются из дальневосточного терминала СПГ, построенного в рамках проекта «Сахалин-2» **[3]**.

Несмотря на ряд соглашений, достигнутых в рамках первого (2015 г.) и второго (2016 г.) Восточного Экономического форумов (ВЭФ), российско-китайские экономические отношения до сих пор в значительной степени ассиметричны. Россия находится фактически на периферии китайского энергетического рынка, и Китай не спешит расширять российское присутствие, решая свои энергетические проблемы за счёт связей с Туркменией, Казахстаном и т.д. Таким образом, Россия пока больше зависит от Китая в энергетической сфере, чем Китай от российских углеводородов. Большинство исполненных договорённостей Москвы и Пекина касаются сырой нефти, что чревато превращением России в сырьевой придаток Китая и повышает важность скорейшего решения вопроса о выстраивании гармоничной региональной энергетической безопасности в СВА, прежде всего для России.

С совпадением политической воли и экономических инициатив обеих сторон в ходе таких мероприятий, как Азиатский экономический форум в Боао, Восточный экономический форум (ВЭФ) во Владивостоке и Красноярский экономический форум были предприняты попытки координации усилий по реализации стратегий регионального развития России и северо-востока Китая по обеспечению энергетической без-

опасности приграничных областей. По итогам ВЭФ было предложено направить усилия на реализацию проекта Приморского энерговодохозяйственного комплекса (ПЭВК) и строительство ГАЭС в 45 км от Владивостока и ГЭС на реке Раздольной. Ещё один проект в рамках приграничного энергетического сотрудничества российских и китайских компаний ГЧП – газовая ТЭЦ мощностью 226 МВт по электрической и 342 Гкал/ч по тепловой энергии на северо-западной окраине г. Уссурийска (Приморский край), которую «РАО ЭС Востока» вместе с Хэйлунцзянским энергомашиностроительным альянсом «Амур Энерго-Строй Альянс» рассчитывают реализовать к 2019 г. **[12]**.

Фактически озвученная на первом и закреплённая на втором Восточном экономическом форумах идея использования ресурсного потенциала Дальнего Востока для гармоничного социально-экономического развития региона Северо-восточной Азии способна в дальнейшем стать основой новой парадигмы российско-китайского энергетического сотрудничества, а также будет полезна при дальнейшей разработке модели региональной энергетической безопасности, включающей в себя совокупную оценку геоэкономических рисков России и других стран на этом пространстве. При этом региональная безопасность предполагает острую необходимость диверсифицировать энергетическую политику России в АТР и на Дальнем Востоке за счёт других сильных игроков (Южной Кореи, Японии, Индии и пр.), чтобы избежать излишней экономической зависимости от единственного партнёра – КНР.

Для этого необходимо на региональном уровне обеспечить надёжные гарантии масштабных инвестиций в новые проекты по сжижению природного газа и разработке сланцевого газа; юридически закрепить единообразные правила формирования тарифов на энергоносители и возможности государственного регулирования этих тарифов с исчерпывающим перечислением оснований; добиваться создания в регионе стратегических запасов нефти и газа для обеспечения устойчивости и предсказуемости энергетического рынка в СВА; гарантировать безопасность сухопутных и морских путей доставки энергетических ресурсов ввиду надёжности транзита как ключевого элемента энергетической безопасности. С целью выстраивания региональной энергетической безопасности в отсутствие в СВА профильной международной организации, способной регулировать взаимодействия на региональном уровне целесообразно использовать привлечение России к соглашению о ВРЭП (предпосылкой к чему может являться соглашение между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и АСЕАН о зоне свободной торговли и недавнее вступление России в АБИИ), а также соединение элементов китайской инициативы «Один пояс – один путь» с ЕАЭС с вовлечением в этот процесс Белоруссии, Киргизии, России, Казахстана и Армении.

На субрегиональном уровне необходимо максимально использовать наметившуюся дальневосточную модель улучшения предпринимательского климата, подразумевающую упрощение процедуры заключения соглашений по осуществлению международных и внешнеэкономических связей между субъектами РФ и субъектами иностранных государств. Целесообразно разработать систему отношений, при которой регионы получат больше прав в распоряжении доходами от продажи ресурсов, добываемых на их территории, для развития местного производства **[4, с. 63–71]**, а также создание совместного кредитно-финансового института инвестирования для долгосрочного финансирования российско-китайских энергетических проектов с привлечением государственной поддержки субъектов Российской Федерации, обеспечивающих реализацию ключевых инвестиций на их территории **[17].**

Условиями для обеспечения региональной безопасности в СВА также являются приведение к международному уровню инфраструктурной обеспеченности в России и Китае; превращение ряда субъектов региона в экономически самодостаточные, взаимосвязь трансформации государственной региональной политики и сбалансированных государственных и региональных интересов, а также расширение границ равноправной конкурентной среды, исключая монополизм. При условии достижения синергетического эффекта использования вышеуказанных политических и экономических инструментов Россия и Китай смогут создать взаимовыгодную модель региональной энергетической безопасности в Северо-Восточной Азии, не зависящую от условий других игроков.

◆

Литература

1. Аркадий Дворкович: политических препятствий для работы с Китаем нет // Красноярский экономический форум. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krasnoforum.ru/news/348 (дата обращения: 25.03.2016 г.).

2. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на Совещании послов и постоянных представителей России. М., МИД, 1.07.2014 г. // Министерство иностранных дел РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/793F91B02AEF462844257D080050E43B (дата обращения: 25.03.2016 г.).

3. Внешняя торговля Сахалинской области. // Правительство Сахалинской области. [Электронный ресурс]. URL: http://www.admsakhalin.ru/in dex.php?id=152 (дата обращения: 23.11.2015 г.).

4. Гельбрас В.Г. Россия и Китай в условиях глобального кризиса / В. Гельбрас // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 11. С. 63–71.

5. Голобоков А.С. Энергетическое сотрудничество России и Китая и роль в нем многосторонних неправительственных механизмов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2.

6. Грузоперевозка на ДВЖД через железнодорожный погранпереход Махалино (РФ) – Хуньчунь (КНР) с декабря 2013 года достигла 100 тыс. тонн. // Информационно-аналитическое агентство «ПортНьюс». [Электронный ресурс]. URL: http://ns1.rus-shipping.com/news/176584/ (дата обращения: 15.03.2016 г..)

7. Иванов И., ред. Российско-китайский диалог: модель 2015, доклад № 18/2015. Москва, Спецкнига, 2015 // Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Russia_China_Report.pdf (дата обращения: 28.03.2016 г.).

8. Ли Син, Ван Чэнсин Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии.// Сравнительная политика. 2013. № 2 (12). С. 50–59.

9. Китайская Kerui планирует выйти на российский рынок с новыми технологиями бурения // Нефть России: новости ТЭК. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oilru.com/news/508542/ (дата обращения: 27.03.2016 г.).

10. О ходе реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы) в 2014 году // МАДВиЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/russian-chinese-cooperation-program-monitoring/788 (дата обращения: 15.03.2016 г.).

11. Реутов Д.А. Энергетическая безопасность государств Северо-Восточной Азии и сотрудничество с Россией. // Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма. Монография. Владивосток: ДВФУ. 2014. С. 124–142.

12. От «Роснано» до Чукотки // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/stati/2248370 (дата обращения: 20.03.2016 г.).

13. Путин: один из приоритетов ШОС – сотрудничество в финансовой сфере // РИА-Новости. [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/economy/20150710/1124546711.html (дата обращения: 28.03.2016 г.).

14. Сапир Ж. Энергобезопасность как всеобщее благо // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7780 (дата обращения: 2.03.2016 г.).

15. Севастьянов С.В. Интеграционные проекты Китая в АТР и Евразии [Текст] / С. Севастьянов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 4. т. 60. С. 5–12.

16. Энергетическая стратегия России на период до 2035 года (основные положения) // Аналитический центр при Правительстве РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://ac.gov.ru/files/content/1578/11-02-14-energostrategy-2035-pdf.pdf(дата обращения: 20.03.2016 г.).

17. China's largest shale gas project goes into production // China Daily. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-12/29/content_22854076.htm (дата обращения: 28.03.2016 г.).

18. China Urges Faster Economic Integration, Financial Stability in East Asia // China Daily. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015liattendsASEAN/2015.11/22/content_22508107.htm (дата обращения: 28.03.2016 г.).

19. De Wijk, R. Power Politics. How China and Russia Reshape the World. Amsterdam: Amsterdam University Press. 2015. 212 pp.

20. Kuhrt N.C. Russia and Asia-Pacific: From ‘Competing’ to ‘Complementary’ Regionalisms // Political Studies Association. 2014. vol. 34, issue 2. Pp. 138–148.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Arkadij Dvorkovich: politicheskikh prepyatstvij dlya raboty s Kitaem net // Krasnoyarskij ehkonomicheskij forum. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.krasnoforum.ru/news/348 (data obrashheniya: 25.03.2016 g.).

2. Vystuplenie Prezidenta Rossijskoj Federatsii V.V. Putina na Soveshhanii poslov i postoyannykh predstavitelej Rossii. M., MID, 1.07.2014 g. // Ministerstvo inostrannykh del RF. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/793F91B02AEF462844257D080050E43B (data obrashheniya: 25.03.2016 g.).

3. Vneshnyaya torgovlya Sakhalinskoj oblasti. // Pravitel'stvo Sakhalinskoj oblasti. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.admsakhalin.ru/in dex.php?id=152 (data obrashheniya: 23.11.2015 g.).

4. Gel'bras V.G. Rossiya i Kitaj v usloviyakh global'nogo krizisa / V. Gel'bras // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2011. № 11. S. 63–71.

5. Golobokov A.S. EHnergeticheskoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaya i rol' v nem mnogostoronnikh nepravitel'stvennykh mekhanizmov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 2.

6. Gruzoperevozka na DVZHD cherez zheleznodorozhnyj pogranperekhod Makhalino (RF) – KHun'chun' (KNR) s dekabrya 2013 goda dostigla 100 tys. tonn. // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «PortN'yus». [EHlektronnyj resurs]. URL: http://ns1.rus-shipping.com/news/176584/ (data obrashheniya: 15.03.2016 g..)

7. Ivanov I., red. Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2015, doklad № 18/2015. Moskva, Spetskniga, 2015 // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Russia_China_Report.pdf (data obrashheniya: 28.03.2016 g.).

8. Li Sin, Van CHehnsin Strategiya ehnergeticheskoj bezopasnosti Kitaya v TSentral'noj Azii.// Cravnitel'naya politika. 2013. № 2 (12). S. 50–59.

9. Kitajskaya Kerui planiruet vyjti na rossijskij rynok s novymi tekhnologiyami bureniya // Neft' Rossii: novosti TEHK. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.oilru.com/news/508542/ (data obrashheniya: 27.03.2016 g.).

10. O khode realizatsii Programmy sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoj Sibiri Rossijskoj Federatsii i Severo-vostoka Kitajskoj Narodnoj Respubliki (2009–2018 gody) v 2014 godu // MADViZ. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/russian-chinese-cooperation-program-monitoring/788 (data obrashheniya: 15.03.2016 g.).

11. Reutov D.A. EHnergeticheskaya bezopasnost' gosudarstv Severo-Vostochnoj Azii i sotrudnichestvo s Rossiej. // Konkuriruyushhie modeli i sovremennye tendentsii vostochnoaziatskogo i aziatsko-tikhookeanskogo regionalizma. Monografiya. Vladivostok: DVFU. 2014. S. 124–142.

12. Ot «Rosnano» do CHukotki // TASS. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://tass.ru/stati/2248370 (data obrashheniya: 20.03.2016 g.).

13. Putin: odin iz prioritetov SHOS – sotrudnichestvo v finansovoj sfere // RIA-Novosti. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://ria.ru/economy/20150710/1124546711.html (data obrashheniya: 28.03.2016 g.).

14. Sapir ZH. EHnergobezopasnost' kak vseobshhee blago // Rossiya v global'noj politike. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7780 (data obrashheniya: 2.03.2016 g.).

15. Sevast'yanov S.V. Integratsionnye proekty Kitaya v ATR i Evrazii [Tekst] / S. Sevast'yanov // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. № 4. t. 60. S. 5–12.

16. EHnergeticheskaya strategiya Rossii na period do 2035 goda (osnovnye polozheniya) // Analiticheskij tsentr pri Pravitel'stve RF. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://ac.gov.ru/files/content/1578/11-02-14-energostrategy-2035-pdf.pdf(data obrashheniya: 20.03.2016 g.).

17. China's largest shale gas project goes into production // Shina Daily. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-12/29/content_22854076.htm (data obrashheniya: 28.03.2016 g.).

18. China Urges Faster Economic Integration, Financial Stability in East Asia // Shina Daily. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015liattendsASEAN/2015.11/22/content_22508107.htm (data obrashheniya: 28.03.2016 g.).

19. De Wijk, R. Power Politics. How China and Russia Reshape the World. Amsterdam: Amsterdam University Press. 2015. 212 pp.

20. Kuhrt N.C. Russia and Asia-Pacific: From ‘Competing’ to ‘Complementary’ Regionalisms // Political Studies Association. 2014. vol. 34, issue 2. Pp. 138–148.

Сокращения

ГАХК	Государственный архив Хабаровского края
ГААО	Государственный архив Амурской области
ГАЗК	Государственный архив Забайкальского края
ГАКО	Государственный архив Кировской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАХК	Государственный архив Хабаровского края
ГУГШ	Главное управление Генерального штаба
ПВВ	Приказы по Военному ведомству
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГИА ДВ	Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
ЦГА УР	Центральный государственный архив Удмуртской Республики

Сведения о членах редакционной коллегии

Римская Татьяна Григорьевна *(главный редактор)* – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Ганопольский Михаил Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН *(г. Тюмень)*

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН *(г. Хабаровск)*

Журбей Евгений Викторович *(ответственный редактор)* – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Калугина Марина Альбертовна – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева *(г. Владивосток)*

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кирсанова Лидия Игнатьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток)*

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кристофферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса *(г. Нанкин, КНР)*

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)*

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского *(г. Владивосток)*

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Наумов Юрий Анатольевич – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, директор Центра азиатско-тихоокеанских исследований, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток)*

Шин Беом-Шик – Ph.D., доцент кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета *(г. Сеул, Республика Корея)*

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов *(г. Сираои, Япония)*

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- Теория и методология регионоведческих исследований
- Историческое регионоведение
- Экономика и природопользование
- Социальные и демографические структуры
- Культурные и идеологические факторы регионализации
- Политические отношения и управление регионом
- Мировая система и международные регионы
- Междисциплинарные и системные исследования региона
- Регион в документах и свидетельствах
- Науковедение
- Научные сообщения
- Рецензии и обзоры
- Научная жизнь
- Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим отраслям науки согласно

НОМЕНКЛАТУРЕ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ:

07.00.00	Исторические науки и археология
22.00.00	Социологические науки
23.00.00	Политология

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: txt, doc, docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы **ё** обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1, 5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1, 5 см., левое – 2, 5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10), текст статьи, список литературы. Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: **[2, с. 5]**. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: **(ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5)**.
7. Расшифровка сокращенний и аббривеатур (кроме общепринятых) обязательна (даётся в конце текста статьи). Например: **ГАПК – Государственный архив Приморского края**.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2012 г.).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объём других материалов – до 0,5 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: **ojkum@rambler.ru**) или через форму подачи статей (**ojkum.ru/feedback/submission-of-articles.html**).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2017 № 1 (40)

Подписано к печати 01. 03. 2017 г. Вышло в свет 28. 03. 2017 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 10,3. Уч. -изд. л. 11,7. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 42354